

40 коп.

М. Заплатин

В ОБЪЕКТИВЕ

УРАЛЬСКИЙ

СЕВЕР

М. ЗАПЛАТИН

**В ОБЪЕКТИВЕ —
УРАЛЬСКИЙ
СЕВЕР**

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1965

Автор этой книги Михаил Александрович Заплатин родился и вырос в Перми. Во время Отечественной войны служил в авиации. После войны закончил институт кинематографии, был кинооператором на студии Моснаучфильм.

Работая затем на Пермской студии телевидения, он создал более десятка фильмов о красотах Урала, его природных богатствах, о преображении северного лесного края.

Первая книга М. Заплатина «На гору каменных идолов» вышла в Перми в 1959 году. В 1962 году в издательстве «Искусство» он выпустил книгу «С кинокамерой вместо ружья». В следующем году в Перми была издана книжка «Вдоль Каменного пояса». Кроме того, вышли книги «К ледникам Кадара» (Новосибирское издательство), «Чара» и «В чертогах Подкаменной Тунгуски» (издательство «Мысль»).

Фотографии, использованные в книге, выполнены автором.

Какими бы стенками ни отделялись мы от природы, на какие бы расстояния ни удалялись мы от нее, какими бы важными делами ни загораживались от летних дождей и цветущих приречных лугов, — природа всегда будет властно и требовательно звать нас к себе, потому что она наша мать, а мы ее дети.

Владимир Солоухин

Урал! На всю жизнь покори́л ты мое сердце. Я горжусь дикой красотой твоих вершин. Нравятся мне люди, населяющие тебя. Они говорят на различных языках, у них разные обычаи, но одинаково открытые души.

Много раз я был на берегах Черного моря. Оно первым поманило меня путешествовать. Но полюбил всей душой я другое море, море зеленое — бескрайние просторы уральской тайги.

Урал мой! Сколько ни бродил я по твоим древним тропам, ты всегда влечешь меня вновь и вновь. Я многим желаю увидеть твои леса, пройти по твоим горам, проплыть по быстрым рекам.

ОТ
АВТОРА

Путешествовать — замечательно! Но пусть не обманывает себя те, кто думает, что в походах всегда светит солнце и жизнь путника

насыщена постоянной радостью. Настоящее путешествие — это целая жизнь с радостями и невзгодами, удовольствием и опасностями, это школа выносливости, закалки характера. Ведь не случайно трудные экспедиции выносят лишь люди сильные, терпеливые.

В длительных и далеких экспедициях бывает много ненастных дней. Подолгу хлещет дождь, промокает одежда, протекает палатка. Костер развести нет сил. Непогода действует угнетающе, настроение портится. Слабые ропщут, клянут ненастье. От них можно услышать и жалобы и уверения: «Сюда я больше не ходок!» Но истинные путешественники молча переносят непогоду. Они знают: за тучами прячется солнце... Тут-то и проверяется характер истинного следопыта: насколько он привычен и вынослив.

Но вот сквозь хмурое небо блеснуло солнце — и радость переполняет путников. Преображается человек. Снова звучат шутки, остроты, смех. Хотя дней таких бывает мало, именно из них и состоит вся прелесть путешествия. Именно они и заставляют забыть все прежние невзгоды в пути.

Не раз мне пришлось бывать в экспедиции в самое неподходящее для походов время — глубокой осенью, когда туристы в основном завершают свои маршруты и геологи, эти вечные скитальцы, тоже выходят из лесов и гор.

Нелегко путешествовать осенью в северной тайге. Вечерами мы с воплями влезали в холодные спальные мешки, утром же, когда палатка покрывалась инеем, а то и снегом, неохотно покидали свое нагретое за ночь убежище. Ноги и руки ко-

ченели от неподвижного сидения в лодке. Во время охоты и съемки с трудом сгибался палец на курке и на спусковой кнопке кинокамеры. А мы, как и летом, продолжали жить в палатке. Отогревал нас только костер — этот чудодейственный огонек, во славу которого хоть торжественные оды сочиняй.

Однако и в эту суровую пору среди предзимнего леса есть много прекрасного.

Да, путешествовать — и трудно, и замечательно!

Эти мои записки как раз для тех, кто любит странствовать по горным тропам и речным берегам, по диким ущельям и суровой тайге. Веселой армии туристов, путешественников — всем, кто любит сидеть у костра и слушать таинственные лесные звуки, кто умеет ценить прелесть общения с природой, от души посвящаю свою книгу.

Приглашаю вас, дорогие читатели, с помощью этих очерков «побывать» в тех местах Уральского Севера, о которых вы, может быть, никогда не слыхали. Вы познакомитесь с замечательной сталактитовой пещерой Дивьей. Проплывете по горной красавице Вишере. Подниметесь на альпийские луга хребта Кваркуш. Вместе с нами проследуете по глухой лесной реке Южной Кельме к старинному Екатерининскому каналу, некогда соединявшему бассейны Камы и Вычегды. Полюбуетесь малоизвестной рекой далекого пермского севера — Березовой, не описанной еще ни в одной книге.

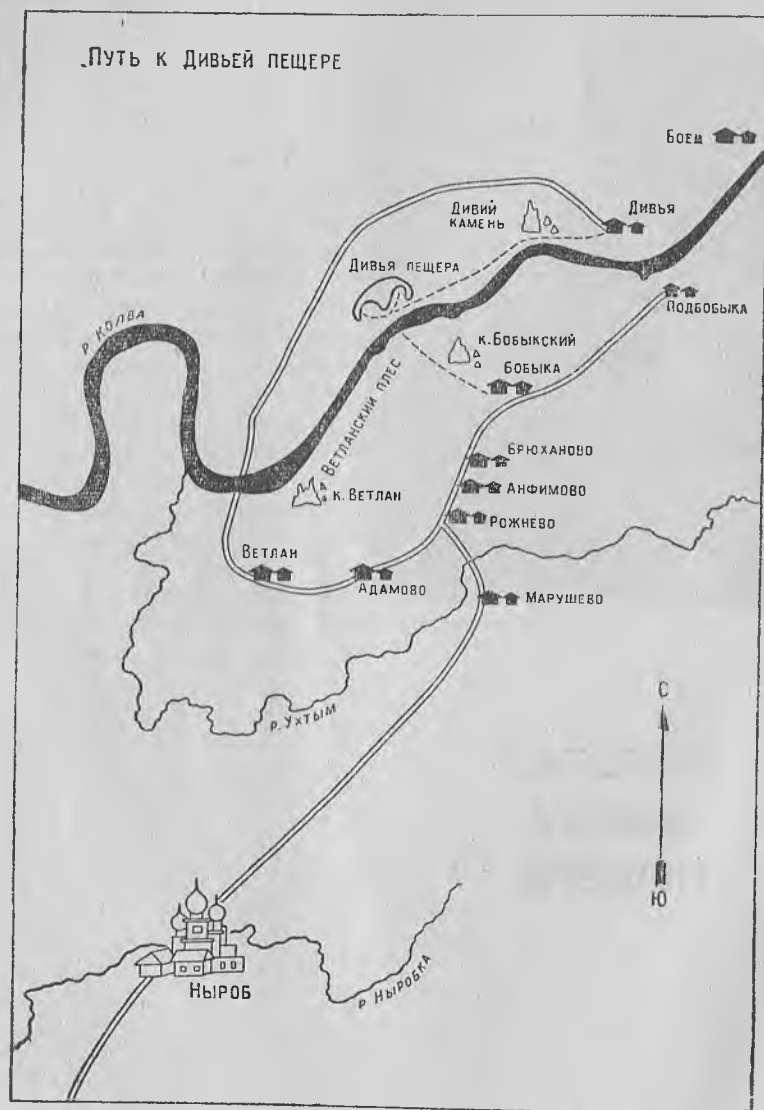
Ну что ж, отправимся в путь?

В ГРОТАХ ДИВЬЕЙ ПЕЩЕРЫ

Пещеры образуют своеобразный подземный мир, совершенно не похожий на тот, к которому мы так привыкли в повседневной жизни... Там среди хаотических нагромождений каменных глыб царит вечная ночь, вечная тишина. Только в отдельных местах эта удручающая тишина нарушается равномерным капанием воды, просачивающейся через горные породы.

Е. В. Ястребов

Давно, на протяжении почти двухсот лет, известно, что в лесах возле реки Колвы находится пещера Дивья. Заглянем в историю, обратимся к записям немногочисленных ученых-путешественников, посетивших в свое время эти края.

Вот что писал в 1772 году один из первых исследователей пещеры Н. П. Рычков: «Сколько известно нам пещер, то ни в одной из них не видно, чтоб натура столь щедро источила в них редкости творения своего».

В 1820 году в Дивьей побывал географ Берх и, в противоположность Рычкову, выразил о ней нелепое мнение. Но он, как известно, не углублялся далеко, ограничился лишь осмотром первой

ГДЕ ОНА,

ДИВЬЯ ПЕЩЕРА

сотни метров от входа, естественно, не нашел ничего любопытного, занимательного в пещере и назвал ее просто щелью.

Спустя более ста лет после посещения пещеры Рычковым побывал в ней этнограф Истомин и оставил восторженные отзывы. В 1911 году здесь был горный инженер Мамонтов, а в следующем году — Каптерев.

До нас дошли небольшие заметки о пещере этих пяти путешественников, самые яркие из записей — впечатления Рычкова. По-видимому, несмотря на краткость своих «Дневных записок», он достаточно основательно осмотрел подземелье.

Один из современных исследователей Дивьей пещеры — Е. В. Ястребов. Его популярная книжка с картой и красочным описанием гротов известна многим любителям подземных путешествий. Это первая и единственная работа, дающая детальное описание интересной уральской пещеры.

Пещера Дивья расположена вблизи одноименной деревушки в десяти километрах от старинного села Ныроб. Из-за своей отдаленности от больших населенных пунктов она не очень известна даже в Пермской области. Бывают здесь в основном энтузиасты — туристы и любознательные ученики ближайших школ. Местные жители знают о пещере, и многие из них в разное время были в ней. Об этом говорят обрубки сталактитов и сталагмитов в некоторых домах.

Попасть к пещере не так уж трудно. Летом, в большую воду, можно приехать в деревню Дивью рекой: от Перми на пароходе до Чердыни, дальше — на грузовом или пассажирском катере, следующем вверх по Колве. Этот путь интереснее других: Колва, протекающая среди береговых скал, здесь очень живописна.

Зимой же можно по железной дороге доехать до Соликамска, оттуда на автобусе через Чердынь — в Ныроб. Этот маршрут познакомит туристов с древнейшим городом Прикамья, бывшей столицей Перми Великой — Чердынью, и рядом старинных сел, таких как Камгорт, Вильгорт, Покча, Искор.

Зимний путь может быть еще короче и быстрее. Из Перми на самолете в Ныроб, оттуда по старому Печорскому тракту до села Рожнево, дальше по дороге на деревню Бобыку. От нее пещера находится на расстоянии не более километра на противоположном берегу Колвы.

Этот маршрут можно проделать и летом. Правда, отсутствие лодок и переправы заставляет туристов идти в обход — через деревню Дивью. Из нее к пещере ведут две тропы: одна по берегу под скалой Дивий Камень, другая через лес — так называемая верхняя дорога.

С каждым годом все больше любителей пещерного туризма собираются на Колву. Побывать в Дивьей пещере захотелось и мне. И непременно с киноаппаратом, чтобы заснять подземные красоты и показать их людям. Мне интересно было узнать: правда ли, что по красоте своей, как заявил в своих книгах профессор Г. А. Максимович, она не уступает знаменитой Кунгурской и среди известковых пещер Урала считается самой большой по протяженности.

Начинался март. В Перми еще стояли крепкие морозы. Нельзя было упустить такую прекрасную возможность. Я готовился к путешествию. О моем намерении посетить Дивью пещеру узнали ребята и девчата из секции спелеологов при Пермском клубе туристов. Они захотели отправиться с нашей киноэкспедицией и через правление клуба попросили меня встретиться с ними. На этой встрече было решено, что нас будут сопровождать семь туристов. Теперь, кроме подземных чудес, я мог снимать и людей, без которых бы не получился фильм о пещере.

В спутники была выбрана активная бригада по исследованию подземелий. Эти парни и девчата открыли уже немало пещер в Пермской области. Все они работали на заводе имени Дзержинского, некоторые без отрыва от производства учились в институтах, а остатки свободного времени уделяли секции спелеологов, шефом которой был известный уральский исследователь пещер профессор Максимович.

Эту компанию дополнил мой основной помощник, работник телестудии Володя — студент-заочник университета.

Мы торопились в путешествие. Март был на редкость морозным и солнечным. На севере, в районе Ныроба, по метеосводкам, еще была настоящая зима.

Может быть, покажется странным желание идти в пещеру в трескучий мороз. Не лучше ли подождать лета?.. Нет! Если вы хотите побывать в «подземном царстве», ждать лета не надо. Зима — лучшее время для такой экскурсии: поверхностные воды почти не проникают в пещеру, и в ней бывает значительно суше, чем в любой другой сезон. Следовательно, менее вероятны обвалы.

Пещерный туризм обязывает относиться к подземным путешествиям с особой серьезностью. Абсолютная темнота, сырость, отсутствие каких бы то ни было тропок, опасные места — все это требует специального оснащения. Поэтому мы запасались спичками, свечами, электрическими фонарями, веревками. Подбирали и подгоняли удобную обувь — специальные туристические ботинки на толстой резиновой подошве. Готовили штормовые костюмы и теплую одежду под них. Тщательно подбирали лыжи. Ведь это единственный «транспорт», который поможет нам преодолеть снежную целину на подступах к пещере.

И, наконец, то, ради чего создается наша экспедиция, — киноснаряжение. Вы знаете, что требуется для киносъемки пещеры? Перед нами стоял целый ряд вопросов. Чем просветить абсолютную темноту, какие взять приборы? Какими должны быть источники их питания? Как транспортировать в пещере кинокамеру, чем защитить ее от ударов? Как уберечь кассеты с пленкой от сырости?

Десятки вопросов, на которые надо дать точный ответ.

Во-первых, нам были необходимы портативные кинокамеры, удобные для работы под землей. Мы выбрали две: Конвас-Автомат и Аррифлекс. Их преимущества в том, что они удобны в работе, не тяжелы, имеют турель с тремя взаимозаменяющимися объективами, кассеты их вмещают шестьдесят метров пленки. С такими аппаратами можно пролезть в любой узкий лаз.

Мы сконструировали специальный алюминиевый бокс, чтобы укладывать в него все съемочное оборудование и тащить за собой в тесных проходах подземелья.

Во-вторых, нужно было подобрать самую высокочувствительную кинопленку. Ведь рассчитывать на большое освеще-

ние в пещере мы не могли. Остановились на сорте пленки «ВЧ» в 380 единиц. Она вполне обеспечивала получение нормальной экспозиции при малой освещенности и обладала достаточной контрастностью.

Самым трудным было — решить, какое осветительное оборудование взять в пещеру? Вы представляете, как нелегко затащить какие бы то ни было осветительные приборы в царство вечной ночи? О громоздких лампах и фонарях не могло быть и речи. Выход один — портативные аккумуляторы с миниатюрными зеркальными лампами. Мы решили, что пятнадцать шестивольтовых аккумуляторов и запас в сорок ламп обеспечат нам съемку. Пять маленьких светильников по четыре патрона «Миньон» с проводом для подключения к аккумуляторам заменили нам тяжелые киносъемочные фонари.

Необходим был штатив для кинокамер. Мы взяли два: для Конваса и Аррифлекса.

Для съемки в узких проходах пещер выбрали широкоугольный объектив, передняя линза которого величиной с большое блюдо.

Приближались дни, когда нужно отправляться в Ныроб. Туристы были в полной готовности и нетерпеливо ждали. Задерживали экспедицию только мы, киногруппа. С нами случилась обычная история: все готово к выезду, но в бухгалтерии нет денег на билеты и оплату грузов.

В один из хлопотных дней мне позвонил председатель пермского клуба туристов:

— С вами хочет познакомиться профессор Максимович.

Для меня это было приятной неожиданностью. В назначенный вечер я пришел по названному адресу. Дверь мне открыл крупный полный мужчина — сам профессор.

— Это вы собираетесь в пещеру? — удивленно встретил он меня. — А я почему-то представлял вас несколько моложе...

— Я тут приготовил для вас почти всю литературу о пещерах, — сказал профессор, когда мы прошли в его комнату.

На столе лежали десятки книг и фотоальбомов о пещерах, изданные в Чехословакии, Венгрии, Польше, Югославии. Были здесь также книги об интересных пещерах Франции, Испании, Австралии.

— Для вас очень важно просмотреть все эти иллюстрации, запомнить подземные причуды: возможно, вы их встретите в Дивьей пещере, — советовал мне профессор.

Мы долго листали книги, обсуждали мой сценарий. Про-

фессор сделал несколько замечаний, высказал много дельных пожеланий. Я тут же все записал, радуясь случаю, который свел меня с этим ученым.

Через несколько дней в областной газете появилось сообщение:

«В окрестностях Ныроба находится чудо природы — интереснейшая на Урале, малоисследованная пещера Дивья. Немногим довелось побывать в ней. Еще меньше прошли ее всю. Скоро в пещере сможет побывать любой... не выходя из квартиры.

Четвертого апреля в Ныроб вылетел оператор Московской студии научно-популярных фильмов Михаил Александрович Заплатин. Он будет снимать фильм о Дивьей пещере для Пермской студии телевидения. Это первая работа из целого цикла фильмов-путешествий по интереснейшим местам севера нашей области и другим географическим достопримечательностям Урала.

М. А. Заплатину в его работе будут помогать опытные пермские туристы-спелеологи (исследователи пещер) работники завода им. Дзержинского. Их проводником по подземным лабиринтам станет большой знаток Дивьей учитель Ныробской средней школы Егор Иванович Васкецов. Он пойдет в пещеру уже в сорок пятый раз».

На север нашей области весна приходит значительно позже, чем в Пермь. В апрельском Ныро-снега. Приближение весны обещало лишь солнце: оно ярко светило, но плохо грело.	Мы —	бе было морозно. Холодный ветер жег лицо. Всюду лежали глубокие сугробы ослепительного белого
---	------	---

В Ныробе нас прежде всего интересовал Егор Иванович Васкецов: без него мы не рискнули бы разыскивать пещеру. Устроив ребят в гостинице, я отправился к будущему проводнику. Его я представлял почему-то пожилым человеком. Однако встретил своего ровесника, рослого мужчину с приятным лицом...

Егор Иванович живет в своем доме, перевезенном из деревни Ветлан. В этой деревне, вблизи Дивьей пещеры, он и родился. Здесь, в самом живописном месте на Колве, прошли детство и юность Васкецова. Дед его, в семье которого он воспитывался, долгое время работал возчиком на Печорском

торговом тракте у чердынского купца Алина. Матери Егора Ивановича, Маремьяне Леонтьевне, тоже пришлось поработать возчиком вместе со стариком.

Извозом занимались в основном зимой. Летом ездили мало: хлебопашествовали, заготавливали сено. Егор Иванович уже с одиннадцати лет сам ходил за плугом.

Иногда летом деду приходилось водить приезжих людей в Дивью пещеру. В этих походах почти всегда участвовал внук. Потом он и сам водил экскурсантов. Так и стал Егор Иванович большим знатоком этого интересного уральского подземелья.

Нашу беседу прервал приход жены Васкецова, Марии Егоровны. Узнав о цели моего визита, она с неподдельным возмущением воскликнула:

— Да чтоб она обвалилась, эта пещера! Хватит уже ему, — она кивнула на мужа, — ходить в нее!..

Егор Иванович, улыбаясь, молчал. Ничего не мог возразить и я: столь неожиданным было заявление жены.

Я понимал беспокойство жены Васкецова и боялся, что наша группа может лишиться опытного проводника. Пришлось выложить весь запас своего красноречия, сказать о нашей цели — съемке фильма. Это, очевидно, несколько польстило Марии Егоровне, и она вскоре сменила гнев на милость. Было решено, что Егор Иванович прихватит с собой еще и сына Володю.

Мария Егоровна стала стряпать пельмени.

Постепенно в наш разговор включилась старушка — мать Васкецова, Маремьяна Леонтьевна. Она до этого лежала на печи, часто охала, причитала, громко сетовала на свое здоровье. Погодя немного, спустилась и под села к нам.

— Я тожно водила в пешшору-то ученого человека, когда молодая была. Да и отец-то мой важивал их много.

Хотелось спросить ее о том, что говорили в народе о целебности сталактитов. Но она, как бы угадав мои мысли, продолжала:

— В старину-то, слышь, поговаривали: в пешшорах растут подезные камни для здоровья. У которых баб робята долго не родились, так их тожно заставляли собирать там каменные сосульки, толочь и пить. Те, что с потолка пешшоры свисают, бабам нельзя было брать, а которые с полу растут — можно: стало быть, ребятишки будут родиться и расти.

Мне нравился ее особый говор. Русскую старину, далеко ушедшие века напоминал своеобразный напевный разговор...

Вскоре я уже не был на положении незваного гостя. Мы разговорились с Васкецовым о путешествиях.

Егор Иванович — учитель по труду. Каждое лето он водит своих учеников в Дивью пещеру. Но чаще всего уходит с ними в дальние походы по Колве, на гору Полюд, в Красновишерск, в Соликамск, в Березники.

— Откуда же берете средства? — спросил я.

— Ребята сами помогают доставать их.

И Васкецов рассказал, каким образом ребята зарабатывают деньги на свои экскурсии.

Один из постоянных источников средств — сбор утиля и металлолома. Этим ученики занимаются ежегодно.

А то бывает, что Егору Ивановичу сообщают из коммунального отдела райисполкома, например, об озеленении села и просят помочь этому делу.

Можно бы нанять рабочих, но ведь ребята к посадке саженцев отнесутся с большой любовью, да и взрослых не придется отвлекать... Школьники берутся за дело и зарабатывают на этом определенную сумму. Вот вам и очередной поход по родному краю.

Мы заговорили и о достопримечательностях Ныроба. Старинных сел на Уральском Севере много. В центре каждого из них непременно красуется церковь. Многие из них, особенно в Чердынском районе, — интересные архитектурные памятники. По отдельным каменным строениям можно судить, что Ныроб в старину был богатым селом, считался привилегированным. По словам жителей, причина этого крылась в «ныробском узнике».

— Вы, наверно, уже знаете, что село-то наше — историческое, — сказал Егор Иванович.

Я ответил, что в пермской библиотеке читал книжку Белдыцкого «Ныробский узник, древности и окрестности села Ныроб Чердынского уезда». Н. Белдыцкий, судя по его статьям о пермском севере, отличался большой наблюдательностью, ревностно любил свой край, много путешествовал. Жаль, что имя этого дореволюционного пытливого журналиста забылось: даже пермская библиотека им. Горького не располагает никакими биографическими данными о своем земляке.

— Эта книжечка есть и в нашей ныробской библиотеке. Она и в моем доме была, да со временем затерялась.

— Ваше село ведь было удостоено царской милости, — шучу я.

— Да, один из Романовых был сослан сюда.

В царствование Бориса Годунова именитый боярский род Романовых — одна из представительниц его была женой Ивана Грозного — по ложному оговору был подвергнут гонению со стороны царя. Годунов жестоко расправился с четырьмя братьями Романовыми. Одного из них, Михаила, он сослал в 1601 году в Ныроб. Узника заточили в яму, в которой он через год скончался. Он мог бы умереть с голоду и раньше, но его тайно снабжали едой. Белдыцкий пишет, что «пятеро ныробских жителей было сослано в Казань за то, что их дети бросали в яму Михаилу Романову съестные припасы».

Может быть, Романов прожил бы и еще дольше, но существует версия о том, что стража, которой надоело годичное пребывание в глухих ныробских лесах, постаралась ускорить кончину истощенного узника.

Столь долгое «житие» Романова в холодной яме религиозными людьми объяснялось его «святостью».

Вскоре окончилось царствование Годунова. Пришел высочайший указ: вырыть из ямы тело Михаила Романова и доставить в Москву. В марте 1606 года разрыли могилу. Ныробцев снова поразило то, что за четыре года в земле труп Романова совершенно не разложился, и темные, безграмотные люди окончательно уверовали в «святость» невинного мученика. На самом деле сохранность трупа можно объяснить тем, что в ныробской почве есть вечная мерзлота.

Тело было перевезено в Москву и погребено в Новоспасском монастыре. В 1613 году на престоле сидел уже родной племянник ныробского узника — царь Михаил Федорович. Он приказал воздвигнуть в Ныробе церковь над могилой своего дяди.

Белдыцкий далее пишет о том, что царь не оставил своим милостями верных ныробцев. В 1621 году он пожаловал их «бельной грамотой», избавляя от всех повинностей «за понесенное претерпение, кое из тех крестьян пяти человек имели во время царя Годунова за подаяние дневной пищи содержавшемуся в том их Чердынском уезде боярину Михаилу Никитичу Романову для вечного поминовения боярина. И до нашего указа с того Ныробского погосту наших никаких податей править не велено».

Большими льготами было наделено и ныробское духовенство. Впоследствии на месте деревянной церкви и часовенки выросли каменные храмы, один из которых частично уцелел до наших дней. Это Никольский храм, построенный в 1705 году.

До революции Ныроб стоял на бойком месте. Через него из Чердыни проходил торговый Печорский тракт. Все ныробские крестьяне работали на чердынских купцов Алина и Чернышова. Везли на Печору муку, сети, чай и другие товары, а оттуда — оленью шерсть, точильный камень, пушнину, рыбу свежую и соленую, особенно знаменитых сигов специального засола, рябчиков, которые, говорят, доставлялись в рестораны Парижа.

Обозы были большими. Васкецов вспоминал про один курьезный случай, о котором рассказывал ему дед. Как-то на дороге встретились два обоза с грузами: туда шло сто лошадей, оттуда — девяносто девять. Разгорелся спор: кому сворачивать? Когда сообразили, что число девяносто девять меньше ста, и этот обоз и должен пропускать, дело дошло до драки.

Теперь Печорский тракт почти забыт, изредка используется лишь местным транспортом да туристами.

На другой же день нашу группу во главе с Васкецовым подвезли на автобусе до деревни Рож-снаряжение, а сами встали на лыжи.

НА КОЛВЕ

нево. Здесь, в колхозе, нам дали три подводы. Мы сложили на сани все свое кинооборудование и

Семикилометровый путь от Рожнево до деревни Дивьей проходит по лесу. Зима еще прочно держала на деревьях снежный наряд. На березняке он был невзрачным, зато на пихтах и елях громоздились причудливые белые комья. Особенно доставалось молоденьким пихтам: у одних безжалостно согнуты ветви, у других даже вершинки чуть ли не до земли склонились под тяжестью огромных снежных глыб самых неожиданных форм.

Проехали маленькую деревушку Бобыку, расположенную у вершины камня Бобыкского. Отсюда виден обрыв камня и Ветланский плес на Колве. Северный зимний пейзаж простирался перед нами. Лишь с ярко-голубого неба чуть-чуть веяло весной.

После Бобыки стали спускаться с горы к деревне Дивьей. Въехали в береговой хвойный лес. Настоящая зимняя сказка поглотила нас. Мы ехали под арками согнутых над дорогой берез. На ветвях могучих пихт громоздились причудливые снежные фигуры. При легком прикосновении с деревьев сыпа-

лись комья, и над дорогой долго стояла снежная пыль. Лошади рысью несли сани. За ними длинной цепочкой скользили лыжники.

— Вот и Дивья, — показал Васкецов, когда мы стремительно выскочили из лесу на берег реки.

На противоположном берегу возле трех могучих кедров расположилась маленькая деревушка: я насчитал всего четырнадцать изб. Левее от нее над рекой гордо возвышался приметный обрыв камня Дивьего.

С Егором Ивановичем Васкецовым мы остановились у его знакомого. Туристы обосновались в просторной старинной избе у одинокой женщины.

Камень Дивий поистине главное украшение здешних мест. Не будь его, не было бы той привлекательной живописности, о которой писали еще путешественники прошлого.

Берх так отзывался об этом камне:

«Совершая путешествие кругом света и видевши в течение моей службы на море множество скал, утесов и камней, признаюсь, что не встречал такого замечательного предмета, как Дивий камень, это величественное здание природы. Скажу откровенно, что изобразить величественные его красоты можно только кистью, а не пером... Весьма похвально было бы, ежели бы кто вздумал изобразить виды сих камней; многим приятнее было бы глядеть на камни реки Колвы, протекающей в древней России, нежели видеть изображения швейцарских гор».

Я нетерпеливо поглядывал из окна избы на красавец камень. Васкецов заметил это и сказал:

— Перед походом в пещеру мы можем сходить туда.

— Обязательно!

— Там есть интересный водопад. Весной с камня широкой струей хлещет поток.

Я поглядел на небо: ни облачка, яркое солнце залило лучами долину Колвы и скалы Дивьего камня. Великолепный съемочный день! Нельзя его упускать!

— Нужно отправляться сейчас же, — говорю я Васкецову.

Мы предупреждаем туристов. Ребята с охотой готовят лыжи. Снаряжаемся и мы.

Через полчаса наша группа по крепкому насту направляется к отвесной стене камня Дивьего. Минуем рощу стройных пихт у самого берега Колвы и выходим к шумному потоку, бегущему в толстой ледяной корке откуда-то сверху, со скал.

— Вот он, водопад, — говорит Васкецов. — Сейчас он скован льдом, а когда начнет таять, под ним не пройдешь: захлестнет водой.

Егор Иванович показывает на длинную полыню, после впадения бурного ручья в Колву:

— Вода здесь, под камнем, никогда не замерзает. Зимой по ней плавают на лодке до самой Бобыки.

Я смотрю на отвесную каменную стенку за ручьем. Она вся в сверкающем убранстве.

— Что это?

Мы подходим ближе к скале и останавливаемся перед неожиданным зрелищем.

— Кружева изо льда!

— Ледяной хрусталь!

Отвесный склон скалы был густо покрыт высохшей травой. Сверху струились мелкие потоки, обдавая эти заросли водяной пылью. Лед нарастал на травинках, превращая их в кривые ледяные иглы и стрелы. Издали каменная стена действительно казалась кружевной. Прозрачные сосульки искрились в лучах солнца, каждая капля еще незастывшей воды горела крохотными алмазинками.

Ребята подошли ближе. Стали трогать необычные сосульки. Они звенели, но не ломались. Лишь на некоторых лед потрескался, и связанные травой кусочки льдинок стали похожими на бусы.

— Не трогайте! — взмолился я. — Сейчас заснимем.

Затем мы направляемся на вершину камня Дивьего. Туда можно попасть и через деревню, по верхним полям — это намного лучше. Но мы выехали на лед Колвы и по нему дошли до самого высокого и крутого обрыва скалы.

Перед нами — легендарный камень во всей своей красе! С реки он выглядит более величественно, всей своей массой круто обрывается к воде. На его уступах кое-где чудом приютились деревья. Вершина камня покрыта шапкой леса.

Под высоким обрывом к реке из леса вытекает ручей. Мы поднялись по его руслу, обошли кручи Дивьего камня и вскоре были на его вершине.

Если посмотреть отсюда вправо — Колва течет среди крутых склонов и незаметно теряется в массиве темнохвойных лесов в стороне Ветлянского плеса. Если взглянуть налево — увидишь крутую излучину Колвы с примостившимися к подножию камня домиками деревни Дивьей. На востоке тянутся увалы Ямжачной пармы.

Ребята, опираясь на лыжные палки, с опаской заглядывают под обрыв, где черной пастью зияет полынья.

— Представляю, какая красота здесь летом! — говорит старший группы туристов Толя Бестужев.

— А мы и летом сюда можем приехать! Правда, Толька? — спрашивает самая отчаянная из группы Галя Плеханова.

Туристы сняли лыжи и подошли к самому обрыву, на краю которого растут молоденькие березки. Ухватившись за стволы, они шумно выражают свои восторги.

До позднего вечера занимались мы киносъемкой. Снежную корку прихватил мороз. Над лесом возшла луна. Только тогда мы вернулись в деревню.

Ночь была светлой, тихой и морозной. При луне камень Дивий выглядел фантастическим замком. С его скал иногда срывалось таинственное и немножко жуткое уханье филина.

Мы с Васкецовым стояли возле избы и любовались лунной ночью. Казалось странным: снег еще держится по-зимнему, а филин уже хлопочет об устройстве своего гнезда.

— Всегда он так ухает перед весной, этот постоянный хозяин Дивьего камня, — замечает Егор Иванович.

Для знакомства с окрестностями мы выделяем еще один день: необходимо побольше заснять, пока великолепная погода. Завтра — поход на лыжах к камню Боец, стоящему в двух километрах выше деревни Дивьей. Наш хозяин сказал, что там в одной из гор есть небольшая пещера. Туристов это сообщение заинтересовало.

— Ребята, обследуем ее? — спросил Толя Бестужев.

— Конечно!

— Даешь новую пещеру!

Утром наша веселая компания скользила по крепкому насту к деревне Боец. Расположена она на высоком косогоре в полукилометре от реки, от которой ее отделяет лес и высокая скала — камень Боец. Он тоже отвесно обрывается к самой воде, выше Дивьего, но менее красив. Река делает возле него крутой поворот — словно ударившись о его каменные щеки, отходит в сторону. Он назван Бойцом, как и камень на Чусовой, за то, что во время сплава о него нередко бились барки.

Мы на вершине Бойца. Перед нами опять открылись лесные северные дали. Как хорошо сказал о них Белдыцкий:

«Как уроженец севера, я люблю нашу северную, суровую в своем однообразии, природу. Не блестит она обилием кра-

сок, не подавляет богатством ландшафта, но зато все в ней спокойно, так величаво-беспредельно; тут чувствуется несокрушимая сила и невольно передается человеку, кладется в основу характера северянина, помогая ему вести тяжелую борьбу за существование».

Долго мы пытались найти пещеру в камне, но ее не оказалось.

— Так ведь хозяин ваш говорил, что она в какой-то горе, — сказала Галя Плеханова и показала: — Не в той ли?

Мы посмотрели на лесистую горку, стоящую между рекой и деревней, и направились к ней. Там, после долгих блужданий по глубокому снегу, в крутом склоне мы все-таки обнаружили вход. Узкие лазы, идущие от него в стороны, скоро кончались глухими стенками. Толя Бестужев с фонарем попытался пролезть в них, но вернулся.

— Это грот, а не пещера. Его вымыла колвинская вода при половодье, — сделал заключение наш следопыт.

Этот вывод подтверждало озеро, находящееся в лесу у самого грота. Я вспомнил: хозяин говорил нам, что весной в большую воду к этому гроту подойти невозможно: он бывает затоплен.

К вечеру мы возвращаемся в деревню.

На завтра намечаем первый выход к Дивьей пещере. Необходимо основательно подготовить все снаряжение и в первую очередь — зарядить пленку в кассеты. Для этого нужно темное помещение. У нашего хозяина его нет.

В доме, где расположились туристы, есть подполье. Я переселяюсь к ним. Хозяйка отводит мне кровать в холодной половине, так называемой летней избе. Но холод меня не смущает: спальный мешок надежно спасает меня от него. Зато какой чистый воздух!

Я совершенно не жалел о переселении. Наоборот, меня радовали задорные песни, неугомонное веселье ребят.

После наступления темноты я лезу в подполье заряжать пленку. Мне слышно все, о чем разговаривает молодежь. Мой помощник Володя, студент филологического факультета, что-то докладывает по части филологии. Галя Постных, студентка-биолог, умничает в вопросах ботаники. Оба они словно соревнуются друг с другом в эрудиции.

Все остальные молчат. Но потом начинают переговариваться. Видимо, им надоел ученый разговор.

— Да кончайте вы вашу ботанику! — выкрикивает Миша Лучников.

После небольшой паузы Володя начинает снова:

— Не пойму людей, которые пекутся о своем здоровье. Болит зуб — не обращай внимания. Болит голова — не думай об этом.

Слышен голос Толи Бестужева.

— Непонятно, какое это имеет отношение к заботе о своем здоровье?

Володя, запутавшись в своих мыслях, несколько поворачивает разговор:

— Да вот ты зачем стремишься в походы?

— Забочусь о своем здоровье.

— А разве в городе нельзя быть здоровым?

— Можно, — отвечает Бестужев, — но там чаще болит голова, тот же зуб. Чаще всего именно в городе чувствуешь себя неважно. Вот и стремишься к лесу, к чистому воздуху.

— Ерунда! — не соглашается Володя. — Жить можно и в городе, без походов.

Ребята зароптали. Слышен голос Игоря Зиганшина:

— Ты опровергаешь общеизвестную истину, что лес, чистый воздух, походная жизнь расширяют кругозор, оздоравливающе действуют на человека. Это же элементарно.

— Да, но...

Володя еще пытается противоречить, но начинает брехать гитара. «Сердцепипательные романсы» Юры Кодолова сменяют умные разговоры. Снова смех и веселье заполняют вечернюю избу.

Утром к нам в избу явился Егор Иванович с пятью школьниками, только что пришедшими из Ныроба.

Оказывається, за ночь внезапно потеплело.

— Проваливаться будем с грузом, — добавил Васкецов.

Идти к пещере решили так называемой верхней дорогой, через лес. Это летняя дорога, связывающая Дивью с деревней Ветлан. Берем в рюкзаки по два тяжелых аккумулятора, кроме того, запас ламп, штатив, два киноаппарата с пленкой. Один из мальчиков взвалил на плечи пустой алюминиевый бокс. Другие школьники тащили свечи и запас батареек для карманных фонарей.

В ЦАРСТВО

ВЕЧНОЙ НОЧИ

— Труднее нам будет пробираться к пещере: снежок повалил.

Мы выглянули в окно. Медленно па-

Толя Бестужев предусмотрительно втиснул в рюкзак чайник и запас сахара и хлеба.

Пятнадцать лыжников цепочкой последовали за проводником. Пошли по снежной целине. Отмякшая корка наста не выдерживала, лопалась под тяжестью людей. Лыжи глубоко проваливались в снег.

Так мы поднялись к полю среди леса, от него начинался спуск в небольшой лог.

Егор Иванович остановился и сказал школьникам:

— А ну, ребята! Поезжайте вперед, трамбуйте лыжню.

Решение было правильным: легко нагруженные школьники могли без труда подготовить для нас дорогу. Вперед ринулся сын Васкецова — Володя. Осевший под ребятами наст теперь свободно сдерживал нашу тяжеловесную бригаду.

Легко скатываться с горки в лог, а какво подниматься на другой склон! Да и снег здесь более глубокий. Следующий лог еще круче: подниматься еще труднее. Ребята часто падали. Многие сняли лыжи и по колено, а где и по пояс в снегу преодолевали склон.

Наконец мы оказались на вершине. Но дорога недолго шла по ровному месту. Снова начался крутой спуск. Между высокими деревьями белела заснеженная пойма реки Колвы. Егор Иванович остановил нас:

— Ну, держитесь, сейчас начнем спускаться к пещере.

И стал петлять между деревьями.

Лыжи не держали, несли вниз. Ребята едва успевали зацепляться за деревья или умышленно падали, чтобы не скатиться. На одной крутизне Игорь Зиганшин не удержался и его понесло. До нас донесся сильный удар чего-то тяжелого о дерево. Затем между двух лесин мы увидели упавшего лыжника. Оказалось, что его задержал штатив, который висел через плечо наперевес. Из штативной головки при ударе о дерево выбило кусок металла.

Егор Иванович продолжает петлять по лесу. Мы послушно следуем за ним. Он чаще стал останавливаться и присматриваться к кронам деревьев.

— Ищу приметную березку, которая стоит возле пещеры...

— Да вот она! — наконец воскликнул он.

Кажется странным, что вход в пещеру находится именно здесь, в лесу, где не видно ни скал, ни утесов. Думаю о том, что нам здорово повезло: без Васкецова едва ли найдешь в этих заснеженных лесах вход в подземелье.

Я кричу ему:

— Пропустите меня вперед! Я должен заснять подход к пещере!

Меня пропускают. Егор Иванович показывает место, где должно быть отверстие в земле. Я его не вижу. Тогда он подходит на лыжах ко мне, и мы вместе с ним ищем в сугробах яму. Васкецов показывает мне углубление в снегу:

— Вот она!

Я стараюсь как можно дальше обойти пещеру, чтобы не натоптать в снегу при подходе к ней. Мы приближаемся. Заглядываем вниз. В глубине снежной ямы чернеет тесная дыра. Края ямы обтаяли от теплого воздуха, выходящего из земли.

Я быстро готовлю кинокамеру, делаю знак ребятам и снимаю подход группы к пещере.

Вход в пещеру занесен толстым слоем снега. Значит, этой зимой мы пришли сюда первыми. Но как же протиснуться с киноаппаратурой в узкую щель?

— Нужно разгрести снег, — говорит Васкецов.

После детальной съемки входа в пещеру мы дружно взяли за лыжи, стали разгребать в снегу траншею. Егор Иванович попросил ребят нарубить пихтовых веток, чтобы устлать ими лужу с грязью при самом входе в подземелье.

Я снимаю и эту подготовительную работу.

Кажется, у нас все готово для подземного путешествия. Пробуем электрические фонари. По карманам рассовываем коробки со спичками, завернутые в целлофан.

С зажженными свечами в руках мы стоим перед входом в пещеру. Только у меня в руке нет свечи: я держу кинокамеру, а свечи вместе со спичками рассованы по карманам.

— Ну как, готовы? — спрашивает Егор Иванович.

Он первым спускается к отверстию и почему-то не головой, а ногами вперед исчезает в нем. Оттуда неожиданно вылетают две летучие мыши.

— Ушаны! Ушаны! — кричит Галя Постных.

Появление этих жителей подземного мира вызвало у всех радостный смех. Полетав среди деревьев, крылатые мыши снова юркнули в пещеру.

— Пошли-и! — раздался глухой голос проводника из подземелья.

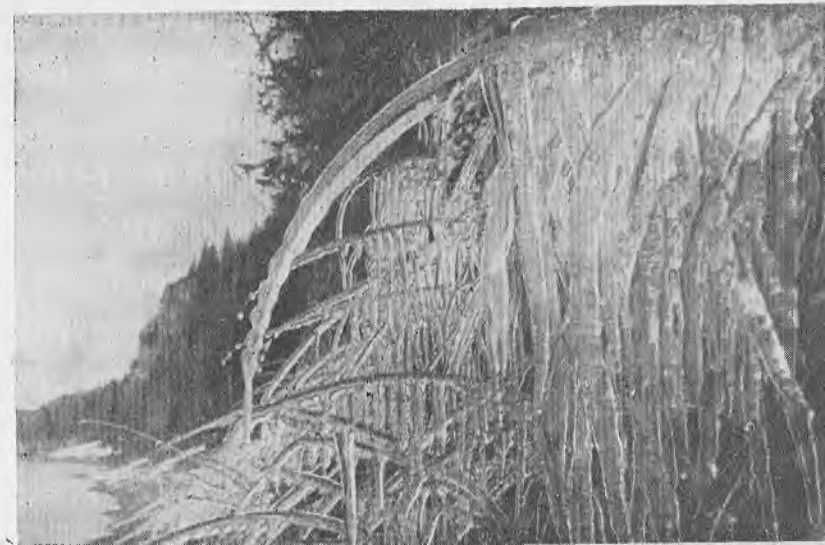
Туристы один за другим начинают исчезать в узкой щели. Я снимаю эту сцену и жду своей очереди, чтобы со включенным аппаратом приблизиться к подземному входу.

Вот скрывается пламя последней свечи. Иду следом, и в визире аппарата все погружается в темноту.

Старинное село Ныроб.

Ледяным хрусталем одеваются к весне берега Колвы.

Камень Веглан на Колве.

Грот близ деревни Боец.

Дивья пещера. В гроте Кабан.

Дивья пещера. Спуск в грот Дева.

Прекращаю съемку. Ящерицей вползаю в узкую горизонтальную щель. Каменная глыба сверху как бы сдавливает все мое тело: спиной чувствую потолок, подбородок едва не касается усталенного пихтовыми ветками пола. Под ними чавкает жидкая грязь. Как же пролезал здесь тучный Берх?

Поднимаю голову, смотрю вперед. Вдали различаю мерцающие точки свечей. Гулко, с резонансом раздаются голоса. Долго ползу на животе по тесному туннелю. Постепенно потолок становится выше. Можно встать на четвереньки.

Приближаюсь к остановившейся группе.

— Здесь, в этой нише, — показывает Васкецов на углубление в стене, — можно сложить аппаратуру.

Как будто специально для хранения вещей устроила природа удобную выемку. Здесь будет склад, в нем мы оставим часть своего снаряжения, запас свечей, батареек, веревок.

Мы основательно снаряжаемся для киносъемки. Забираем светильники с лампами и аккумуляторами. Кинокамеру с оптикой и запасом кассет с пленкой помещаем в бокс, напоминающий заостренный с двух концов толстый снаряд, стенки которого внутри уложены листом губчатого материала. Эта мягкая прокладка надежно защитит аппарат от толчков о камни.

Егор Иванович строго говорит своим юным спутникам:

— Ребята, в пещере не галдеть: от громкого разговора могут быть обвалы!

Отправляемся дальше. Пещерный коридор значительно расширяется, уже можно встать на ноги. Но низкий потолок пока не позволяет выпрямиться во весь рост.

На первых десяти-пятнадцати метрах Дивья пещера похожа на искусственно прорытый туннель: круглый свод, словно обитые молотком стены, никаких натечных образований.

Группа длинной цепочкой растягивается по пещере. Слышно, как чкают мелкие каменные плитки под ногами. Остановятся ребята, замолкнут на какие-то секунды — и наступит такая жуткая тишина, какой на земле не услышишь. Это особая, заставляющая напрягать нервы тишина, которая на мгновение как бы замораживает всего человека, останавливает дыхание. Порой слышишь удары собственного сердца.

Через шестьдесят пять метров от входа туннель приводит в первый маленький грот, от которого, собственно, и начинается Дивья пещера.

Егор Иванович объявляет:

— Это место так и называется — грот Первый.

Оглядываемся, видим небольшое подземное пространство. Влево, вниз от него идет низкий проход, который вскоре расширяется и выводит в следующий маленький грот.

— А это Трубный, — говорит Васкецов.

Поднимаем головы. Вместо низкого потолка видим высокую уходящую вверх воронку, которая, сужаясь, теряется в темноте.

Дальше — снова узкий коридор. Придерживаясь за стенки, спускаемся. Над головами низко нависают глыбы. Но вот потолок резко поднимается, и мы попадаем в узкий проход, который напоминает вертикальную щель.

Я иду следом за Васкецовым. Он останавливается и ждет, когда подойдут остальные. Убедившись, что все в сборе, он говорит:

— Мы тут вместе с Ястребовым лазили. Он и дал названия многим гротам. Этот назвал — Щель.

Световые пятна скользят по мокрым стенкам вверх, освещают высокий потолок. Прислушиваемся: где-то слабо капает. Правая стенка грота огромной плитой спускается вниз, еще больше сжимает и без того тесный проход.

— Ребята, — обращается проводник к школьникам, — не трогайте эту плиту: она может обвалиться.

Это в равной степени относится и к нам.

— Сорок пятый раз прохожу здесь, — продолжает Васкецов, — и вижу, что все больше и больше она трескается и вот-вот должна рухнуть и завалить проход. Когда-нибудь это все-таки случится.

Из грота Щель поднимаемся вверх. Потом спускаемся, и снова низкий потолок пригибает нас так, что приходится ползти на четвереньках.

— Держитесь левее, — предупреждает Васкецов и показывает на провал справа.

Жмемся к левой стенке, с опаской заглядываем в зияющий чернотой колодец, от которого тянется несколько глубоких узких щелей.

Тесный коридор выводит нас в просторный зал с куполообразным гладким потолком — планетарий в миниатюре.

— Вот полюбуйте — грот Круглый.

Мы с облегчением выпрямляемся во весь рост. Присаживаемся на большие камни у стены. Грот действительно круглый. От стен амфитеатром спускаются каменные россыпи, образуя на дне подземного зала огромную чашу.

Короткий отдых и снова — в путь. Минуем широкий, но низ-

кий коридор, выходим в следующий грот, по своим размерам значительно больше Круглого. Потолок здесь высокий и плоский. Пол в центральной части — в форме воронки. Впервые замечаем несколько сталагмитов, толстыми свечами стоящих у левой стенки. Но сталактитов — каменных сосулек, свисающих с потолка, — не видно.

И здесь Егор Иванович не забывает объяснить нам:

— Этот зал Ястребов назвал гротом Рычкова. Кто такой Рычков — знаете?..

— Знаем, — ответил Толя Бестужев за всех туристов.

— Ну, а теперь, товарищи, — говорит Васкецов, — приготовьтесь к самому трудному проходу во всей Дивьей пещере — проходу Туристов.

Он ведет нас в левую часть грота. Мы поднимаемся к едва заметному отверстию в стене, заваленному крупными глыбами. Одна из глыб балансирует, качается от прикосновения наших рук.

— Осторожно! — предупреждает Васкецов.

Один за другим, согнувшись, влезает в тесный туннель. Через несколько шагов можно двигаться только на четвереньках. Еще немного — и мы ползем на животах.

Проход заметно идет на подъем. Отверстие становится уже. Местами так тесно, что локтями чувствуешь стенки, а потолок не позволяет поднять головы. Наконец нависающий свод совершенно придавливает к полу.

— Вот это проходик! — слышу я чей-то глухой голос.

Трудно продвигаться скованным со всех сторон камнями. Посветишь фонарем и видишь в световом пятне только подошвы ботинок впереди ползущего товарища. Упершись одной рукой в пол, немного подтягиваешься, другой рукой тянешь за собой штатив. В подземелье стоит глухой гром от ударов о камни наших грузов: стучат коробки аккумуляторов, со скрежетом скользит алюминиевый бокс с кинокамерой, который тянет за собой мой ассистент Володя.

Представьте себе проход, в поперечнике не превышающий пятидесяти сантиметров, по которому мы продвигаемся на протяжении сорока пяти метров.

Впереди меня ползет Миша Лучников. Он на минуту задерживается. Слышу его голос:

— Ну, тут еще теснее!

Свечу фонарем и замечаю выросший на нашем пути толстый сталагмит. Кажется, ползти уже некуда: отверстие сузилось совсем и приняло форму кривой узкой щели.

Но где-то вверху над сталагмитом поблескивает свет от фонарей уползающих вперед туристов.

Миша Лучников с трудом протиснулся между сталагмитом и потолком, как-то непонятно изогнувшись, приняв странную позу, остановился и с озлоблением сказал:

— Срубить бы этот чертов сталагмит!

Я вижу подошвы его ботинок, между ними толстая каменная свеча сталагмита — все свободное пространство занято его телом, кажется, без зазора. Каково же мне-то будет тут? Ведь я почти вдвое крупнее Лучникова!..

Кряхтя, он повернулся на спину, сделал еще несколько усилий, и вскоре его ноги исчезли вверху, обнажив злополучный сталагмит. Ни влево, ни вправо от него отвернуть нельзя: он стоит точно посередине. Между его тупой макушкой и потолком не более тридцати сантиметров.

Лезу. Спину больно царапают мелкие наросты на своде. Сталагмит сразу прижимает меня к потолку, сдавливает, скользит по моей груди, потом по животу. Ощущение такое, словно ползешь по острiu гвоздя.

Наконец, сталагмит позади. Кручу головой, ищу проход дальше и не вижу. Смотрю вверх — там играют световые зайчики и слышен говор туристов. Изогнуть тело что-то мешает. Приходится развернуться и лечь на спину. Здесь мне значительно труднее, чем Мише Лучникову.

Упершись ногой в сталагмит, поднимаюсь вверх, с большим трудом вытягиваю за собой киноштатив. Весь мокрый от пота вылезаю в просторное подземное помещение. Уф!..

Перед глазами — эффектное зрелище. На многочисленных камнях стоят зажженные свечи, от света которых на стенах двигаются гигантские тени. Проводник с группой туристов, поджидая нас, устроил эту иллюминацию.

— Вот он, самый большой грот в пещере — Ветлан, — встретил нас Егор Иванович.

Размеры этого зала поражают нас. Высокий и местами плоский потолок придает гроту сходство с укрытым в глубоком подземелье храмом. У стен в начале грота видны бугристые натеки с башенками тупых сталагмитов. Слышен шум капель и струек воды, стекающих с потолка.

Воздух в гигантском гроте, как и во всей пещере, удивительно чистый, дышится легко. Колыхание пламени свечи означает, что пещера постоянно продувается.

По заявлению Ястребова, Ветлан является центральным, узловым гротом Дивьей пещеры. Из него ведут семь ответвле-

ний. Высота грота до десяти метров, общая длина шестьдесят, ширина двенадцать метров. Целый подземный дворец!

Васкецов ведет нас в сторону хаотически разбросанных огромных глыб.

— Стойте! — кричу я. — Смотрите, это же черт!

Все останавливаются, поворачивают головы. На стенке, на которую я показываю, рельефно выделяется волчья морда с двумя маленькими рожками на голове — сталагмитами.

— И верно черт! — говорит удивленно Егор Иванович. — Я как-то раньше не обращал на эту стенку внимания.

— Разгружай аппаратуру! Надо заснять это каменное чудовище! — команду я...

После съемки снова прячем кинокамеру в бокс и следуем дальше. Поднимаемся по глыбам вверх к зияющему чернотой пространству. Останавливаемся. Под нами круто обрывающаяся стена.

Васкецов предупреждает:

— Это самый опасный спуск в грот Девы. Будьте осторожны!

Готовим веревки. Привязываем их за большие камни и медленно, с опаской спускаемся. Над головой висит многотонная глыба, готовая, кажется, в любую секунду обрушиться на нас.

Мои помощники — туристы хорошо натренированы в походах по пещерам. Они быстро распределяются на отвесном спуске и начинают передавать друг другу киноснаряжение.

В грот Девы я спустился одним из первых. Ухожу немного вперед, оглядываюсь из темноты на исключительное зрелище: с большой высоты по отвесному обрыву медленно движется светящаяся цепочка из горящих свеч и фонарей. В этом сказочном мире тишины слышен каждый шаг туристов, каждое сказанное слово.

Грот Девы такой же просторный, как и Ветлан. Потолок его кажется намного выше, по утверждению Ястребова — не менее пятнадцати метров.

Путь дальше ведет по краю трещины. Осторожно ступаем на плоские головки маленьких сталагмитов, а руками придерживаемся за такие же сталагмитики, растущие на выступах почти отвесной стенки.

Небольшой подъем — и мы в гроте Кружевном с плоским и низким потолком. Внимательно рассматриваем и видим, что весь он исполосован густой сеткой мелких частых трещин. Вдоль каждой трещины тянутся мельчайшие натеки. Это и со-

здает подобие кружев. В течение очень длительного времени их кропотливо создавала проникающая в каждую трещинку на потолке насыщенная известью рукодельница-вода.

По стенам грота, наподобие бархатных покрывал, спускаются причудливые волнистые натеки. При свете ярких съемочных ламп они принимают светло-коричневый оттенок.

— Поглядите, какие здесь художества, — без энтузиазма говорит Васкецов.

Среди кружев потолок разукрашен какими-то грязными узорами, непонятными фигурами и звездами.

— Думаете, что роспись пещерного человека? — спрашивает Васкецов. — Увы! Это туристы увековечили свои имена.

Мы присматриваемся и читаем: «Рудик и Юра», «Свердловск», «Пермь». Много фамилий, всевозможных надписей. Выведены они копотью от свечей. Некоторые даже краской.

— Варвары! — возмущенно говорит Толя Бестужев.

— Безграмотные писаки! — бросает Галя Плеханова.

— Краску не лень им тащить сюда, — говорит Игорь Зиганшин.

— А вот фотоаппараты, наверное, забывают, — поддерживает Васкецов.

— Вы-то пришли сюда в первый раз, а каково мне все это видеть?.. Я помню пещеру в лучшем, почти нетронutom виде. На моих глазах из года в год негодяи отбивают сталактиты, малюют на стенах и потолках...

Мы с горечью слушаем. У всех какое-то подавленное настроение.

Засняв на киноплентку некоторые «художества» в гроте Кружевном, мы оставляем аппаратуру в нишах и направляемся в обратный путь. Те же узкие лазы, те же трудности.

Выходим наружу. На земле морозно. Над лесом сверкают звезды. Из подземной ночи попадаем в царство ночной тайги.

На другой день — та же лыжня в том же зимнем лесу. По проторенной дорожке идти легче.	■ КРАСОТА, СКРЫТАЯ ОТ ЛЮДЕЙ	Спускаемся в знакомое уже нам подземелье. Снова изнурительный про- ход Туристов и
---	--	---

Наконец добрались до Кружевного. Киноаппаратура, оставленная там, покрылась каким-то белым налетом, словно окислилась. На объективах охладившегося за ночь аппарата

от тепла рук появляется матовый слой, как на отпотевших окнах. Долго готовим к съемке кинокамеру и отправляемся в путь.

Низко нависает потолок. Временами почти ползем. Но вот становится выше, небольшой спуск увлекает нас в грот Угловой. Путь нам преграждает большой сталагмит в виде массивной тумбы.

Мы толпимся вокруг этого удивительного творения. Диаметр сталагмита около метра, высота примерно такая же. Стенки его опоясаны разрисованными обручами. При свете наших фонарей известковая тумба кажется светло-кремовой, будто она целиком вырезана из слоновой кости.

Школьники трогают руками каждый обруч. Им не верится, что все это создала природа.

В конце Углового грота есть два узких прохода: один, в левой стенке, ведет в грот Озерный, другой — в грот с интригующим названием Черные глаза.

Проникнув через тесный лаз в грот Озерный, мы находим в узкой теснине небольшое озерко с прозрачной водой. С одной стороны теснины на другую перекинут мост — длинный камень когда-то свалился с потолка и уперся концами в отвесные стены подземного каньона.

Каждый из нас зачерпнул ладошкой воды и попил из этого чистейшего озера.

Егор Иванович ждал нас в Угловом гроте.

— А теперь пойдем к Черным глазам.

Он исчез в вертикальной трещине в стене. Мы направляемся за ним.

Название Черные глаза больше всех других в Дивьей пещере интригует туристов. Всем непременно хочется поскорее попасть в этот грот. Такое желание было и у нас.

На пути к «глазам» в самой трещине, как страж, стоит большой сталагмит с заостренной макушкой. Форма его очень правильная, словно он, как замечает Е. Ястребов, выточен на токарном станке.

Вылезаем из щели и оказываемся в просторном туннеле. С потолка на нас глянули два огромных глаза. Это скорее всего не глаза, а глазные впадины черепа. Впечатление сильное: все время чувствуешь на себе этот странный взгляд.

Здесь у нас продолжительная и детальная съемка...

Спешим дальше. Туристы поговаривают о какой-то Щели Мефистофеля. Через грот Метро, похожий скорее на туннель, спускаемся в небольшой грот Ажурный.

Основную прелесть этому гроту придает потолок и ряд сталагмитов, острыми белыми иглами стоящих на высоких карнизах у стен. Привлекает внимание одна из стенок, заплывшая кальцитовыми натеками всяких оттенков — от белого до коричневого. В стенке этой есть провал, по которому мы должны спуститься дальше вниз, в систему очень сложных, тесных проходов.

— Парни, смотрите, Мефистофель!

Небольшое каменное изваяние при некоторой доле фантазии действительно напоминает знакомый профиль: крючковатый нос, клинышек бороды. Поэтому проход назван Щелью Мефистофеля.

Здесь стенки сплошь в причудливых каменных потеках. Это — словно гигантские покрывала или волны застывших потоков. Тут же разнообразные столбики и башенки, многочисленные свечи.

Может о них и писал Рычков: «Инде слились они наподобие искусством сделанного столба, инде висят на верху храмины, как свечи из белого воска, нарочно будто поставленные для освещения храмины».

Легкий подъем, и мы попадаем в грот Кабан. При входе в него в глаза сразу же бросается массивная каменная глыба, стоящая на возвышении, удивительно похожая на морду кабана.

Здесь мы должны отдохнуть, подготовиться к съемке и к переходу в гроты Индийский и Дальний.

— Сообразим чайку? — спрашивает Толя Бестужев.

Мы удивлены: где чайник, на чем его кипятить? Но тут же вспомнили: в рюкзаке у Бестужева был запас хлеба с сахаром, а чайник он оставил в нише.

— Водичку принесу из озера! — крикнул Бестужев и скрылся в щели, из которой мы только что вылезли.

А Игорь Зиганшин с Мишей Лучниковым уже связывают свечи — пучками по несколько штук, складывают из камня таган. Очаг готов.

Мы снимаем кабанью морду и спящих летучих мышей, висящих на выступках под ней.

А вот и Бестужев с полным чайником воды.

— Давайте костер!

В «очаге» уже горело два десятка свечей. Минут через сорок, рассевшись вокруг, мы с наслаждением пили горячую заварку с сахаром, ели хлеб с маслом. Своеобразная «тайная вечеря» под землей!

Я отошел в сторону взглянуть на нее. Склоненные над букетом огоньков силуэты, над ними слабо подсвеченная красноватая морда каменной свиньи. Гигантские тени людей колышутся на стенках.

Вправо и влево от фигуры Кабана два больших черных входа. Мы идем вправо: там расположены гроты Сказка, Театральный и Индийский. Какие названия!..

Правда, грот Театральный не произвел на нас впечатления.

Индийский грот — это коридор высотой до шести метров, украшенный с обеих сторон под потолком рядами массивных сталагмитов, напоминающих миниатюрные пагоды. Эти пагоды растут на ровных площадках вдоль стен, с которых спускаются толстые замысловатые натеки. Этот грот похож на залу восточного дворца.

Грот Сказка. Само название уже как-то выделяет его. Размеры этого грота невелики, но убранство — роскошное. На стенках многочисленными ярусами громоздятся густые натеки. Рисунок их трудно описать — это какая-то замысловатая фантазия природы, непостижимая уму человека. Заостренные сосульки, каменные нити, кружева, фантастическая лепка. Узоры до того тонки — как кристаллы снега или инея. И все это — белых, желтых, кремовых и коричневых тонов. В гроте Сказка мы по-настоящему познали всю прелесть подземных шедевров искусницы-природы.

Какие только причудливые формы не создают известковые растворы! И гребешки, и невиданные растения. Особенно интересны образования, напоминающие молодые ростки. Из трещин в стенах тянутся нежно-белые, как фарфор, заостренные стебли — словно прорастает картофель.

Или испарится известковая влага из впадин — и на дне их вырастает кристаллическая щетка.

А то вдруг сталактиты словно начинают покрываться ягодами. Такие образования называются пещерным виноградом. Удивительно все это!.. Будто здесь творил чудеса невидимый художник.

Невольно возникает вопрос: как же природа-скульптор создает под землей свои удивительные творения? Как образуются сталагмиты и сталактиты?

Вот что отвечает на это наука о пещерах — спелеология. Вода, проникающая сквозь толщу известковых пород, — это насыщенный раствор. Из капель известь студенистой массой оседает на потолке пещер в виде бугорка. Постепенно осадок

кристаллизуется, превращаясь в минерал кальцит. Из бугорка со временем образуется трубочка — сталактит. Трубочка растет, удлиняется.

Но из капли, упавшей на пол, также выделяется известь. И навстречу сталактиту поднимается конус с приплюснутой вершиной — сталагмит. Процесс роста очень длителен. Проходят тысячелетия — и сталагмиты становятся громадными. Иные из них имеют возраст более тридцати, сорока тысяч лет.

Попробуйте разрезать сталагмит — и в поперечном сечении вы увидите кольца, напоминающие годичные слои древесины. За год в сталагмите образуются два кольца. Они различны по цвету, так как химический состав зимней и летней влаги неодинаков. Летом вода более насыщена соединениями железа и марганца, а также органическими веществами, которые придают извести коричневую окраску. Зимой известь почти бесцветна.

На низком потолке грота Сказка мы нашли все стадии образования сталактитов: от бугорка до внушительной сосульки. И нам удалось наглядно воспроизвести на киноленте процесс их роста. Бугорки, капли, трубочки — всего этого было великое множество.

Из Сказки мы возвращаемся в грот Кабан и направляемся в дальнюю часть пещеры. Слева тянется высокая площадка, постепенно сливающаяся со стеной грота. По этой площадке, держась за выступы мелких, но прочных сталагмитов, мы спускаемся в грот Трущобу. В правой части его у пола видна глубокая ниша, в которой расположено маленькое озерко. Воды в нем сейчас нет, но Васкецов говорит, что летом и осенью оно наполняется.

Ребята заметно устали. Поглядывают на часы. На земле сейчас полночь. Мы с удовольствием прикорнули бы, поспали часок-другой, но нам сегодня же надо дойти до конца пещеры.

Крутой подъем — и мы в гроте Люстра. Потолок его низкий. В центре почти до самого пола свисает каменное образование, действительно похожее на люстру.

Через несколько шагов подходим к огромному столбу диаметром до восьми метров. Слева и справа его — проходы, которые вскоре соединяются, образуя грот Кольцевой.

Впереди загалдели ребята. Шарят по потолку фонарями, что-то ищут. Вскоре все световые пятна, как в фокусе, собираются на свисающей с потолка массивной глыбе.

Слышу выкрики:

— Медведь! Медведь!

Можно и впрямь подумать, что в пещере вдруг появился зверь. А что, если бы так было на самом деле? Вот был бы переполох!..

Мы подошли к одному из оригинальных гротов пещеры — Медвежьему. В середине потолка этого грота вытянулась морда окаменевшего полярного медведя.

Тут уж поистине усомнишься: неужели природа способна так искусно высечь из камня голову северного животного! Мы разглядываем, снимаем его. Камень «живет», настороженно следит за нами, его взгляд мы постоянно ощущаем на себе.

— Вот это да! — говорит Толя Бестужев. — Такого мы ни в одной пещере не видели!

— Ну, а такое, что я вам сейчас покажу, вы видели? — спрашивает Егор Иванович и увлекает нас дальше.

Медвежий грот незаметно переходит в обширный зал, посреди которого до самого потолка возвышаются гигантские столбы. Мы в одном из последних гротов Дивьей пещеры — Столбовом. Ребята останавливаются, зачарованные открывшейся картиной. Может, в памяти у них возникает какая-нибудь сказка?

Этот грот, словно главный подземный дворец, в котором помещается король-владыка всей пещеры со своим семейством. Два колоссальных сталагмита, похожих на две гигантские шахматные фигуры, — подлинное украшение Дивьей пещеры. Самый массивный сталагмит высотой в два человеческих роста и толщиной до двух метров у основания, как бы олицетворяет короля-владыку. Рядом с ним, чуть пониже, с изящной остроконечной шапочкой поверху стоит королева. Возле нее два небольших сталагмита-принца.

Каменным колоссам, вероятно, уже много тысяч лет. От короля сбоку отвалился большой кусок. Королева наполовину расколота наклонной трещиной, и торс ее по этой трещине слегка сдвинулся. У принцев снесены макушки. Вероятно, королевская свита пострадала от землетрясения еще в древности.

Очень любопытно, что заостренные головы больших сталагмитов приближаются к самому потолку — а на нем нет хотя бы незначительного нароста. Это нарушает привычную схему образования сталактитов и сталагмитов. Казалось бы, с потолка должна свисать традиционная сосулька — а ее нет.

Нам не хотелось уходить из грота Столбового. Казалось, что все уже виденные нами красоты пещеры блекли перед этим великолепием.

До конца подземелья совсем близко. Но мы без особого энтузиазма идем дальше, через гроты Волшебный и Планетарий. В Волшебном много оригинальных сталагмитов, свечами поднимающихся с пола. Со стенок свисают массивные наплывы, словно шали с густой бахромой. Да простит нас Е. В. Ястребов, ничего волшебного в этом гроте мы не увидели. Планетарий также не произвел на нас особого впечатления. Одни названия.

Может быть, это потому, что за долгий трудовой день мы устали.

Наконец, через узкий проход мы попадаем в последний грот Дивьей пещеры — Дальний. Небольшой, до тридцати метров длиной, он постепенно сужается, становится ниже и заканчивается тупиком. Впечатление такое, будто потолок грота постепенно опустился к полу. Возможно, здесь когда-то произошел обвал и закрыл продолжение пещеры.

— Ну вот и закончилось подземное путешествие, — сказал Егор Иванович Васкецов.

Итогом нашей киноэкспедиции стал фильм «В гротах Дивьей пещеры». Профессор Максимович с удовольствием согласился быть его научным консультантом. Фильм был хорошо встречен телезрителями. Многие впервые узнали о существовании подземной жемчужины в недрах уральской земли.

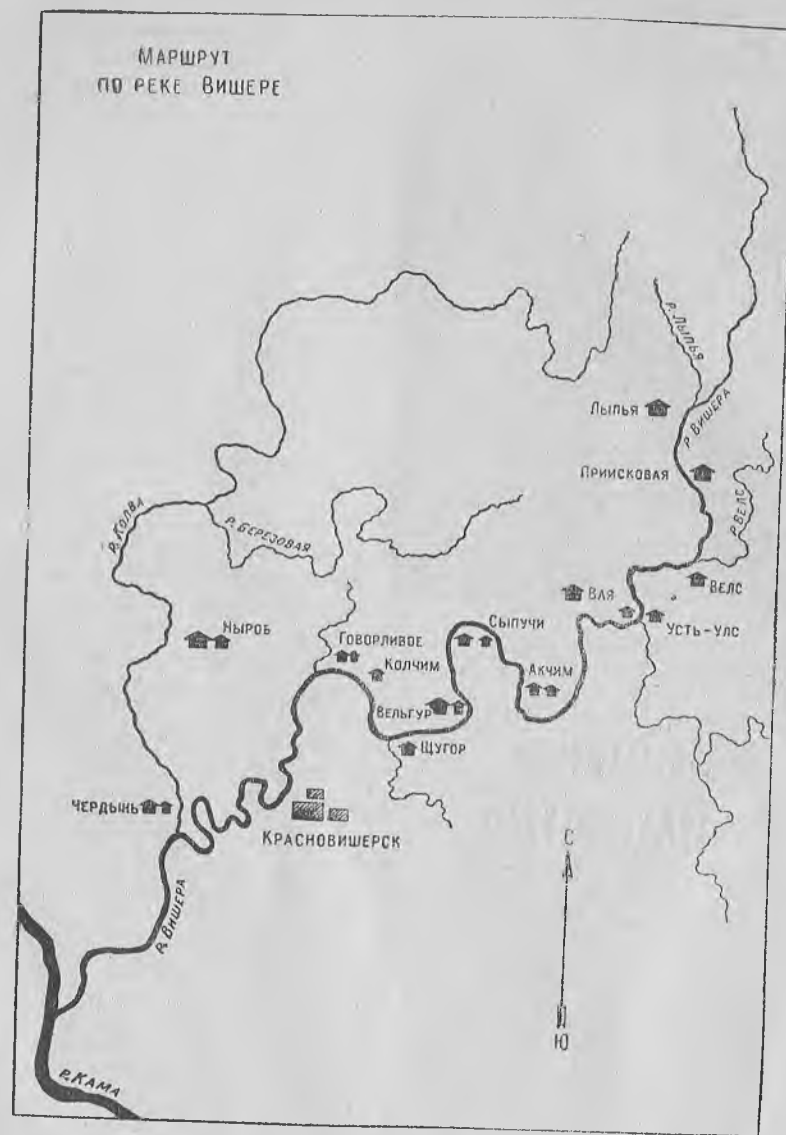
Если вам представится случай, побывайте в Дивьей пещере на реке Колве. Не пожалеете!

Среди чудной панорамы гор, скал и лесов мчит быстро кристальные воды свои холодная красавица Вишера.

Н. Белдыций

ВИШЕРА АЛМАЗНАЯ

Истоки Вишеры — их несколько — находятся на заоблачных высотах скалистого массива, увенчанного хмурыми вершинами гор Стортэна и Гумкапая, а один — под горой Нята-Рухтум-Чахль.

Это дикий нетронутый край. Сюда редко заглядывают даже древние жители Северного Урала — манси. Именно здесь были когда-то жертвенные места их далеких предков. Кто знает, может быть, в этой глуши временно находился легендарный идол — Золотая Баба. В одной из летописей указывается место, где ее укрывали, — исток Лозьвы. А река Лозьва берет начало от самой вершины Отортэна.

НА ВЕРШИНУ ПОЛЮДА

Малоизвестный и труднодоступный уголок горного Урала был надолго забыт даже геологами. Несчастный случай, происшедший с девятью свердловскими студентами на склоне Отортэна в 1958 году, заставил путешественников с опаской относиться к этому району. И только в наши дни исследователи и туристы все настойчивее стали проникать к истокам Вишеры.

Летом 1964 года группа пермских туристов во главе с опытным молодым следопытом Львом Казанцевым обошла два главных истока — Большую и Малую Вишеру под вершиной Нята-Рухтум-Чахль и горой с отметкой «1904».

Любопытно сообщение одного оленевода-манси из многочисленного рода Бахтияровых. Он говорил, что истоки Вишеры всегда лежат под снегом, здесь уже образовались ледники. Стало быть, это южная граница уральских ледников. Вы только подумайте: ледники в Пермской области!

Что же означает название Вишера? На языке коми «ви» — масло, «шер» — ручей, речка. Маслянистая река. Название странное. Манси звали Вишеру по-своему — «Пассер-я», что означает быстрая река. Какое из этих названий более подходит к реке — мы не можем судить, пока не увидим Вишеру.

Есть предположение, что первые поселенцы-коми стали именовать уральскую реку Вишерой за то, что она чем-то напоминала им небольшую, но порожистую Вишеру — приток Вычегды, с которой они, очевидно, пришли. Цвет воды той Вишеры, должно быть, напоминал масло — был золотистым, так как река вытекает из болот. На Урале Вишеру называют красавицей. Ее живописные берега покоряют сердца людей. Одни едут сюда жить и работать, другие — полюбоваться природой.

Многие туристы начинают свой маршрут на Вишеру из Зауралья. Перевалив через хребет, выходят к верховьям реки, строят плот и плывут по течению. У меня же был намечен иной путь — вверх по Вишере. Я считаю, что интереснее сначала увидеть ничем не примечательную реку, а потом встретиться с ее горными красотами и, наконец, приблизившись к истокам, упереться в Уральский хребет.

Вишера — приток Камы. Поэтому удобнее из Перми подняться на пароходе до Красновишерска, а потом на лодке в верховья реки. К этому путешествию я и стал готовиться в первых числах июля.

В назначенный день мы с моим помощником Евгением погрузили киноснаряжение на пароход и покинули Пермь. Через день рано утром прибыли в Тюлькино. Пароход дальше не шел: к устью Вишеры нас вез уже речной трамвай.

Вот и Вишера. Но разве это прославленная горная река? Я стоял разочарованный возле киноаппарата, установленного на штативе. Неинтересные, низкие луговые берега тянулись бесконечно, не радовали глаз. Снимать было нечего. Ограничились двумя-тремя кадрами.

В нижнем течении Вишера делает крутые длинные излучины с перемычками всего в несколько сот метров. Есть такая петля выше пристани Данилов Луг. Капитан катера, указывая на русло реки, тянувшееся параллельно нашему ходу, сказал нам:

— Запомните это место: часа через полтора будем там.

Действительно, через полтора часа мы оказались у знакомых берегов. Излучин несколько. Мы как будто крутились на одном месте: то плыли прямо на солнце, то оно оказывалось справа, потом слева, а то вдруг светило за кормой.

— Полюд! Полюд видать! — закричали пассажиры.

В дымке на горизонте стала видна гора с очертаниями наковальни — легендарный камень Полюд. Временами она напоминала каменный пьедестал известного памятника Петру Первому в Ленинграде.

В полдень на левом берегу показался Красновишерск. Наш катер подошел к причалу. На пристани толпилось много школьников с красными галстуками. Некоторые ребята при виде нас почему-то оживились. Среди них стоял рослый мужчина, напоминающий кого-то очень знакомого. Да это же Егор Иванович Васкецов! А рядом с ним его сын Володя.

Егор Иванович заулыбался:

— Какими судьбами!

— Вот так встреча! Вы-то как здесь?

— А мы с ребятами пришли из Ныроба. Были на Полюде. Теперь едем в Соликамск.

— А мы — снимать Вишеру.

Вскоре катер ушел в обратный рейс и увез моих спутников по Дивей пещере с их неизменным проводником, знатоком родного края.

А мы начали знакомиться с Красновишерском.

Город этот возник на месте глухой тайги в годы первой пятилетки. В 1932 году здесь выстроили первый на Урале бумажный комбинат. Благодаря первосортному лесу и кристально чистой воде горной Вишеры на нем вырабатывают бумагу высокого качества. Именно на вишерской бумаге печаталось последнее издание Собрания сочинений В. И. Ленина.

Красновишерск растет, благоустраивается. Мостятся улицы. То тут, то там вырастают многоэтажные каменные дома. На берегу — молодой парк, среди него белеет гордость красновишерцев — Дворец культуры. Лесистые горы вокруг, зазубрины Помянного камня на горизонте и вечно маячащий над городом Полюд — все это придает городу своеобразный неповторимый облик.

В нашем путешествии по Вишере нам нужна помощь местных властей. Поэтому мы сразу же зашли к председателю райисполкома Антонине Петровне Заболотных. Она встретила нас с радостью.

— Молодцы, что будете снимать картину о нашем крае! Вишера — это красота! Так в чем нуждается?

— Лодку с мотором надо, коней для похода на Полюд, ну и жилье на время...

— Жилье — дадим. Транспорт — дадим. Есть кони, лодка, катер. С чего начнете съемку?

— С похода на Полюд, — говорю я.

— Когда поедете?

— Да хоть завтра с утра!

— Сейчас узнаем.

Антонина Петровна прямо при нас звонит куда-то, просит выделить трех лошадей с телегой и седлами. Говорит о том, что мы завтра утром подъедем к берегу у деревни Бахари.

Потом она снова набирает номер, просит выделить комнату в школьном интернате и поворачивается к нам:

— О лодке договоримся потом, когда сходите на Полюд. Кстати, ведь завтра выходной! Там будет много красновишерцев. Не забудьте заснять и их. Желаю вам успеха.

Мы поблагодарили ее и вышли. Вот это забота! У нас есть и жилье, и транспорт, и завтра мы будем на вершине легендарной горы.

Светлы июльские ночи на Вишере. Белая ночь севера своим краем задевает и нашу область.

Северная часть небосклона совсем не темнела, до утра полыхала ярким отсветом, как будто солнце всю ночь кралось к востоку под самой кромкой горизонта.

Яркое солнечное утро пробудило нас рано. Мы быстро собрались и вскоре были на берегу против деревни Бахари. Там, помахивая хвостами, уже ждали нас три коня с телегой. Возле них на траве сидел молодой парень. Увидев нас, он взял лодку и перевез на свой берег.

Не теряя ни минуты, мы погрузили на телегу аппаратуру, а сами сели верхом на коней.

Нашего проводника зовут Митей. Он закончил десятилетку и собирается поступить в пединститут.

— Тебя же не примут. Надо отработать годика два, — говорит ему Евгений.

— А я уже имею трудовой стаж: три года работаю конюхом в подсобном хозяйстве.

— Учился и работал?.. Хитер!

Парень улыбается:

— Зачем терять время.

Дорога от берега углубилась в низкорослый сосняк. Потом мы выехали на большие поляны с березняком. Постепенно поднимаясь в гору, мы попали в густой хвойный лес. Широкая просека со свежими пнями тянулась вдоль дороги.

— Для чего эта вырубка? — спросил я парня.

— Телевизионный ретранслятор хотят ставить на Полюде, — ответил Митя.

Вскоре просека закончилась, дорога пошла круто на подъем, и мы попали в нетронутую тайгу с деревьями-великанами. Проехали пять километров. До вершины Полюда остается еще три.

Вверху между стволами уже видны каменистые обнажения. Митя остановил свою лошадь на лесной прогалине, заросшей сочными травами.

— Водички холодной хотите? Тут родничок.

Даем коням немного отдохнуть. Они с жадностью набрасываются на траву. Мы идем к роднику. В тени вековых елей спрятался источник с удивительно чистой холодной водой. Сруб вокруг него сильно обветшал, бревна почти сгнили.

Едем дальше. Подъем крутой. Становится еще круче. Евгений слезает с коня и подталкивает телегу сзади. Колеса крутятся медленно, с натугой.

Лес меняется на глазах, становится низкорослым и совсем кончается. Мы выезжаем на широкую площадку вершины. Разгоряченные лица обдало приятным прохладным ветерком.

Видим деревянный низкий домик и у самого обрыва другой — каменный, маленький, как теремок. Здесь многолюдно. Красновишерцы пришли сюда целыми семьями.

Оглядываемся кругом. Вот он, Полюд — место, куда стремится множество туристов! Подходим к знаменитым утесам, круто спускающимся в тайгу. И на них немало людей: одни на вершинах скал устроили завтрак, другие карабкаются по уступам.

Мы стоим на том обрыве, который издали кажется пьедесталом памятника Петру Первому. Какие дали! Какая гордая высота! Посмотришь вниз — дух захватывает!

Интересны скалы Полюда. Один из утесов, словно гигантская голова льва. Другие похожи на какие-то странные чудовища.

А как далеко видно отсюда! Кажется, все лесное Приуралье распростерлось под нами.

— Вон там, — говорит Митя, — видите, Чердынь. А вот и Красновишерск.

С высоты города эти кажутся игрушечными. Светлой лентой между крутыми зелеными берегами блестит Вишера. В одном месте над ней возвышается обрывистый, как стена, белый камень.

— Это камень Ветланский, — объясняет Митя.

Заманчивые берега! Скоро мы попадем и туда.

— А вон там, видите? — продолжает Митя. — Заметен Уральский хребет.

На востоке в густой дымке маячили очертания далеких гор. Больше ста километров до хребта, но он виден.

Митя с увлечением объясняет:

— Осенью, когда воздух чище, даже Денежкин Камень видно. А он ведь за хребтом!

Стоит Полюд, вздыбленный как конь, над бескрайним лесным океаном. И нет по соседству с ним горы, которая была бы выше его.

Легендарный Полюд!.. Одна из легенд рассказывает о великане с таким же именем, охранявшем вишерские земли от врагов. Другая называет его разбойником, грабившим купцов.

Отбирал у них богатства Полюд и прятал в пещерах, которые теперь якобы завалены.

— Хотите увидеть отпечатки ноги великана Полюда? — спрашивает нас Митя.

— Давай, показывай, — усмехается Евгений.

Цепляясь за глыбы, мы то поднимаемся на отвесные утесы, то опускаемся в расщелины. Наконец добираемся до огромного плоского камня.

— Вот, смотрите!

На ровной поверхности глыбы, среди крупных ячеек, выдолбленных, безусловно, не рукой человека, а ветром и водой, замечаем гигантский след. Тут и отпечатки пальцев, и внушительная вмятина от пятки. Чего только не создаст природа!

Как страж, стоит теперь Полюд над Вишерой — страж погоды. На его вершине давно уже находится метеостанция — самая высокогорная в Пермской области. Для вишерцев Полюд и раньше был своеобразным барометром. Сгустились на его вершине облака — быть ненастной погоде.

Теперь работники метеостанции этот прогноз предсказывают значительно раньше. Мы познакомились с одним из них — метеонаблюдателем Аркадием Митраковым. Он заступал на очередное дежурство и предложил нам остаться на Полюде до утра.

— Полюбуетесь восходом солнца. Это интересно — как оно вылезает из-за Урала.

К вечеру все экскурсанты постепенно ушли с Полюда. Наш Митя с лошадьми тоже спустился вниз, в деревню Бахари: на Полюде нечем кормить лошадей.

При оранжевом свете заходящего солнца мы лазили по утесам и снимали обрыв Полюда. Был тот момент, когда солнце готово было вот-вот скрыться за горизонтом. Оно подсвечивало скалы неестественным сказочным светом. От этого причудливые фигуры выглядели еще фантастичнее. Очертания «льва» стали четче, зловещее.

Рано утром Аркадий собрался проверять показания приборов. Вместе с ним вышел и я. Евгений спал, сладко похрапывая.

Перед глазами совсем другая картина, чем вчера. Куда делись зеленые массивы леса, холмистая даль. Все внизу было выстлано густым туманом. Вершина Полюда словно парила над вспенившимся океаном. Над далекими горами алел восток. Из-за бугристого горизонта с минуты на минуту должно было появиться солнце.

— Будьте наготове, — сказал Митраков, — а то прозевааете.

Я установил кинокамеру. Солнце действительно выскочило из-за хребта внезапно, как будто его кто вытолкнул. Сначала оно было мутным пятном, потом приняло четкие очертания диска, ярко засияло. Туман за клубился, полез вверх по склонам крутых холмов, стал редеть. Как острова среди белого ватного моря, обнажились вершины, обозначились контуры далеких гор.

Над Уралом родился новый день.

Аркадий стоял рядом, наблюдал за работой. На вершине, кроме нас, — никого. Я показал на крохотный полуразрушенный каменный терем, стоящий перед обрывом.

— Что это?

— Часовня была до революции. Говорят, несколько монахинь жили на вершине. Даже родничок, который по дороге сюда, считался святым. Дед мой говорил, что в старину толпы богомольцев ежегодно проходили здесь.

— Историческая, стало быть, часовенка.

— Закончилась ее история. Скоро снесут и поставят тут радиорелейную станцию. Просеку для этого и делают.

Значит, не только метеорологам пригодился великан Полюд...

Из метеостанции появился заспанный Евгений и начал обиженным голосом:

— Чего вы меня не разбудили?

— Ты такого храпа задавал, что жалко было будить, — ответил Аркадий.

— Не обижайся, — успокоил его я, — увидишь восход на экране.

Вскоре верхом на лошади показался Митя. Еще два коня шли за ним на привязи.

Митя вставил в колесо толстую палку и прикрепил ее к телеге — это для того чтобы тормозить, иначе разнесет лошадь нашу аппаратуру. Начался спуск с Полюда...

На другой день мы снова в райисполкоме.

— Быстро управились! — встретила нас Антонина Петровна. — Теперь, значит, Вишера? Когда думаете плыть?

— Послезавтра утром. Эти два дня будем готовиться. Еще поснимаем город и бумкомбинат.

— Вот это хорошо!

— На много ли дней вы даете нам лодку? — поинтересовался я.

— Сколько хотите. Моторист довезет вас до Велса, там вы его можете отпустить. Если захотите подняться по реке выше, в Велсе могут дать другую лодку. Туда я позвоню. Там есть киномеханик Шилоносков, он хорошо знает верховья.

— На что больше уделять внимание в пути? — опять спрашиваю я.

— В первую очередь — на алмазы! Ведь это теперь наша гордость. В Щугор я уже позвонила, там вас ждут. Второе — красота реки. Заснимите Вишеру как следует.

Прощаясь с нами, Антонина Петровна говорит:

— Послезавтра утром будьте готовы. Моторист с лодкой будет ждать на берегу у рынка.

В назначенное утро на берегу нас действительно ждал моторист с лодкой. Вы-**НАВСТРЕЧУ** щавый мужчина с уставлыми глазами. Звали его Николай. Судя по его настроению, он отправлялся с нами без особой охоты.

— Сильно обмелела река. На перекатах будем впусую молотить воду. До Велса вряд ли доберемся.

Мне не нравятся пессимисты. Очень уж они настораживают. Сами посудите, спутник, на которого все надежды, вдруг возьмет и под любым ничтожным предлогом повернет назад.

— Ничего: будет нужно, полезем в воду и протянем лодку через любые перекаты.

Но разве такого успокоишь?

— Через пять дней мне надо быть дома: дела ждут.

— Сколько дней протянется наша работа — сами не знаем. Съемка зависит от погоды: мы часто ждем солнышка.

Моторист, кажется, еще больше помрачнел. Но что ему оставалось делать? Погрузили оборудование, и наша лодка, длинная и узкая, как индейская пирога, понеслась навстречу стремительному течению.

Сразу же за деревней Бахари Вишера стала горной рекой и удивила нас своим первым береговым гигантом — камнем Ветлан. Эта совершенно отвесная стена, высотой, вероятно, более пятидесяти метров, на полтора километра вытянулась по левой стороне от нас. Вершина камня заросла лесом, стены изрезаны извилистыми ущельями, украшены неприступными выступами.

Николай ничего не рассказывал, как это обычно делают

люди, любящие свои родные места. Он безучастно смотрел на реку и молчал.

После Ветлана Вишера делает ленивые и длинные повороты. Крутые увалы, ошетилившиеся темным еловым лесом, спускаются к реке. На высоких зеленых буграх прилепились домики деревни Южаниновой, затем Романихи.

Я спросил у нашего хмурого моториста:

— Какой следующий камень будет?

Подумав немного, он нехотя ответил:

— Говорливый.

— Тот самый Говорливый!

Можно сказать, из-за этого камня меня и тянуло всегда на Вишеру. Много я слышал о нем, много читал. Говорливый камень — своеобразный символ реки. Любой человек, побывавший на Вишере, непременно вспоминает о нем. Вишера и Говорливый — понятия, неотделимые друг от друга.

Путь до Говорливого камня долгий. В воздухе стоит таинственное затишье. Ничем не нарушается зеркальная гладь реки. Задумчиво смотрятся в воду прибрежные леса.

Я посмотрел назад. Над лесом показалась вершина Полюда, четко обозначился его характерный обрыв. Я взглядом показал Евгению на знакомую гору. Он кивнул головой — увидел, узнал. Полюд снова скрылся за лесом.

Только Николай ничего не замечал, оставался невозмутимым. Меня заинтересовало: почему он так безразличен к природе, к своим, таким чудесным местам. Хотелось поговорить с ним, но мешал гул мотора.

— Николай, вы здешний? — не выдержав, крикнул я.

Он молча помотал головой.

Мне немножко стало понятно его равнодушие. А может, он ненавидит эти зеленые берега, эти горы, всю уральскую природу... Но, постойте: причем тут «здешний» или «нездешний»? Почему же тогда восторгаются Вишерой туристы из других областей?

Да вот, кстати, и они плывут! Впереди показались два плота, буквально облепленные загорелыми телами. На них — ребята-здоровяки. Я направляю на плоты кинокамеру.

— Откуда вы, путешественники?

— Из Пензы! — отвечают хором.

— Далековато забрались! Вишера понравилась?

Все как по команде вытягивают руки с поднятым большим пальцем. Потом спрашивают:

— Не будет ли у вас закурить?

Евгений бросает пачку сигарет. Ее быстро подхватывают, благодарят. Оба плота проносятся мимо. Туристы долго машут руками.

Вдали, слева, забелел невысокий обрывистый берег. К нему прилепилась деревенька с церковью. Я поворачиваюсь к Николаю, вопросительно смотрю на него. Проходят томительные секунды — я жду. Заметив, наконец, мой взгляд, он произносит, лениво шевеля губами:

— Говорливый...

Мне даже стало обидно, что невзрачная скала впереди — и есть знаменитый камень Говорливый. Но я успокаиваю себя тем, что издали многие береговые скалы кажутся небольшими.

И верно: по мере приближения скала вырастала на наших глазах. Сначала мы видели ее низкую часть, прилегающую к деревне. Но из-за поворота реки постепенно выплывала ее другая половина, и уже казалось, что камень тянется по берегу без конца. Появились высокие скальные обрывы. И вот мы уже видим дальнюю часть скалы, самую высокую, отвесно обрывающуюся к воде. Еще ближе к камню — и Говорливый взметнулся в небо, предстал перед нами во всей своей мощи.

— Каков он! — удивленно говорит Евгений. — Издали как будто маленький, а тут сразу полез в небо!

Теперь мы плывем под самым Говорливым и, задрав головы, смотрим на выступы, заросшие лесом. Стрекот нашего мотора становится все громче и громче, дробится, удваивается.

Я попросил Николая выключить двигатель.

— Камень! — крикнул Евгений.

— ...амень! — откликнулось в расщелинах.

Мы удовлетворенно переглянулись.

— Давай, давай! — крикнул я.

— ...вай! ...вай! — повторил камень.

Мы долго перекликались с камнем, убеждаясь в его «необыкновенной способности». Мне вспомнились стихи одного из поэтов, шутливо передающие такой разговор.

— Старичина, кто твой кум?

Отвечает камень — Ум!

— Кто украсил здесь края?

— ...Я!

— Кто украл хомуты?

— ...Ты!

— Старый, это чепуха!

— ...Ха!

— Спой веселое, тюлень!

— ...Лень!

— Я уеду в лес густой!

— ...Стой!

Чем выше по реке, тем ближе подступают к ней горы. На крутых скалах за камнем Говорливым разбросал свои домики поселок Заговоруха. Он носит имя речки, впадающей в Вишеру. Над поселком вдали на горизонте маячат острые зубцы хребта Помяненный камень.

Моторная лодка уносит нас от поселка в глубину лесных берегов. Хорошо плыть в солнечный день по реке в этом зеленом коридоре. Свежестью и лесными ароматами веет из береговых чащоб.

Станный каменный выступ слева привлекает наше внимание. Евгений спрашивает Николая:

— Что это торчит там?

Моторист пожимает плечами — не знает.

Я припоминаю, пермский художник-пейзажист Валентин Дудин говорил мне о каком-то занимательном камне — Чертовом пальце. Другой художник даже показывал этюды.

Наша лодка подплывает ближе. Теперь ясно видно торчащую над лесом каменную колонну. Ну, конечно же, это Чертов палец!

— Будем снимать! — крикнул я и показал на квадратную глыбу у берега, куда следует причалить лодку.

Евгений смотрит на небо, на плывущие с севера тучи.

— Дождь, наверное, будет.

— Переждем!

Из одной тучи спускался кривой подвижный шнур смерча — словно толстая веревка, сброшенная с неба, медленно волочилась по земле. Сверкали молнии. Вскоре река запузыхилась от крупных капель. Едва мы успели надеть плащи, как разразился ливень...

Дождь прошел, но небо оставалось затянутым тучами. Чертов палец тонул в дымке. Приближался вечер, и солнце слабо просвечивало сквозь мутную пелену возле самого горизонта. Съемка срывалась.

— Заночуем здесь, — решил я.

Николай был явно недоволен.

— А где тут спать? Лучше подняться до Колчима, там ночуем в избе. Утром вернемся сюда.

Но меня на такое сговорить трудно. Я знаю: ни в коем случае нельзя покидать интересный объект, пока он не будет

заснят. В другой раз этой возможности может не представиться.

Я стараюсь убедить Николая:

— Нет, нет, ночуем здесь. Утром заснимем палец и сделаем бросок прямо до Щугора.

— Конечно, останемся здесь! — поддержал меня Евгений.

— У нас не палатка, а целый дом. Четырехместная!

Николай стал молча готовить удочки. Глядя на него, этим же занялся и мой помощник. В таких случаях не утужишь — я взял спиннинг и отошел чуть ниже нашей стоянки. Для моих спутников рыбалка была безуспешной. Я же поймал щучку и окуня.

Уха из свежей рыбы немножко подействовала на Николая: он уже не так хмурился, как час назад.

Палатку решили не ставить: было тепло. Спать легли на вершине плоского камня.

Ночью нас кусали комары. Николай ворочался на жестком ложе и, наверное, проклинал все на свете, особенно случай, который связал его с нами.

День порадовал нас солнечной погодой. В лесу под Чертовым пальцем спела крупная земляника. Сочные, остывшие за ночь ягоды были очень вкусны.

Николай не захотел пойти с нами. Мы с Евгением поднялись по лесу, забрались по отвесной стенке к самому Чертову пальцу, тщательно осмотрели его. Этот чуть наклонный каменный столб — очень оригинальное творение природы.

Поднялись еще выше, чтобы выбрать точку для съемки. Вскоре нашли скальный выступ, с которого открывался чудесный вид на долину Вишеры, обрамленную высокими лесистыми увалами. Вдали слабо проглядывал Уральский хребет. На переднем плане над лесом торчал одинокий Чертов палец.

Выступ был захламен: вместе с пустыми консервными банками валялось много тюбиков из-под красок. Не здесь ли была база пермских художников?

— Неплохое место выбрали живописцы, — сказал Евгений.

— Да, лучшей точки здесь, пожалуй, не найти, — согласился я.

Далеко на Вишере показался речной трамвай. Беленький, маленький, как жучок. Он оживил нам кадр. В сравнении с ним Чертов палец сразу «вырос», стал монументальнее, горделиво возвысился над рекой.

Как хорошо, что мы не послушались вчера Николая!

И вот снова мы мчимся навстречу быстрым струям. Вода в реке удивительно чистая. Разноцветные камешки на дне сверкают и переливаются. Их очень хорошо видно, хотя глубина здесь приличная.

Река не перестает изумлять и радовать нас. Вот и справа от нас, на левом берегу Вишеры расставлены какие-то колонны. Я показываю на них. Николай по-прежнему пожимает плечами: — ему безразлично, как называются эти скалы, хотя мимо них, я уверен, он проплывал десятки раз.

Но, заметив домики на левом берегу, он оживился, ткнув пальцем, крикнул:

— Колчим!

Мы впервые услышали радостный голос Николая. Это тот Колчим, где ему так хотелось переночевать. Не спрашивая нас ни о чем, он направил лодку к берегу, вылез, куда-то ушел. У человека свои дела.

По пути дальше снова встретили плывущих на плоту туристов. Лениво развальясь, они лежали на бревнах, загорали. Молодежь, студенты из Свердловска.

На этот раз Николай быстрее заметил наши взгляды, прикованные к странной мутной полосе воды у берега.

— Алмазная драга мутит воду. Скоро Щугор.

Из-за крутого лесистого мыса выплыл белый поселок. Новенькие деревянные домики красиво облепили высокий берег. На противоположной стороне реки, за островом, под крутым склоном виднелись избы старой деревни Щугор.

Наша лодка со всего хода ткнулась носом в берег у белого, словно разведенное молоко, потока. Он вытекал из речки, впадающей в Вишеру. Это он мутит светлую вишерскую воду.

Ищем контору. Нам показывают высокое двухэтажное здание.

Входим в кабинет. За столом сидит черноволосый седеющий человек. Представляемся.

Он улыбается и встает. Мы видим статного крепкого мужчину средних лет.

— Так еще вчера Заболотных звонила мне о вас!

Знакомимся. Перед нами временно исполняющий обязанности директора прииска — главный механик Евгений Олимпиевич Боровиков.

Мы нетерпеливы: нам хочется сразу попасть на драгу и увидеть алмазы. Короткий разговор по телефону, и Боровиков утешает нас:

— Через час будет машина.

А пока Евгений Олимпиевич занимает нас разговорами, рассказывает о прииске, алмазах, о себе.

Он, бывший фронтовик-десантник, — один из активных организаторов добычи алмазов на Урале. Участвовал в коллективном докладе-письме в Совет Министров СССР о необходимости алмазного промысла на Вишере.

Было время, когда открытие алмазов в Якутии чуть было не захлестнуло развивающийся промысел их на Урале. А теперь вишерские алмазы дают немалый доход государству, так как высоко оцениваются на международном рынке. Здешние алмазы крупные, чистые — ювелирные. Якутские же в основном технические, мелкие.

Разговор как-то невольно перешел на Вишеру и фильм, снимаемый нами.

— Природа здесь — красота! — восторженно заявил Боровиков. — Как же будет называться ваш фильм?

— Вишера алмазная.

— Здорово!

— Название это, — говорю я, — образное. Ведь мы снимаем реку-красавицу, а алмазы — ее главное украшение.

— Хорошо называете — Вишера алмазная. Богатейшая и красивейшая река на Урале! Посмотрите, что творится! — Он показал через окно на реку.

Там опять плыли два плота с туристами.

Через час мы едем на автомашине к драге. Дорога живописна. То там, то здесь над ней высятся небольшие скалы. Кругом — таежные леса.

Сквозь деревья блеснул разлив речки. По ней, грохоча своими ковшами, медленно движется драга — маленький плавучий завод. Нас подвозят к ней на лодке.

Мощные ковши драги, как у землечерпалки, непрерывно поднимают со дна грунт вместе с большими валунами, корягами. Все это промывается, сортируется где-то внутри, и с другого конца драги беспрестанно сыплется порода. Вырастают огромные бугры, состоящие в основном из крупных камней и гравия. Драга как бы сама создает за собой запруды, через которую вода уже не может утек в низовья речки. Постепенно выбирая грунт, плавучий завод медленно перемещает самими же созданный маленький водоем и по нему плывет все дальше и дальше.

Я удивленно смотрю на грязь, которую черпают ковши. Неужели в этой неприятной жиже могут быть драгоценные алмазы.

— Вам сегодня повезло, — встретил нас мастер-обогачитель Семен Черных. — Крупные кристаллы добыли, бережем для вас.

Он ведет нас к начальнику драги Юрию Третьякову.

— Вовремя приехали: мы вот-вот должны снимать алмазную фракцию.

Слово «фракция» оказывает на нас какое-то магическое воздействие.

Третьяков ведет нас по запутанным лабиринтам плавучего алмазного завода. Увлекает вниз, и мы оказываемся в тесном маленьком помещении, заставленном не понятным для нас оборудованием. Посредине стоит установка с медленно вращающимся барабаном, по бокам находятся электропечи, металлические чаны с горячей водой, столы, покрытые железными листами.

— Между прочим, — говорит Юрий Третьяков, — в это помещение имеют доступ строго определенные лица, но вам мы делаем исключение.

Нам рассказывают, как извлекают алмазы из обогащенной, то есть освобожденной от всего лишнего, породы.

Совсем недавно драгоценные камни обнаруживали только рентгеноустановкой, а теперь внедрен очень простой, так называемый масляный способ. На ленту, вращающуюся на двух барабанах и густо покрытую специальным маслом, сыплется обогащенная порода — тяжелая фракция. Это мелкие камешки величиной с ноготь. Они прилипают к маслу и задерживаются в его загустевшем слое. Когда масляный слой забьется породой, его соскабливают деревянными лопатками и помещают в чан с горячей водой. Масло растворяется, остается на поверхности, а камешки оседают на дно. Воду с маслом сливают, породу пересыпают в жаровни, похожие на большие противни. Их прожаривают в электропечах, чтобы удалить с породы следы масла. Затем жаровни ставят на столы и начинают выбирать видимые глазом алмазы. А уж потом порода проходит через рентгеноаппарат, где обнаруживают самые мелкие алмазы. Аппарат этот находится в другом помещении плавучего завода.

Старший оператор Анна Сапрыкина поставила на стол только что прожаренный противень с породой и сказала:

— Тут есть крупные алмазы.

Мы с Евгением склонились над серой мелкой породой и ничего не увидели.

— Где алмазы?

Анна берет лопаточку и уверенными движениями достает кристаллик в виде ромба, удивительно чистый и сверкающий. Юрий Третьяков дает нам по такой же лопаточке:

— Попробуйте найти сами.

С непривычки трудно отличить алмаз от кристаллов кварца, такого же чистого, иногда и прозрачного. Но алмаз подобен капле утренней росы, когда она вся пронизана солнцем и играет радужными искорками.

Разгребая лопаточкой породу, я скоро нашел несколько алмазов. Евгению через несколько минут тоже удалось найти пару кристаллов.

— Ну вот, — смеется Юрий, — немного потренируетесь и можете работать у нас на драге.

Я установил кинокамеру. Над жаровней склонились Юрий Третьяков, Анна Сапрыкина и Семен Черных. Они быстро и точно отыскивали лопаточками алмаз за алмазом. Скоро на маленьком прозрачном блюде собралась кучка сверкающих кристаллов. Вот они — вишерские алмазы, гордость Урала! Камни, без которых немыслимы многие тончайшие приборы. Сколько искрящейся радости заключено в гранях холодного минерала.

Среди вишерских алмазов встречаются и прозрачные, и золотистые, и зеленоватые, и дымчатые... По заключению специалистов, особая крепость и высокие технические свойства — вот их характерные признаки.

Особо крупные и абсолютно прозрачные алмазы называют ювелирными. Они пойдут на огранку и превратятся в дорогостоящие бриллианты: чем больше алмаз, тем он ценнее. Но в основном алмаз как самый твердый минерал, независимо от цвета, находит широкое применение в промышленности.

Пока мы снимали алмазы, погода испортилась. Моросил монотонный неприятный дождь. Но он не испортил нашего приподнятого настроения. В поселок мы возвратились пешком, нашу съемочную аппаратуру везла специально поданная для этого подвода.

Николай терпеливо ждал нас.

— Сегодня вы меня в палатку не затащите: будем спать в избе! — радостно сообщил он.

На ночь устроились в просторном доме в старой деревне Щугор у приятеля Николая киномеханика Ведерникова.

Вечером жена нашего хозяина, выглянув на улицу, успокоила нас:

— Кузнечики чирикают шибко, быть хорошей погоде.

Удивительно, что делает с путешественником солнце: стоит засиять ему, обогреть землю, как новые истории. На лице Николая чаще появляется улыбка.

ОТ ЩУГОРА

ДО ВЕЛСА

человек преображается... Настроение у нас приподнятое. Евгений всю дорогу рассказывает смеш-

Незаметно мелькают километры. Прошли старинную деревню Велгур. И вот опять видна какая-то деревушка — маленькая, невзрачная. Николай не знает ее названия. Чуть выше деревушки на противоположном берегу стоит отвесный скалистый утес — Боец. Он выглядит внушительным лишь когда проплываешь под его выступами. Выпив в реку каменную грудь, он как бы давит на вас своей громадой.

Солнце незаметно опустилось к горизонту. А нам казалось, что мы проплыли совсем немного. Низкие лучи бьют прямо в глаза: невозможно рассмотреть тот берег, где должен быть камень, который меня очень интересует. Я ишу его, но ничто не говорит о близости знаменитого вишерского утеса.

— Николай! — кричу я, — где-то здесь должен быть камень Столбы?

Он растерянным взглядом шарит по берегам, как будто не узнает местности. Хуже нет иметь проводником человека равнодушного и ничего не знающего!

На затененном берегу едва виден какой-то невыразительный каменный выступ. И вдруг из-за него на ярком небе показываются вертикальные колонны.

— Вот он!

Внезапное появление Столбов при закатном солнце произвело на нас сильное впечатление. Зачарованные, мы любим этим творением природы.

Камень Столбы я видел на фотографиях и мечтал непременно заснять его, как только попаду на Вишеру. Жаль, нельзя снимать: солнце уже скрылось за лесом.

Плыть дальше? Нет! Я ишу место для ночлега. Напротив камня — луговой остров. На нем бригада косарей мечет в стога сено. Это тоже неплохо, можно сделать несколько интересных кадров.

Косари встретили нас очень радушно. Их порадовало, что мы снимаем фильм о Вишере.

Мы спали в мешках под открытым небом. Было тихо. Всю ночь на луговине стрекотали неугомонные кузнечики. В воздухе стоял густой аромат свежескошенного сена.

Ослепительной белизной сверкали ранним утром каменные Столбы. Вокруг искрилась роса на травинках, сверкающими капельками были покрыты листочки ракатника. На прибрежных кустах я неожиданно увидел паутину, разукрашенную, словно жемчугом, мелким бисером утренней росы. Разве можно остаться равнодушным при виде такого! Ведь надо же успеть захватить это мгновение, остановить его на пленке, пока оно не исчезло. Только я успел сделать несколько кадров, как чуда не стало: бисер на паутине под лучами солнца испарился, осыпался от ветерка.

Щедра вишерская природа. Каких только ягод здесь нет! В траве краснела земляника, крупная, сочная, душистая. Непроходимые заросли малинника были рубиновыми. Встречалась нам и очень редкая удивительная ягода княженика, князь-ягода, с тонким ароматом и своеобразным вкусом. Эту ягоду не сравнишь ни с какой другой.

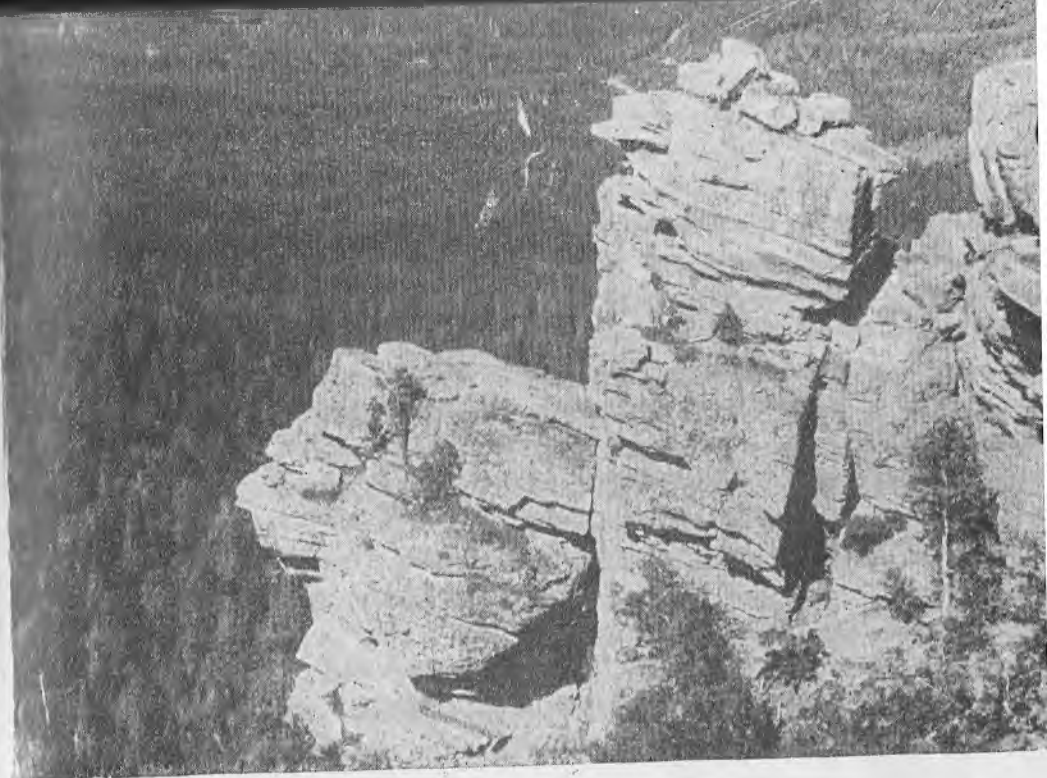
Когда-то в старину ее было много в северных русских лесах. Славилась пироги из княженики, морсы, варенья. Отваром из ее корней красили холсты в красный цвет. А теперь она стала большой редкостью. Может быть потому, что наши предки слишком много погубили ее корней для крашения.

Поднялось солнце, и мы засняли Столбы. Самый интересный вид на них — с проплывающей под ними лодки.

Мы здесь не задерживаемся, надо торопиться дальше. Вишеру то и дело бороздят моторные лодки, катера: где-то вблизи населенный пункт. И точно. На берегу белеют домики поселка, еще ненанесенного на карту. У одного из рыбаков на лодке мы узнаем, что это Новые Сыпучи. За поселком по берегу возвышается лесистая гора, которая, постепенно становясь все выше, обрывается к реке мощной темной осыпью. Это камень Сыпучи.

За камнем в распадке между лесистыми холмами видны домики села Сыпучи со старыми, но добротными избами, с неизменными развесистыми черемухами под окнами. Место очень хорошее, веселое. Вот где бы провести летний отпуск! Ягоды, грибы, рыбная ловля, охота, чистый воздух, — что еще нужно для отдыха?

Опять к реке придвинулись горы — мрачные бастионы камня Писаного. У подножья его — захудалая деревенька того же названия. Новых построек в ней не видно, как будто она доживает свои последние дни. Это вполне вероятно: многие старинные деревни на Вишере постепенно исчезают, народ переселяется в новые поселки лесорубов.

Утесы на вершине Полюда.

Вишерский алмаз.

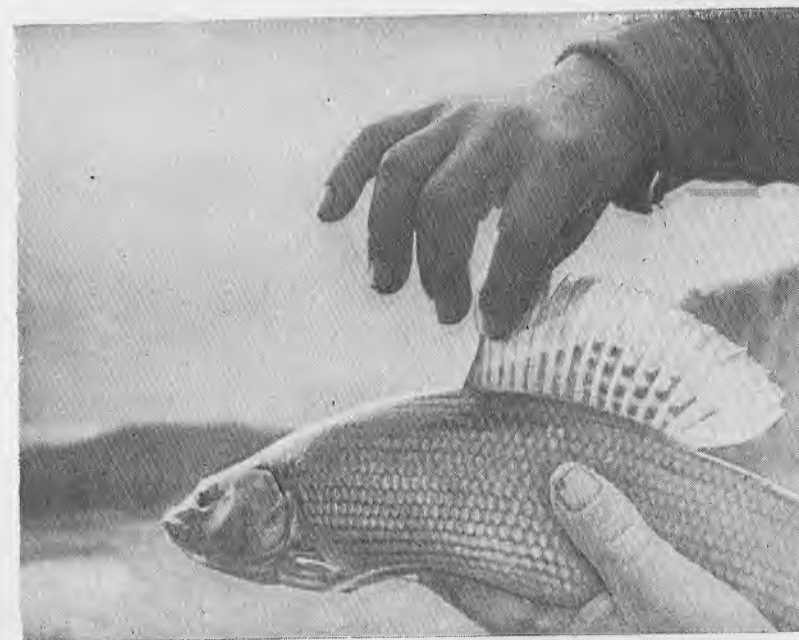

Вид на Вишеру с камня Ветряного.

Красивы уральские дали.

Краса вишерских вод хариус.

Вишера. Камень Писаный.

Местечко Лыпя. Вдали виден хребет Тулым.]

Камень Писаный протянулся по берегу почти на два километра. Мы проплываем под его отвесными стенами. Древние обитатели вишерских берегов — манси сделали один из скалистых мысов жертвенным местом. Расписали камень рисунками. Отсюда и название — Писаный. Это один из самых высоких береговых камней Вишеры.

У оконечности камня мы делаем остановку. Забираемся на вершину утеса. Под нами открывается величественный вид на реку, обрамленную с одной стороны лесом, с другой — отвесной громадой камня Писаного. Самые живописные кадры Вишеры мы сняли именно здесь.

Против Писаного устраиваем короткий привал. Там на берегу есть удобное место для лагеря. К нашим услугам холодная родниковая вода. Только вот припасы наши нам уже приелись. Не успели мы еще по-настоящему побаловать себя на Вишере ни рыбой, ни дичью: охотничий сезон еще не начался, а рыба нам не попадает.

— Поедем дальше, — говорит Николай, — надо засветло добраться до Ваи.

Евгений с хитрецей смотрит на него:

— Зачем торопишься? Не хочешь спать под открытым небом?

— Кому хочется комаров кормить...

Выше Писаного берега Вишеры становятся неинтересными. По крайней мере я не могу припомнить ничего яркого. Единственное место, которое привлекло наше внимание, — это село Акчим. Оно со всех сторон окружено высокими скалами.

Слева забелели новенькие домики поселка лесорубов Сосновец. Не ищите его на карте: он появился недавно. Да мало ли в наше время вырастает поселков там, где недавно шумела тайга!

— Бензином заправиться надо, — говорит Николай.

Короткая остановка. Пока Николай куда-то ходил, мы с Евгением снимаем поселок. Не забываем заглянуть в маленькую столовую, в магазин. Запасаемся продуктами.

Плывем дальше. Молчаливые хвойные леса кажутся бесконечными. Вдоль воды тянутся штабеля бревен. Местами лес вырублен, но не полностью. На широких, уходящих от берега вглубь вырубках много одиночных деревьев. Это кедры. Правильно, разумно поступают лесозаготовители: редкое дерево надо беречь.

Но все-таки как портят вырубки красоту речных берегов. Неприятно смотреть на оголенные склоны, на эти лысины с

жалкими остатками растительности. Не будь на них кедров, впечатление было бы еще более удручающим.

До Ваи, куда так стремился Николай, недалеко, но уже вечерет.

Евгений подшучивает над Николаем:

— И все-таки ночевать тебе с нами в палатке!

Николай с сожалением смотрит на тускнеющее небо. Ничего не поделаешь, придется ночевать на берегу. Плыть в темноте через перекаты опасно, обломаешь лопасти винта о подводные камни.

Мы облюбовали зеленую поляну с двумя развесистыми березами. Выносим на берег все грузы. Сначала разводим костер, чтобы отогнать комаров. Впервые за все наше путешествие расставляем четырехместную палатку. Николай по-настоящему удивлен:

— И верно: у вас не палатка, а дом!

Устроились мы роскошно. После сытного ужина Евгений сладко похрапывал в углу палатки. Мы с Николаем долго не могли уснуть, курили лежа, разговаривали. В этот вечер он впервые разговорился, и я кое-что узнал из его жизни.

Он родился на Украине. На Вишеру попал не по своей воле. Давно это было. Срок наказания позади. Уж много лет Николай живет и работает в Красновишерске, женился, обзавелся детьми. Теперь я чуть-чуть мог оправдать его безразличие ко всему, во всяком случае понимал, откуда оно идет.

Утром, когда поплыли дальше, оказалось, что мы ночевали вблизи деревни с красивым названием Гостиный остров.

В полдень прибыли в Ваю. Это большой поселок из белых одинаковых домиков. Здесь Вайский леспромхоз.

Расположен поселок в очень живописном месте. Лесистые крутые склоны спускаются к самой реке. Среди леса всюду маячат скалы. Напротив поселка за рекой высятся обрывистые утесы. Они прерывающейся цепочкой тянутся вдоль берега. В километре выше Ваи находится известный Ветряной камень. С него открывается прекрасный вид на долину Вишеры. Даже видно село Усть-Улс и в нем какое-то красное приметное здание. Высокие склоны с темнохвойным лесом исполосованы светло-зелеными, уже заросшими вырубками. Кругом лес, лес, лес...

В Вае мы задержались на два дня: снимали заготовку леса. К тому же надо было договориться с руководителями леспромхоза об аренде лошадей для будущего похода на хребет Кваркуш. Коней нам обещали.

Продолжаем свой путь дальше. Проплыла мимо громада камня Ветряного. Широкий плес Вишеры через девять километров приводит нас к старинному селу Усть-Улс с деревянной покосившейся церковкой.

Усть-Улс окружен лесистыми горами. Село расположено по обе стороны реки — на высоком правом берегу и на относительно низком левом. Домики левой стороны стоят почти у воды, недалеко от впадения в Вишеру речки Улса. Тайга с мохнатыми кедрами вплотную подходит к избам.

А вот и то, что было видно с камня Ветряного. Это большое кирпичное здание заводского типа, стоящее особняком. Странно видеть его в соседстве с ветхими домиками.

Николай мог сообщить нам лишь самые скудные сведения:

— Его, говорят, французы построили.

Он направил лодку в небольшой залив у крайних домов.

— Харюзков малосольных не хотите попробовать? Здесь живет мой знакомый — киномеханик.

Мы направляемся к дому. Навстречу, прихрамывая, выходит чернявый парень.

— Здорово, Володька! — кричит Николай. — Привез тебе гостей.

Знакомимся. Это Володя Кодолов. Первый наш вопрос — что это за кирпичное здание красуется на берегу?

— А, это французы-капиталисты когда-то орудовали здесь. И затон они же построили.

Володя сразу располагает к себе. Он прост, с нами с первых же слов — как со старыми знакомыми. И, не ожидая вопросов, все говорит, говорит...

Пригласил в избу, познакомил со своей матерью, уже немолодой женщиной. У нее три сына и все киномеханики: один — в Сосновце, другой — в Двдцатке, третий — с ней.

Володя куда-то сбежал, принес полную миску соленой рыбы.

— Вот, попробуйте царской рыбки. Сам ловил.

— Почему царской? — спросил Евгений.

— Старики говорили, что до революции на царский стол доставляли вишерских харюзов.

На Вишере существует традиция — угощать приезжих непременно хариусом. Река славится этой рыбой. Здесь он крупный, называют его черным. Массивный спинной плавник хариуса разукрашен цветными пятнами. В соленом виде эта рыба имеет своеобразный вкус и запах. Хариус «с душком», как говорят здесь.

В горных реках Урала водятся две породы хариуса: мелкий, белый — европейский и крупный, черный, с цветным, как у бабочки, спинным плавником — сибирский. На севере Урала черного хариуса еще называют полярным.

Узнав, что мы направляемся в верховья реки, Володя говорит:

— Вот где половите харюзков-то!.. В горах они до трех килограммов вымахивают.

В беседе за столом мы узнаем яркую и в то же время печальную историю Усть-Улса.

До революции французские концессионеры, решив поживиться богатствами вишерских недр, построили железоплавильный завод в Кутиме, в горах, в пятидесяти километрах от Усть-Улса. Для вывоза чугуна связали Усть-Улс с Кутимом узкоколейной железной дорогой. Поставили заводское здание на берегу. Соорудили небольшой затон на Вишере.

Широко размахнулись французские капиталисты. Но не рассчитали. Не хватило им сил освоить суровый край лесов и гор. В 1907 году они взорвали Кутимский завод, сожгли постройки. Оставили без работы тысячи людей.

В 1913 году Кутимское железорудное месторождение перешел к рукам русский капиталист князь Львов. Восстановил завод, наладил добычу руды и выплавку чугуна. Но в годы Октябрьской революции завод был снова взорван.

С тех пор жалкие развалины и кое-где уцелевшие здания на Вишере напоминают о былом хозяйничанье иностранного и русского капитала. Кирпичное здание в Усть-Улсе не успели уничтожить, и теперь оно используется под склад.

От Усть-Улса начинается самый живописный участок Вишеры. С высокого берега в далекой туманной дымке виднеется отрог горного кряжа Кваркуш — Пелины уши. Лесистые горы с вкраплениями голых скал окружают реку. Урал-бабушка заметно приближается: на горизонте то и дело показываются безлесные вершины с осыпями.

Бурные перекаты следуют один за другим. Приходится часто вылезать в воду и протаскивать по мели тяжело нагруженную лодку.

Лодка с подвесным мотором — замечательный транспорт на реке. Но стоит только винту коснуться лопастями твердого дна, как моментально «летит» пресловутая шпонка — гвоздик из мягкого металла, крепящий винт на валу. Мы часто толкаем лодку шестами, а то и просто идем через перекат вброд по студеной воде.

У берега Николай поднимает мотор, выколачивает остатки старой шпонки и вколачивает новую. Плыдем дальше. Но толчок и резкий гул мотора дают знать, что шпонка сорвана снова.

Поздний час застает нас где-то на подступах к деревне Гаревой. Мы уже не можем плыть дальше: частые мели то и дело заставляют менять шпонку. На этот раз мы ночуем в дремучем береговом лесу. Темные ели надежно скрывают нашу палатку и костер от ветра. На ужин — малосольные хариусы, затем — крепкий сон.

Деревня Гарева, вблизи которой мы ночевали, — это веселый поселок из новых щитовых домиков. Название деревни происходит от слова гарь, горелое место, а мы видим кругом великолепные леса и хороший поселок. Только один-два домика напоминают о старой деревушке.

Николай показывает нам на изрытый берег. Там копошатся бульдозеры, подрывая крутой склон.

— Дорогу ведут на Велс! Скоро будем ездить туда на колесах.

Он стал заметно веселее и разговорчивее, должно быть потому, что скоро закончится его утомительное путешествие.

Здесь, в районе Гаревой, Вишера не блещет красотой. Лишь перед самым Велсом в реку вдается маленький белый утес. В нем заметен зияющий чернотой грот. Как мы узнали позже — это камень Дыроватый.

Поворот вправо — и в широкой долине мы замечаем крыши домов.

Велс я представлял горным, более живописным поселком, как иногда его изображают художники. Но горы здесь как будто раздвинулись и при слиянии речки Велса с Вишерой образовали большую впадину. Поселок разбросан на ровной луговине.

Николай причаливает лодку возле большого здания на берегу — Дома культуры.

— Ну вот и приехали! — весело оповещает он.

Мы понимаем его радостное настроение. Дальше плыть с нами он не собирается. Нам от этого не легче: снова забота о проводнике. Я требую, чтобы он сдал нас в надежные руки. Только при этом условии мы отпустим его, иначе ему придется поднимать нас до Лыпы.

— Что вы!.. Выше Велса я не бывал. Мне велено довести вас только сюда.

— Тогда найди проводника!

— Будет у вас моторист. Сейчас разыщу.

Мы остаемся на берегу и не разгружаем лодку, пока Николай ходит по селу. Ожидание томительное. Мы с Евгением призадумываемся: что нам делать, если охотников везти нас в верховья реки в Велсе не окажется.

Наконец появляется Николай в сопровождении невысокого парня.

— Вот еще один киномеханик. Считайте, что вам повезло.

Парень застенчиво улыбается.

Это тот Гриша Шилоносков, велсовский киномеханик, о котором в Красновишерске говорила Антонина Петровна Заболотных.

— Мне оттуда звонили, — говорит он, — просили свозить какую-то группу телевидения.

— Мы и есть группа телевидения.

— Вас только двое! — на лице Гриши появилось радостное удивление. — А я думал, что большая компания.

Веселее всех выглядел Николай: наконец-то он передал нас другому и может возвращаться.

Он поспешно запасся бензином и оттолкнул от берега лодку. Не пожелал счастливого пути, даже не сказал «до свидания». Взревел мотор, Николай лихо развернул высоко задравшую нос лодку и быстро поплыл вниз. Не обернулся в нашу сторону, не помахал рукой.

— Ишь ты, как помчался! — сказал Евгений.

Гриша Шилоносков нам сразу понравился. С таким человеком будет несравнимо интереснее, чем с Николаем. Правда, мы еще не получили от него окончательного согласия. Наше путешествие не входило в его планы. И он в этом откровенно признался:

— У меня сено не кошено. Думал на днях съездить с семьей.

— Да мы тебе поможем! — стал уверять его Евгений.

— Правда, поможем — добавил я. — Отодвиньте дней на пять ваш сенокос, а за это время мы сплаваем до Лыпы.

Наша готовность помочь, очевидно, подействовала на Шилоносова.

— Ну, ладно, что-нибудь придумаем.

Он открыл кинобудку, мы снесли в нее снаряжение. Потом повел нас к своему дому.

В доме Шилоносова нас встретили гостеприимно. У Гриши молодая жена и совсем еще не старая мать. Правда, женщины не выразили большого восторга от того, что мы нарушаем их

семейные планы. Однако к нашей затее плыть в верховья Вишеры отнеслись снисходительно. Судя по всему, Гриша считается с мнением жены и матери, поэтому и от них зависело — поедет он с нами или нет.

— Надо съездить, мамка, — серьезно сказал он.

— Ну что ж, поезжай. Мы с Раей начнем косить, а когда ты вернешься, поможешь сено в стога метать.

Теперь мы были спокойны, могли знакомиться с Велсом и провести ряд съемок.

Раньше Велс был жалким захолустьем, медвежьим углом. А сейчас это большой населенный пункт. Здесь живут лесники, геологи. Есть магазины, больница, клуб, детсад, почта — все, как полагается.

На другой день Гриша повел нас к старожилу села — Терентию Захаровичу Горшкову. Он живет в маленькой избе на другой стороне реки. Наш приход не удивил его. С ним знакомятся многие, кто попадает в Велс.

Старику семьдесят шесть лет. Поселок рос на его глазах. Всего два домика сиротливо стояли на берегу, когда он приехал сюда в 1932 году.

В зрелые годы Терентий Захарович слыл медвежатником. Бывало, бил «хозяина» даже топором. Теперь он на пенсии. Живет вдвоем со старухой. Сыновья и дочери разъехались. Занятый у него много: косит сено, рыбачит, иногда охотится, плетет туески из бересты — незаменимую таежную посуду. Туристы часто обращаются к нему за помощью — он помогает им соорудить плоты.

У нас он спросил:

— В пещере-то были?

— Нет еще.

— В ней французы, слышь, продукты хранили, как в леднике. Узкоколейку даже в нее провели.

Нам, конечно, любопытно осмотреть велсовскую пещеру, о которой мы слышали еще в Перми.

Перед расставанием старик подарил нам большой кусок медвежьего меха.

— Это добро может пригодиться вам. Харюз на медвежью обманку хорошо идет.

Он показал, как привязывать шерсть к рыболовному крючку. Медвежий мех не намокает в воде и хорошо держит крючок на поверхности. На эту плывущую искусственную мушку и обманывается хариус.

Гриша Шилоносков ведет нас к пещере. Она расположена

в полукилометре от села, вблизи домов геологической экспедиции. На склоне находим широкий провал. Остатки рельс узкоколейки ведут нас вниз, в просторный грот с высоким потолком. От него вправо проход ведет в еще более просторный подземный зал.

В пещере сухо, прохладно. В ней действительно можно устроить надежный склад. Постепенно потолок пещеры снижается, мы идем нагнувшись. Метров через двести он резко смыкается с полом, и мы оказываемся на берегу небольшого озера, покрытого тонкой ледяной коркой.

— Зимой здесь красиво, — говорит Гриша. — Из льда образуются всякие сосульки, башенки. А к лету все это стает. Я выхожу из Велсовской пещеры немного разочарованным: ждал большего.

Продолжаем знакомство с поселком и выискиваем интересные точки для съемки. По всему Велсу находим куски голубоватого шлака. Французские капиталисты и здесь хотели поживиться добром вишерских недр, выплавляли чугун.

На берегу сохранились следы причала, выложенного камнем. Гриша объясняет нам, что при французах здесь была пристань. В весеннее половодье барки могли подходить для погрузки чугуна к самому берегу. Уцелела также часть взорванного здания завода, которая теперь используется под гараж и автомастерские.

Вслед за Гришей мы поднимаемся на высокий обрыв. С него открывается широкая панорама хребта. Березовский камень. На его вершине в одном месте заметно скопление сланцев. Издали это скопище камней можно принять за деревню.

— В этом хребте, рассказывают, есть пещера, длиной почти пять километров, — говорит Гриша.

— Не сходить ли нам в нее? — спрашивает Евгений.

— Далековато будет. Да и дороги не знаем.

Об этой таинственной пещере мы слышали еще в Пермском клубе туристов. Многие туристы-пещерники хотели бы побывать в ней. Но описаний пещеры нет, есть только устные свидетельства геологов и охотников, которые случайно попадали в район Березовского камня.

— А кто бывал там из здешних? — спрашиваю я.

— Рассказывал мне один мужик из Приисковой. Говорил, что надо идти по речке Нижней Панихе к ее истокам. Там и пещера. Вход в нее, говорит, в виде огромной арки, на автомашине можно въехать.

Я смотрю на Гришу с восхищением: как он не похож на Николая! Он не ждет наших вопросов. Сколько он показал и рассказал нам интересного! С таким можно путешествовать, не страшись нехоженных троп.

На другой день мы отправляемся в К ПОДНОЖИЮ ратуре. Там только один поселок — Приисковая, а еще выше последний пункт Пермской области — Лыпя, где, по рассказам, давно уже живут всего несколько человек. Это и привлекало нас. Скорее туда, ближе к Уральскому хребту!

Гриша, так же как Николай, выражает сомнение — по мелководью едва ли удастся на моторе пробраться к Лыпье. Но говорит он это совершенно другим тоном. Никакого в нем уныния.

— Попробуем! В крайнем случае доберемся до Лыпья на шестах.

Нам важно одно — он сам с интересом относится к путешествию. Это чувствуется по настроению, с каким он садился в лодку, и тому старанию, с каким накануне собирался в поход: взял ружье, чайник, миску, кружку, спиннинг, удочки для ловли хариусов и даже маленький бочонок с запасом соли — на тот случай, если попадется много рыбы. Как мне помнится, у Николая не было ничего, даже полотенца.

Впереди высоким горбом маячит хребет Чувал. Мы часто видим его на поворотах реки, береговой лес то скроет его, то снова отодвинется. Вот уже характерные высокогорные каменные россыпи, покрытые густым слоем оленьего мха — ягеля, подступают к самой реке.

Неожиданно горы снова расступились, по берегам видны большие луговины, уставленные частыми стогами. Здесь велсовские жители заготавливают сено. Слева видно устье речки.

Сквозь гул мотора слышим голос Гриши:

— Вот она, Нижняя Паниха. Это по ней надо пробираться к Березовской пещере.

Делаем короткую остановку в устье речки: здесь можно заснять неплохие кадры. Каменные утесы по обоим берегам речки образуют узкое ущелье, через которое Нижняя Паниха вырывается к Вишере. Особенно примечателен один из утесов с плоским верхом — над речкой стоит сторожевая баш-

ня, как будто специально поставленная для охраны подступов к далекой таинственной пещере.

Выше устья этой речки Гриша показывает нам лужок, который он должен скосить.

— Не беспокойся, мы тебе поможем, — еще раз говорит Евгений.

Шилоносов улыбается.

Впереди красным цветом запылали крутые безлесные склоны. Что это? Что за растения разукрасили берега? Подплываем: густые заросли иван-чая заполнили старые вырубки. Сплошные поля цветов!

Сбавляем ход лодки, чтобы полюбоваться этим диким цветником. Присматриваемся: кажется, нет стебля, над которым не кружили бы две-три пчелы. Снова делаем короткую остановку. Слышен ровный пчелиный гул над полянами.

— Вот куда бы пасеку! — говорю я.

— Чего не займетесь пчеловодством? — спрашивает Гришу Евгений.

— А кто поедет в такую даль: кругом ни избушки!

— Жаль. Пропадает добро.

Скоро цветущие склоны остаются далеко позади. Среди высоких залесенных холмов показываются домики поселка.

— Вот и Приисковая, — говорит Гриша.

На берегу, напротив поселка, у небольших штабелей из бревен копошатся люди. Похоже, что лесозаготовители. Вглядываемся внимательнее. Да нет же! Это ватага туристов сооружает плоты. Одни парни.

На тихом ходу мы проплываем у берега. Наблюдаем. Кто-то пилит, кто-то машет топором, кто-то таскает бревна — все в работе.

Внимание привлекает высокий, около двух метров, упитанный парень с лицом двенадцатилетнего мальчика. Он подхватил здоровенное бревно и, расплываясь в улыбке, понес его к воде. Бревно в его руках казалось длинным карандашом.

— Приставай! — кричу я Грише, заинтересовавшись необыкновенным силачом.

Это оказались ленинградские туристы. Они перешли Урал с востока, от Ивделя, следуя мимо горы Мартай. Вышли к Вишере у Приисковой и теперь собираются плыть вниз.

Юный силач был украшением группы. Все называли его ласково «Крошка». Этому Крошке, весившему, вероятно, сто пятьдесят килограммов, было всего шестнадцать лет.

Упустить такой кадр? Ни за что! Я снял туристов за рабо-

той. Крошка с очаровательной улыбкой старательно протаскил перед моим аппаратом несколько самых тяжелых кряжей.

Для строительства плотов туристы пользовались заброшенными штабелями бревен, оставшимися от старых лесозаготовок. Древесина уже начала гнить, но для плота еще могла пригодиться.

Я слышал, что лесозаготовители на Вишере охотно разрешают туристам-плотовикам использовать давно заготовленную древесину и по каким-то причинам не сплавленную. Ведь туристы совершают санитарную очистку берегов от залежавшихся и начавших гнить бревен.

В Приисковой мы делаем короткую остановку, чтобы заправиться продуктами. Здесь последний на Вишере магазин. Гриша уходит к своим знакомым, бросив на ходу:

— Принесу вам малосольных харьuzов!

Поселок расположен на повороте реки, он окружен высокими лесистыми горами. По берегам разбросаны невысокие острые скалы. Мощный безлесный кряж виднеется вдали — это Чувал, одна из горных цепей Урала.

И снова ревет мотор, оглашая затихшие речные берега.

Чем ближе к Уральскому хребту, тем пышнее наряжает природа горную красавицу Вишеру. Река жмет к Чувалу, который тянется вдоль ее русла справа. Приближается коренной Урал.

Проплываем мимо лугового берега, усыпанного у воды железной рудой. По всей поляне разбросаны зеленые заросли крапивника — явный признак бывшего селения. На месте разрушенных домов всегда вырастает крапива.

— Здесь когда-то стояла деревня, — рассказывает Гриша. — У французов была пристань. Железную руду с Чувала вывозили к реке вон по той дороге, — показывает он на лес, среди которого видна уходящая в горы просека.

И, не дожидаясь вопросов, продолжает:

— Старой французской дорогой называют эту просеку. Она тянется за Урал, к Ивделю. По ней часто оттуда выходят к Вишере туристы.

Уже вечерело, когда Евгений спросил меня:

— Какое сегодня число?

— Тридцатое июля.

— Э-э, черт! Совсем забыл: ведь завтра у меня день рождения!

— Ты слышь, Гриша, — обернулся я к мотористу, — у человека завтра день рождения, а он только сегодня вспомнил!

Шилоносков улыбнулся:

— А я как чуял: из дома бутылку вина везу, а в Приисковой прихватил малосольных харюзков на закуску.

По такому случаю надо искать удобное и веселое место для лагеря.

Мы проскочили узкий и бурный перекат и выплыли на широкий плес. Слева к нему опускалась крутая, заросшая лесом гора. На другом берегу на зеленой лужайке у темных островерхих пихт белели палатки, дымил большой костер. Возле него толпились люди в спортивных костюмах.

— Опять туристы! — крикнул Евгений.

Я делаю знак Грише, чтобы он сбавил ход, и говорю:

— Место хорошее. Давайте причалим. Кстати, мне нужно заснять, как туристы строят плоты. И день рождения справим тут же.

Большая компания ребят и девчат подбежала к нашей лодке. Знакомимся. Сыплются обычные вопросы: кто мы, откуда, кто они, откуда и так далее. Они — московские туристы. Перешли Урал в районе Чувала и теперь сооружают плоты, чтобы плыть по Вишере. У них три двухместные палатки, в которых они умудряются спать по пять человек.

Мы расставляем свою четырехместную. Туристы удивляются:

— Вот это дом! В нем разместилась бы вся наша группа.

В этот вечер никто не сидел у костра. Утомленные заготовкой бревен, туристы поспешили на ночлег. Чувствовали себя усталыми и мы.

Утром нас разбудили оживленные голоса. Кто-то кричал:

— Братва! Выходи на зарядку!

Мы с Евгением обнаруживаем, что нас в палатке только двое. Гриша куда-то исчез. Выглядываем наружу — нашей лодки у берега нет. В легкой утренней дымке замечаем на воде ее далекий силуэт.

Утром после зарядки и студеной вишерской ванны сил и бодрости — хоть отбавляй. В этом мы убедились сами.

Гриша вернулся с двумя десятками крупных хариусов. Туристы обступили его. Для них эта уральская рыба в диковинку. Они растягивали спинной плавник рыбыны и удивлялись:

— Это хариус?.. Какой красавец!

Хариус был темным и крупным, до двух килограммов. С разукрашенным синими и красноватыми пятнами спинным плавником он действительно выглядел красавцем.

— Покажите, покажите нам! — растолкали ребят девушки и склонились над ведром с рыбой.

Одна из них капризно заметила:

— Ребята все время угощают нас какими-то вандышами да пескарями. Научите наших парней ловить такую рыбу, как ваша.

— Этот улов я отдаю на общий праздничный стол, — заулыбался Гриша.

Туристы посмотрели на него с недоумением.

— А какой сегодня праздник?

Мы показали на Евгения — виновника торжества.

— Как это здорово! — закричали девушки.

Туристы зашептались. Один из них подошел ко мне.

— Разрешите на вашей лодке сплавить в Приисковую. Мы закупим кое-чего к праздничному столу.

Вскоре лодка, ревя мотором, помчалась вниз, в Приисковую, которая осталась в семнадцати километрах от нас.

Ведро с рыбой было отдано в распоряжение девчат. Закипела работа: чистили хариусов. На траве расстелили большой брезент, служивший полом в нашей просторной палатке. Из рюкзаков вынули консервы, кофе со сгущенным молоком, крупу.

— Надоело лишнюю тяжесть таскать! Освобождайте рюкзаки! — кричала одна из девушек.

Через час появился «продовольственный транспорт» из Приисковой. Он привез мясные консервы, вино, конфеты.

На костре уже висели три плоских, почти ведерных котелка. В одном из них дымила уха, в другом — гречневая каша, в третьем — кофе.

Все разлеглись по краям брезента. С глухим звоном сомкнулись эмалированные кружки. Евгения поздравили с тридцать третьей годовщиной жизни и пожелали пройти побольше непроходимых туристских троп, не раз помокнуть под дождем в походах и съесть не одну миску горелой каши.

Больше всех веселились туристы. Они радовались встрече с нами. Особенно хвалили уху.

— Расскажем в Москве, как угостились вишерским харюзом!..

С едой разделались быстро. Появилась гитара. Зазвенели шуточные туристские песни.

Уже был выпит кофе, съедены сласти. Кто-то из парней крикнул:

— Ребята! Не поработать ли нам немного? Давайте!

Плоты сколотить — дело нехитрое, но и нелегкое. Застучали топоры, завизжали пилы. С приподнятым настроением работалось хорошо.

Еще один плот был спущен на воду.

Вечером была устроена коллективная рыбалка. Так, для забавы. Клевали крохотные вандыши. А еще позднее, когда хребет Чувал окрасился заходящим солнцем в малиновый цвет, все сидели у костра. Пели под гитару задорные походные песни.

Это был незабываемый вечер.

Утром туристы ВПЕРЕДИ — дах люди быстро
проводят нас. На ТУЛЫМСКИЙ становятся друж-
ваемся обмени- КАМЕНЬ ми!
ваемся адресами и телефонами. В пох- Едва отъехав от
мы увидели на берегу новую группу, тоже занятую сооруже- московских туристов,
нием плотов. Впереди замаячила гора с зазубренным скло-
ном.

— Курыксор, — показывает на гору Гриша. — Ее называют еще Петушиным гребешком.

Скалы этой горы действительно напоминают петушиный гребень. Под горой на Вишере расположены небольшие, но глубокие и тихие плесы. Нам то и дело встречались лодки рыбаков, промысляющих хариусов «на обманку». Гриша с каждым из них здоровался — это велсовские жители, они проводят на рыбалке свой отпуск.

Места здесь безлюдные. С крутых берегов над рекой склоняются развесистые черемухи, усыпанные спелыми ягодами. В прибрежных кустах краснеет множество малины. Мы проплываем под черемухами и прямо на ходу срываем спелые кисти.

Над лесом в далекой синеве показался хребет. Его вершина упиралась в нижнюю кромку облаков.

— Тулымский камень, — кричит Гриша.

Здесь царство темнохвойных лесов, еще не тронутых лесорубами. Мощные пихты и ели стеной тянутся вдоль берегов.

— Жень, ты знаешь, как растут шишки у пихты и ели? — спрашивает моторист.

— Как растут?.. Обыкновенно.

— Нет, ты посмотри внимательнее.

Меня заинтересовал этот разговор. Я беру бинокль, всмат-

риваюсь. Сравниваю шишки. И замечаю удивительную деталь. Шишки ели висят гроздьями вниз, у пихты наоборот — торчат на ветках, как свечи на новогодней елке.

Я передаю бинокль Евгению. Он тоже удивляется:

— Вот здорово! Как будто свечи.

— Такая мелочь, но не все ее знают, — говорит Гриша. — Некоторые даже спорят со мной.

Над лесом стал чаще показываться хребет Тулым. Мы приближались к его ближней части, круто поднимающейся из тайги. Длинным горным массивом он уходил далеко на север и терялся там в синей дымке.

— Скоро Долганиха, — оповещает Гриша.

— Это что?

— Когда-то была деревня, а теперь просто покос, который мы по старой памяти называем Долганихой.

Через десяток километров подплываем к большому лугу с остатками избушки.

— Вот она, Долганиха, — говорит моторист. — Давайте устроим здесь привал, подзакусим, чайком погреемся. Место красивое. Смотрите, Тулым и Курыксор — как на ладони.

Мы выходим на берег. Перед нами слева — хребет Тулым, справа северный склон горы Курыксор. Оба горных массива разделяет глубокая лесная впадина. Там течет река Долганиха.

Особо приметен склон Курыксора. Он круто обрывается в тайгу. Его украшают фигуры выветривания: башенки, острые пики, головы чудовищ.

Над безлесным Тулымом скапливались облака. Своей вершиной он словно подпирал огромную облачную копну.

Пользуясь остановкой, Гриша без особого труда надергал хариусов. Сварил уху. Самую крупную рыбку он разрезал на кусочки, посыпал солью.

— Попробуйте сырого харюза.

Мы с большим аппетитом полакомились этим вишерским деликатесом. Надо сказать, что в походной жизни подсоленная рыба — неплохая пища. Местные рыбаки часто едят ее.

Жители тайги и тундры иногда считают вареную рыбу бесполезной едой, а зимой отдают особое предпочтение строганине — сырой мороженой рыбе, нарезанной тонкими пластинками. Об этом мне говорили и ненцы, и манси, и эвенки, с которыми я не раз сидел за одним «столом».

После обеда мы переплыли Вишеру и на другом берегу всласть наелись морошки.

— Теперь можно и в Лыпью плыть, — сказал Гриша.

От Долганихи до Лыпи по реке будет километров двадцать. Справа от нас тянется громада Тулымского камня. С каждым километром он становится все ближе к нам, словно вырастает.

Гришины опасения, что нам помешают подводные препятствия, не оправдались. На всем пути от Велсы нам ни разу не довелось вылезать из лодки, чтобы протаскивать ее по мели, как это было с Николаем в средней части реки. Труднопроходимые места встречались, но Гриша, как-то по-особому маневрируя лодкой и мотором, искусно обходил их.

Вишера в этих местах неширокая, но, как ни странно, опасных мелей значительно меньше. Река течет в широкой долине, без крутых излучин. Береговых скал, за исключением небольших каменистых выступов, почти нет.

Вскоре на низком луговом берегу показались две избы.

— Приплыли! — кричит Гриша.

Он поворачивает лодку в устье мелкой речки Лыпи, включает мотор. Мы беремся за шесты и проталкиваемся ближе к домам.

Вот он, последний населенный пункт Пермской области в верховьях Вишеры, — Лыпья.

Выносим аппаратуру и снаряжение на берег. К нам спешит худощавый бородатый старик.

— Здорово, Гриша! Ты не кино ли привез?

— Здравствуй, Агафон Григорьевич. Привез товарищей, они будут снимать вас на кино.

Старик некоторое время смотрит на нас с удивлением и недоверием: не обманывает ли его Гриша.

— Вот оно дело-то какое, — озадаченно произносит он. — Ну, заходите в избу. Старуха сейчас чай сварганит.

Сложив грузы в кучу, мы идем в сопровождении бородача к дому, на крыше которого стоит мачта радиоантенны.

Я оглядываюсь назад. С пригорка, на котором стоят два дома, открывается величественный вид на хребет Тулым, стеной стоящий перед нами. Хребет этот — высшая точка Пермской области, 1377 метров над уровнем моря. У вершины его во впадинах видны снежники, узкими лентами спускающиеся к тайге. Настоящая горная страна. Кто мог бы подумать, что на севере нашей области — типичные альпийские ландшафты.

От избы в нашу сторону выбегает с лаем свора собак. Агафон Григорьевич прикрикнул на них — псы замолчали, виновато замотали хвостами, боязливо стали обнюхивать нас.

У крыльца дома нас встречают еще двое — старуха со стариком, даже более старым, чем Агафон Григорьевич.

Гришу приветствуют как старого знакомого и всегда желанного гостя. На нас с Евгением смотрят с интересом.

Мы входим в избу, разделенную на две половины. Одна отведена для приезжих рыбаков, охотников и сенокосчиков. Старик со старухой живут в другой половине. Убранство небогатое, но на видном месте стоит маленький радиоприемник.

После знакомства узнаем, что в двух единственных домах Лыпи живут три человека: Собянин Пантелей Корнилович, его дочь Анфимья Пантелеевна и Агафон Григорьевич Собянин — муж Анфимьи. У них есть тринадцатилетняя дочка, которая учится в Велсе.

Старшему жителю Лыпи Пантелею Корниловичу уже много лет, он родился в 1886 году. Однако старик не выглядит дряхлым. Зять его, Агафон Григорьевич, немного моложе — родился в 1900 году. Анфимья Пантелеевна с 1917 года.

Сюда они перебрались жить с Колвы еще в тридцатые годы. В то время здесь, говорят, был большой поселок. Постепенно люди разъехались. Многие дома перевезены в Приисковую и в Велс. Но Пантелей с Агафоном остались, не захотели уезжать с места, которое им понравилось.

Старики эти — две противоположности. Пантелея Корниловича называют старовером, кержаком. Он живет отдельно от «молодых», во второй, маленькой избе. Верный старообрядческим законам, он не курит, не пьет, не сквернословит, гостей в избу никогда не приглашает.

Агафон Григорьевич, судя по его лихим замашкам и веселому нраву, давно порвал с кержацкими привычками. Кержацкого в нем — разве только борода. Он выпивает, с языка его срываются крепкие словечки. На этой почве у него с тестем были серьезные разногласия, даже ссоры, но ничего не помогло.

Анфимья Пантелеевна оказалась необычайно приветливой и заботливой женщиной. Она быстро поставила самовар, куда-то сбегала и принесла миску с рыбой. Изба наполнилась чересчур сильным подозрительным запахом.

— Харюзков с душком не отведаете ли?

Мы с опаской посмотрели на хариусов в миске — они как будто выглядели крепкими. Такую рыбу называют засоленной «в колодочку».

Наши сомнения рассеялись, как только мы попробовали их. Хариусы «с душком» на вкус были бесподобны.

Анфимья Пантелеевна снова вышла из избы и вернулась с дичью в руках.

— Я глухаренка вчера подстрелила. Суп сготовлю, тожно.

Отказываемся, благодарим. Мы удивлены: старуха сама подстрелила глухаренку!

— Тогда молочка холодненького принесу, — не унимается она.

— Чего, Анфимья, спрашиваешь? Тащи все на стол! — говорит Агафон Григорьевич.

— Вы, ребята, пошто такие стеснительные? Туристы-то смелее вас.

И старушка рассказывает, как часто туристы, перевалив через Урал, измученные заходят к ним в Лыпью.

— Придут голоднехонькие, пооборвутся, лазая по горам-то. Обутки-то свои так уторкают, что пальцы видно. Я уж их молочком напою, рыбкой и картошкой угощу. Довольнехоньки остаются.

— Никто не обходит нас, — самодовольно подтверждает старик.

Анфимья Пантелеевна продолжает:

— Среди них девчата. Матушки мои, туды же лезут! Иная така, что за котомкой ее не видно. Тоже за парнями бойко отшагиват.

В разговор вступает Агафон Григорьевич:

— Отдохнут у нас туристы маленько, построят плоты, глядишь, поплыли дальше.

Интересно было слушать их странную речь с частыми «тожно». Они словно не говорили, а пели. Интересно и смешно.

Я поглядываю через окно на громаду гор. Действительно, куда податься путешественникам после трудного перехода через Тулым, когда они видят человеческое жилье на берегу Вишеры? Где они получают приют, кроме Лыпьи?

И старики радушно встречают в этой глуши любого человека, будь он турист или геолог, рыбак или охотник. На всю Вишеру эти жители Лыпьи славятся своим гостеприимством. Среди щедрой природы и люди становятся щедрыми. Все, что они берут у нее, — сено, дрова, кедровые орехи, грибы, ягоды, рыбу, дичь — они никуда не сбывают, так как это их средство существования.

Агафон Григорьевич рассказал, что на охоту он иногда ходит к истокам рек Березовой, Колвы и даже Кисуньи и Уньи. Истоки их связаны с Лыпьей так называемыми гранями — узкими просеками, по которым можно без труда пере-

двигаться пешком и верхом на лошади. За хариусами он плавает в верховья речки Лыпьи, куда можно пробиться на лодке только с шестом.

Меня особенно интересует река Березовая, по которой я мечтаю в следующее лето совершить путешествие. О ней больше всего спрашиваю у старика. Оказывается, ее исток находится всего в восемнадцати километрах от Лыпьи.

Сколько старик ни уговаривал нас остаться ночевать в избе, мы предпочли свою палатку. Поставили ее на берегу Лыпьи, возле небольшой впадины в земле, из которой вытекала речка Сухая Лыпья. По рассказам стариков, Сухая Лыпья за километр до изб уходит под землю и вырывается из нее уже у самых домов.

И пищу мы готовили на костре тут же, на берегу. Анфимья Пантелеевна несколько раз приносила в миске понравившихся нам хариусов «с душком».

Утреннее солнце долго скрывалось за К ЛЫПЬЕНСКИМ темной стеной Тулы-ма. Лесная долина ПОРОГАМ Вишеры с домиками

Лыпьи продолжительное время оставалась в тени. Было даже холодно.

Но вот в одном месте горб хребта словно начал плавиться. Выглянув сначала краешком, солнце быстро вышло из-за хребта и ослепительно засияло. Сразу стало теплее.

Мы собираемся в последний маршрут по реке — к Лыпьенским порогам. Снаряжаемся основательно — на несколько дней.

— Нам преодолеть бы четыре порога, а там и до Мойвы можно добраться, — говорит Гриша.

— Четыре порога! — удивляется Евгений. — Ох и настырный же ты, Григорий.

Кажется, наступил самый трудный этап нашего путешествия. Пробьемся ли мы на лодке через эти грозные вишерские препятствия? Все зависит от Гриши. Он смел, настойчив, опытен. Никакого сравнения с прежним мотористом Николаем.

И снова наша лодка мчит на север по затихшей утренней Вишере. Остывший за ночь воздух кажется еще более чистым.

Нет ничего на севере лучше утренней реки. Ощущение севера всегда как-то по-особенному радует меня. Никогда я не восторгался южной природой. Смотрел на нее только с удивлением. А здесь все ласкает глаз: каждая елочка, каждый ка-

менный выступ, каждая полянка на берегу. Кажется, лег бы вон на тот лужок и закрыл глаза от счастья.

Темный исполин Тулым стал еще ближе. У его могучего основания стремительная Вишера и образует сложную систему порогов.

Гриша, до этого спокойно оглядывавший берег, теперь внимательно смотрел вперед.

— Сейчас будет первый порог.

Было странно: откуда могут быть пороги на сравнительно спокойной и широко разлившейся реке. Но Вишера резко повернула в сторону — и в узком речном коридоре мы увидели белые барашки.

Приближаемся к порогу. Преграда внушительная, но на первый взгляд кажется не опасной. Гриша выбирает тихую заводь под порогом, направляет в нее лодку. Под порогом часто образуются маленькие затончики, в которых вода почти не движется, даже идет против течения.

— Сначала осмотримся, потом поплывем.

Первый Лыпенский порог, а вернее, четвертый по течению, представляет собой хаотическое нагромождение камней в русле реки, стесненном невысокими берегами. Справа, ближе к берегу, виден узкий стремительный слив, как будто свободный от подводных камней. К нему и присматривается Гриша: другого пути нет.

Евгений тоже оглядывает порог и разочарованно заявляет:

— А я думал, что здесь что-то страшное.

— Ты весной посмотрел бы, что тут творится, — говорит Гриша. — Валы до двух метров вздымаются, рев стоит — за километр слышно.

— Ты и весной здесь плаваешь? — удивился Евгений.

— А как же! Весной под порогами громадные таймени скапливаются. Мы здесь и рыбачим. От порога к порогу просто курсируем на лодке.

Гриша походил по берегу, осмотрел порог.

— Ну так что, мужики, поплывем?

Откровенно говоря, я не хотел на первый раз рисковать аппаратурой и пленкой. К тому же надо было заснять проход лодки через порог. Мы вынесли на берег все, что при несчастном случае может подмокнуть и испортиться. Я приготовил аппаратуру к съемке.

Гриша с Евгением сели в лодку, отплыли немного ниже порога и с разгона понеслись на слив. На какой-то миг лодка задержалась, но взревел мотор — это Гриша включил его на

полную мощность — и они скоро оказались за порогом. Там причалили к берегу.

— Лихо проскочили, — говорит Евгений.

Переносим аппаратуру из-за порога, загружаем лодку и плывем дальше. Вишера здесь стиснута высокой стеной хмурого темного леса и очень узка. Солнце ярко освещает лес левого от нас берега. Половина реки скрыта тенью от леса справа. Гул мотора в лесном коридоре стал громче.

— Снова порог, — показывает Гриша вперед.

Русло Вишеры поворачивает вправо. Виден мощный каменистый выступ, тянущийся через реку. Узкое русло перегорожено разбросанными глыбами. Слышен гул.

Григорий направляет лодку на узкую полосу слива. Как будто вся река устремляется в эту тесную канавку между подводными камнями. Лодка с трудом преодолевает бешеное течение. Заметно сбавляет ход, идет все медленнее, медленнее и... останавливается. Вся река, слившись в одну струю, старается не пустить нас за порог. Мы с опаской оглядываемся на Гришу.

Мотор издает прерывистые звуки и глохнет. Лодка на середине порога оказывается неуправляемой. Момент опасный. Но Гриша ни на секунду не проявляет растерянности. Намотав пусковой шнур, он дергает за него. На какой-то миг шум мотора заглушает рев порога.

Лодка начинает медленно скользить против течения. Вцепившись руками в ее борта, мы как бы стараемся помочь ей. Конечно, чего греха таить — страшно. Однако я не выпускаю из рук кинокамеры и периодически снимаю.

Еще несколько томительных секунд — и лодка выплывает на широкий тихий плес.

— Еще один порожек перепрыгнули! — улыбается Григорий.

Выше второго порога тянется длинный плес. Местами по нему разбросаны, как острова, большие камни. Слева по берегу высится несколько скал, густо заросших дремучим лесом. Каждую такую скалу Гриша называет непонятным словом «чурок». Показывает нам на один из утесов:

— Вон под тем чурочком неплохое место для привала. Чайку попить, отдохнуть, а то я умаялся.

Мы выходим на берег. Глухая нетронутая тайга сразу же поглощает нас. Ноги глубоко тонут в густом зеленом мху, устилающем землю. С ветвей могучих елей свисают длинные пельные пряди лишайников. Замечательные кинокадры!

Мы с наслаждением развалились на мягком таежном ковре.
— Далеко ли у вас медвежья шерсть? — обратился ко мне Гриша.

Получив ее, он бойко вскочил на ноги и побежал к лодке. Куда и усталость девалась!

Гриша отплыл от берега, воткнул по бортам лодки два коротеньких удилица и стал курсировать по реке.

На Вишере существует широко распространенный способ ловли хариусов. В бортах лодки укрепляют две удочки с искусственными мушками. Рыбак плывет вверх по реке, мушки подпрыгивают на струях, хариусы, завидя «добычу», хватают ее и... цепляются на крючки. Рыбак бросает якорь, останавливает лодку и вытаскивает рыбину. После этого все повторяется сначала.

Я видел, как часто останавливал Григорий лодку. Полетел в воду якорь — значит, попался хариус. Можно было даже сосчитать, сколько он поймал.

Взяв кинокамеру, я взобрался на вершину чурка, снимал с него вишерскую глухомань. Оттуда был виден и наш рыболов. Закончив ловлю, он поплыл по плесу вверх, и скоро его лодка скрылась за поворотом реки — должно быть, к следующему порогу.

Когда я вернулся с чурка, к берегу причалил Григорий и порадовал нас десятком крупных хариусов.

Прав был старик Горшков: на медвежью шерстку хариус жадный.

Гриша выпил кружку крепкого чая и разлегся на мху. Но долго рыбаку не лежалось.

— Сейчас я покажу вам, как варится настоящая уха.

Он взял кастрюлю, зачерпнул воды, повесил над костром.

— Знайте, что уху надо всегда на той воде варить, из которой добыта рыба.

Он быстро вычистил хариусов, промыл и сложил в миску. Скоро вода в кастрюле закипела, потому что ее было очень мало. Щепотка соли, разрезанная луковица, три лавровых листа и несколько горошков душистого перца — все это было брошено в кипяток. Через минуту туда же были свалены хариусы.

Григорий продолжал поучать нас:

— Воды наливайте в кастрюлю столько, чтобы она едва скрывала рыбу. Чем меньше воды, тем наваристее уха.

Еще раз прокипело в кастрюле, и Григорий снял ее с огня.

— Вот и готово! Кипятить долго нельзя: разварится хариус.

Первые же ложки ухи вызвали восторг. Словно лучшего блюда мы никогда и не пробовали. Ели с необъяснимой жадностью, стараясь перегнать друг друга, съесть как можно больше.

Конечно, такие восторги еще рождает и походная обстановка: костер, чистый воздух, прекрасный аппетит. В лесу все кажется вкусным, даже горелая каша.

Уха была хороша. Но почему Гриша так деятельно занялся ею и ни словом не обмолвился о том, что нам надо продолжать путь дальше?

— Не думаешь ли ты заночевать здесь? — спросил я и внимательно посмотрел на моториста.

Гриша почесал затылок, виновато улыбнулся.

— Знаете что, мужики, я подплывал к порогу, мне кажется, нам его не одолеть: обмелел сильно.

Я призадумался: обидно будет, если мы не пробьемся в верховья.

— Попробуем еще утром. Может, за ночь водичка прибудет. Вот зарядил бы дождь на неделю!

— Ну нет, Григорий, через неделю нам надо быть на Кваркуше.

— Тогда только по берегу пешком...

— С нашей аппаратурой далеко не уйдешь, — махнул рукой Евгений.

Гриша рассказал, что даже весной они с трудом преодолевают на лодках четыре Лыпенских порога и так намаются, пока доплывут до устья речки Мойвы! А вот на Мойве — притоке верхней Вишеры — плыть легче: много плесов, глубоких ям. Не случайно стремятся туда красновишерские рыбаки: в Мойве много хариуса. Браконьеры знают это — глушат его в ямах. И представьте, как изощряются, мерзавцы, — в спичечные коробки закладывают взрывчатку, не скоро найдешь. Пользуются тем, что река далеко и поблизости нет инспекторов.

А ведь в Мойве, говорят, летом скапливается очень много хариуса. Если дать волю браконьерам, погубят они богатство реки. Было бы неплохо Верхнюю Вишеру от порогов объявить заповедной.

Я утешаю себя тем, что если не в этот, то в другой раз обязательно побываю на Мойве и двух истоках Вишеры. Обязательно!

Третий порог в километре от нашего лагеря. Вечером Гриша сводил нас к нему. Обмелевшая река почти сплошь была завалена камнями. В тесных промежутках между ними бурлила, свирепствовала река. Нашей лодке в этих узких проходах не протиснуться. Тащить ее волоком нельзя: один берег почти отвесный, другой — в каменных завалах.

Стоял я на береговых глыбах перед порогом и думал. Что делать? Оставить лодку и пойти пешком — до Мойвы еще около сорока километров. Бездорожье, глухая тайга. К пешему походу мы не готовы.

Не преодолеть нам эти каменные барьеры. Путь нам преграждает седой Урал. Урал-батюшка... Здесь, в глухих, еще не тронутых человеком чащобах, придется закончить путешествие.

Пока Григорий перепрыгивал с камня на камень, осматривал порог, я проверил по своим записям весь снятый вишерский материал. Оказывается, его вполне достаточно для фильма. И ради нескольких пейзажей глухой части реки нам нельзя надолго забираться в горы.

Мы отправились вниз, в Лыбю. Птицей перелетели через второй порог. Перед первым наша лодка со всего хода неожиданно наскочила на подводный камень. Мотор взвыл и заглох. Перевалив через камень, лодка задержалась на нем кормой, низко опустив нос в реку вниз по течению. Вокруг нас закотала вода.

Я увидел широко раскрытые глаза Гриши:

— Вот так номер!

Сначала мы рассмеялись, но тут же поняли, что были на волоске от опасности. Хорошо, что лодка почти проскочила камень, а не задержалась на нем носом. Тогда бы поток быстро развернул ее и опрокинул.

Григорий осторожно вылез на камень и толкнул лодку. Завел мотор. Порог остался позади.

В Лыбье мы не стали задерживаться, простились со стариками и отправились вниз. У Нижней Панихи на лугу встретили мать и жену Шилоносова. Как обещали, помогли сгрести сено и сметать его в стог.

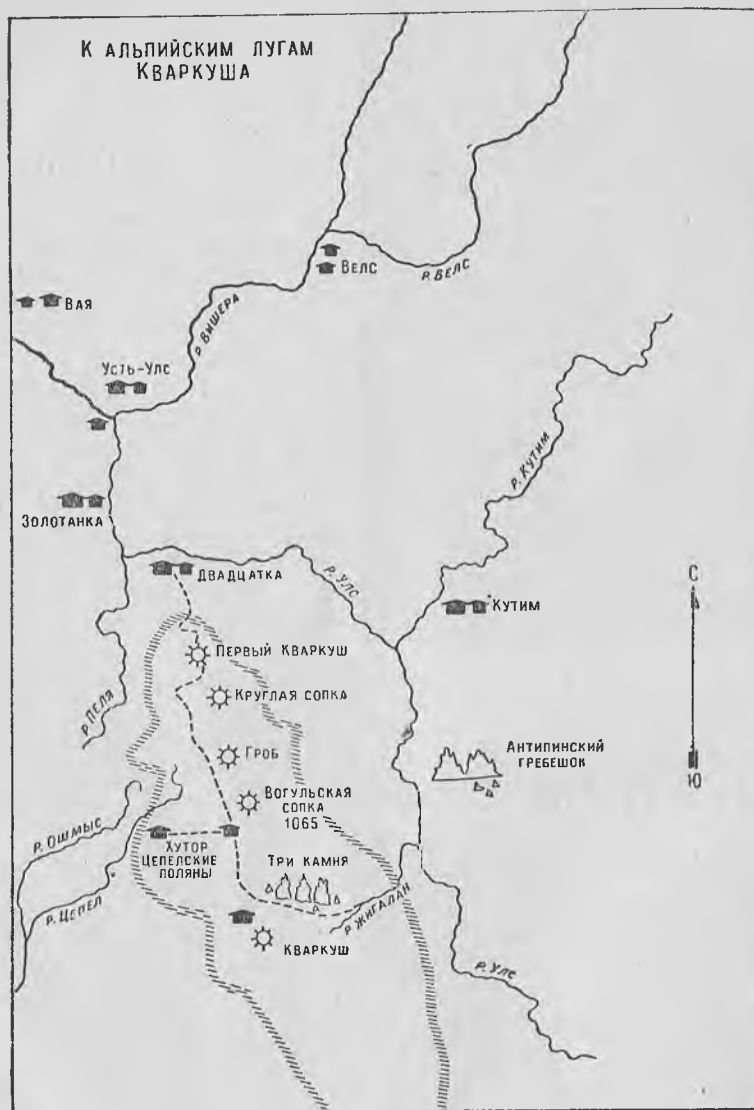
Григорий довез нас до Ваи. Здесь мы с ним простились, а сами стали готовиться к новому, теперь уже сухопутному путешествию на Кваркуш и через Уральский хребет.

Там снег, там горная тундра. А здесь поляны, альпийские луга! Какое немыслимое соседство, какое чудо природы! Разве поверишь в него, не увидев своими глазами!

В. Астафьев

НА АЛЬПИЙСКИХ ЛУГАХ УРАЛА

Осенью 1962 года, возвращаясь в Москву с берегов сибирской реки Маны, я заехал в Пермь. В «Звезде» прочел статью писателя В. Астафьева «Впереди синее Кваркуш». Меня очень заинтересовало известие об альпийских лугах на хребте Кваркуш. И с тех пор я мечтал побывать там.

И вот теперь, оказавшись с помощником в Вае, мы начали деятельно готовиться к походу в горы. Нам нужно было арендовать в леспромхозе шесть лошадей, чтобы перейти Уральский хребет по старой, так называемой французской дороге через затерянные в горах поселки Золотанку, Двадцатку, Кутим и Сольву. Затем мимо горы Денежкин камень в Ивдель. Оттуда — на берега далекой Северной Сосьвы, где я уже бывал. По пути намечали подняться на хребет Кваркуш.

ДОЛГИЕ СБОРЫ

Погода на Вишере в августе резко изменилась. Ежедневно лил дождь. Похолодало. Вайские жители поговаривали, что высоко в горах выпал снег. Один из стариков, которого мы расспрашивали о Кваркуше, «утешил» нас:

— Теперь в горы лучше не соваться: там зима! Да и никто не согласится пойти с вами.

Мы уже думали отказаться от Кваркуша и конного перехода через Урал. Хотели просто перелететь хребет на вертолете. Но однажды мой помощник Евгений пришел радостный и сообщил мне:

— Познакомился с геологами. Они идут на Кваркуш!

Я бросился к геологам. Один из них, молодой, с приятным лицом, опередил меня вопросом:

— Это вы на Кваркуш собираетесь?

Мы познакомились.

— Попов Владимир Викторович, — представился геолог.

Выяснилось, что они завтра же плывут в Усть-Улс, отсюда пойдут пешком на хребет. Из геологической партии на Кваркуше им сообщили, что там действительно выпал снег.

— Он долго не продержится, стает. Будут для вас еще хорошие деньки, — успокаивал меня Попов.

Вскоре геологи ушли на Кваркуш. Мы получили разрешение на шесть коней, которых должны навьючить в Усть-Улсе, и оттуда отправиться в горы.

И вот мы снова в Усть-Улсе. На время сборов поселились в доме Прокопия Алексеевича Саловарова.

Прокопию Алексеевичу 67 лет. Он низок ростом, но крепок,

как все люди, живущие в суровых условиях севера. Большой говорун. Обо всем он знает, везде бывал. Много рассказывает из прошлого.

Это был единственный человек в Усть-Улсе, который мог повести нас на Кваркуш. Он бывал там не раз: руководил заготовкой сена для леспромхоза, а в дореволюционное время, еще мальчишкой, ездил с отцом в глубь уральских гор по узкоколейной железной дороге.

Но Прокопий Алексеевич соглашался повести нас на Кваркуш только за щедрую плату.

— Посудите сами, ребята, на кой черт мне, старику, та-скаться по тайге и горам, спать у костра, мокнуть под дождем?..

С этим нельзя было не посчитаться. Мы нашли способ хорошо оплатить работу старого проводника, и он согласился идти с нами.

В Усть-Улсе нам дали только двух коней. Да и с ними случилась неприятность: одна из лошадей перегрызла веревку и убежала в лес, другая удрала вниз по реке в Гостиный Остров в восемнадцати километрах от Усть-Улса. Разыскивать коней отправился Евгений.

На поиски лошадей ушло три дня. Пока Евгений отсутствовал, я узнал, что у начальника подсобного хозяйства Ширинкина — человека довольно странного — находится уже подписанный Евгением акт о передаче нашей киногруппе шести коней. Я пошел к Ширинкину и познакомился с этим документом. Акт напоминал известную гоголевскую купчую на мертвые души.

— А где же остальные кони? — спросил я. — Ведь мы получили только двух!

В своей несвязной речи Ширинкин попытался объяснить мне, что двух коней мы получили в руки, две лошади где-то еще гуляют и их ловят для нас, еще две находятся в Кутиме (это пятьдесят километров от Усть-Улса!), мы их должны забрать по пути.

Я сказал, что акт оформлен незаконно. Ширинкин заявил:

— Лошади были дадены, акт подписан, я ни за что не отвечаю!

На глазах у него я разорвал фальшивый документ и сказал:

— Мы ничего не получали, мы тоже ни за что не отвечаем!

Тут же я позвонил в Ваю и объяснил главному инженеру леспромхоза наше положение. Ширинкин присмирел...

Дни вынужденного безделья тянулись долго. Наконец, явился мой Евгений с лошадьми.

На другой день нам удалось собрать четырех коней и подготовиться к выходу в горы. Остальных лошадей нам дадут в пути: в Золотанке и Кутиме.

Нас очень обрадовал внезапный приезд киномеханика Володи Кодолова, с которым мы встречались в Усть-Улсе, когда еще плыли вверх по Вишере. Он причалил лодку возле дома Прокопия Алексеевича, не подозревая о том, что мы здесь.

— Вы откуда взялись? — удивился он.

— На Кваркуш собираемся, — ответил Евгений и тут же спросил:

— А ты куда подался?

— В Двадцатку к братану плыву.

— Ты помнишь, обещал провести нас через Урал?

— А я не возражаю...

Мы с Евгением переглянулись, без слов понимая друг друга. Раздумывать было некогда: на завтра назначен наш выезд. С Володей надо решать сейчас же.

— Так вот, давай договоримся, — начал Евгений. — Прокопий Алексеевич сводит нас на Кваркуш, а ты дней через десять приезжай в Двадцатку, там мы будем ждать тебя.

— Правильно! Остановитесь у брата Борьки. А сейчас, если есть какие грузы, давайте я сведу их в Двадцатку: зачем вам мучить лошадей?

— Молодец, Володька! Как ты вовремя подоспел, — обрадовался Евгений.

Мы быстро стаскали в лодку снаряжение, вьючные седла, веревки, запас пленки, запасную кинокамеру — все лишнее, что не потребуется нам в пути до Двадцатки.

Мы вышли рано утром. Жена Прокопия Алексеевича, маленькая, полная старушка, кричала вслед:

— Ты, старый непоседа, долго не броди! Скоро сено надо будет возить. Без тебя не управлюсь!

— Попросишь Матрену помочь, — невозмутимо ответил старик.

Мы углубились в лес и сразу попали на широкую и прямую дорогу, еще сохраняющую следы насыпи и водосточных канавок по бокам.

Прокопий Алексеевич, восседая в седле, объявил:

— Вот и есть бывшая французская железная дорога. Так прямехонько она и тянется до самого Кутима.

Мерно покачиваясь в седлах, мы ведем разговор. Нашего проводника не надо спрашивать: закончив одно, он начинает о другом. Что попадет на глаза, о том и ведет речь.

Вскоре слева блеснула речка Улс, и дорога потянулась вдоль нее. Это небольшая живописная речка, вьющаяся среди крутых лесистых берегов. Она мелка, но лодка с мотором свободно проходит по ней до Двадцатки.

Проводник наш почти не умолкает:

— Он, француз-от, ишо в девятьсот седьмом году, тожно, знал, что будет гражданская война в России, и помаленьку убирался из Кутима.

Старик рассказывает, что когда он был еще мальчишкой, отец часто брал у начальства в аренду лошадь с вагонеткой, и они с ним ездили по узкоколейке на покосы. На вагонетках же рабочие и вывозили чугун из Кутимского завода к Усть-Улсу, где были склады, пристань. Чугун сплавляли в барках в низовья Вишеры.

Однажды одна из барок разбилась о береговой камень и все чугунные слитки затонули. Хозяин лично выезжал на место аварии, страшно негодовал и сулил большие деньги за добытые со дна слитки.

— Почему именно из-за этой катастрофы хозяин особенно нервничал?

Прокопий Алексеевич объясняет по-своему:

— В чугуне-то, слышь, золото было вплавлено — вот и психовал француз.

Немного подумав, добавил:

— Им было разрешено железо добывать, а они втихомолку и золотишком промышляли — стало быть, воровали наше добро.

В разговорах мы и не заметили, как подъехали к поселку Золотанке. Он назван по имени маленькой речки, впадающей в Улс здесь же, рядом с домиками, красиво расположенными на берегу против высокого крутого склона с каменистыми выступами. Возможно, в старину на этой речке мыли золото. А теперь здесь находится лесоучасток Вайского леспромхоза.

В Золотанке нам дали еще одного коня. Увидев его, Прокопий Алексеевич воскликнул:

— А, Сокол! Он родился на Цепелских полянах, на Кваркуше. Я его еще жеребенком помню.

Конь был приготовлен для меня. На нем я должен объехать Кваркуш и перейти Уральский хребет.

И снова, не задерживаясь, отправляемся в путь. Дорога

теперь идет по самому берегу Улса. Сокол недружелюбно косясь на меня. Мы привыкаем друг к другу.

К вечеру были в Двадцатке. Небольшой, около десяти домов, поселок раскинулся на берегу Улса. Здесь тоже лесоучасток. Название поселок получил еще при французах: он расположен ровно на двадцатом километре от Кутимского завода.

Прокопий Алексеевич ведет нас к дому брата Володи Кодолова.

Борис уже встречает нас.

— А Володька только недавно уехал! Ваши грузы целехоньки.

Он приглашает располагаться в своем доме, помогает распрягать коней. Но в избе тесно: у Бориса большая семья. Мы решаем, что ночевать будем в палатке или на сеновале.

Проводник уводит лошадей на остров, где есть корм, вызывает их к колям: не удрали бы обратно в Усть-Улс.

Незаметно наступают сумерки. После ужина нас тянет ко сну. Несмотря на уговоры Бориса ночевать в избе, мы уходим на сеновал. Всю ночь под нами хрюкали свиньи, а рано утром загорланил петух. Стучали в потолок, кричали — ничего не помогло. Так хотелось свернуть шею этому горлопану!

Следующий день — день отдыха, подготовки выюков, намотки пленки, закупки продуктов на дорогу.

Прокопий Алексеевич неустанно продолжает роль взыскательного краеведа.

— Гляньте-ко, робята, во-о-он утесы торчат на горе... Это Пелины Уши.

— Чьи, чьи? — переспрашивает Евгений.

— Пелины, говорю...

— А кто это такой, Пеля?

— А шут его знает. Пелины Уши называют.

Против Двадцатки на другом берегу быстрого Улса высятся небольшие, но отвесные скалы. С них открывается самый живописный вид на вершину, только что названную Прокопием. Замечательные пейзажи Кваркуша я впервые увидел на картинах пермского художника Валентина Дудина. Он совершил однажды путешествие в эти края. У него же на этюдах я видел и Пелины Уши.

Итак, мы готовимся к походу. Борис Кодолов помогает Евгению разбирать сложную ременную систему вьючных седел и сбруи. В обед он угощает нас знаменитыми (по крайней мере среди местного населения) улсовскими чебаками. Борис ут-

верждает, что по вкусу они не уступают прославленным вишерским хариусам.

Лошади у нас оказались смиренными. На острове им было вдоволь травы, и они никуда не рвались. В нашем распоряжении пять коней: два пойдут под грузами, на трех мы поедем сами.

За ночь погода испортилась. Морось, низкие облака, гор не видно. Но к полудню небо прояснилось, выглянуло солнце. Поспешно выючим лошадей. В полдень наш караван покинул Двадцатку. Сначала мы следовали по французской дороге вдоль Улса, потом свернули вправо, на лесную тропу, ведущую в сторону Пелиных Ушей.

Прокопий Алексеевич остановил нас на несколько минут и сходил на маленькое кладбище, затерянное среди леса. Там похоронен его дядя.

Вышли на таежную просеку, или как здесь называют — грань, которая тянется к вершинам Кваркуша. Дорога эта очень своеобразна — дикая темнохвойная тайга буквально сжимает тропу.

Нередко нас заставляет останавливаться свист вспугнутых рябчиков.

— Парочку не мешало бы на варево, — с хитрецей говорит проводник.

Намек ясен. Мои спутники едут дальше, а я ухожу с ружьем в сторону тропы. После долгих стараний добыл двух птиц.

Догнал караван. Прокопий Алексеевич, окинув хозяйским взглядом трофеи, сказал:

— С первой добычей вас...

Поворотив птиц, добавил:

— Много ли надо человеку в тайге: два рябчика — и три мужика будут сыты.

Темная тайга внезапно кончилась, потянулось редколесье с приземистым кривым березняком и низкорослыми елями. Особенно необычны были ели: неимоверно толстый ствол у корня и резко сужающийся к вершине, ветви изогнуты, как бивни мамонта.

— Этой елочке, не смотри, что она низенькая, лет сто пятьдесят будет, — говорит Прокопий Алексеевич.

Мы любуемся необычайно широким размахом нижних вет-

К ВЕРШИНАМ
КВАРКУША

яснилось, выглянуло
солнце. Поспешно
выючим лошадей.

В полдень наш
караван покинул

Двадцатку. Сначала мы
следовали по французской
дороге вдоль Улса, потом
свернули вправо, на лесную
тропу, ведущую в сторону
Пелиных Ушей.

Прокопий Алексеевич
остановил нас на несколько
минут и сходил на маленькое
кладбище, затерянное среди
леса. Там похоронен его
дядя.

Вышли на таежную
просеку, или как здесь
называют — грань, которая
тянется к вершинам
Кваркуша. Дорога эта
очень своеобразна — дикая
темнохвойная тайга
буквально сжимает тропу.

Нередко нас заставляет
останавливаться свист
вспугнутых рябчиков.

— Парочку не мешало бы
на варево, — с хитрецей
говорит проводник.

Намек ясен. Мои
спутники едут дальше, а я
ухожу с ружьем в сторону
тропы. После долгих
стараний добыл двух птиц.

Догнал караван.
Прокопий Алексеевич,
окинув хозяйским
взглядом трофеи, сказал:

— С первой добычей вас...

Поворотив птиц, добавил:

— Много ли надо
человеку в тайге: два
рябчика — и три
мужика будут сыты.

Темная тайга
внезапно кончилась,
потянулось редколесье
с приземистым кривым
березняком и низкорослыми
елями. Особенно
необычны были ели:
неимоверно толстый
ствол у корня и резко
сужающийся к вершине,
ветви изогнуты, как
бивни мамонта.

— Этой елочке, не
смотри, что она
низенькая, лет сто
пятьдесят будет, —
говорит Прокопий
Алексеевич.

Мы любуемся
необычайно широким
размахом нижних вет-

На вершине Кваркуша.

Становище оленеводов-манси под Вогульской сопкой.

Кваркуш. Река Жигалан.

Альпийские луга Кваркуша.

Избушка над рекой Россохой — приют геологов.

Кваркуш. Хутор Цепелские Поляны.

Зеленое богатство альпийских лугов.

вей, лежащих на земле и загнутых концами вверх. Не елки, а словно темно-зеленые шатры или чумы разбросаны вокруг. Никогда еще не видел я таких елей.

Из-под одного зеленого шатра с шумом вылетела глухарка.

— О! — вскрикивает Евгений, поспешно соскакивает с коня, готовит свою «мелкашку».

Мы с Прокопием Алексеевичем едем дальше. Он впереди, я — сзади. Внезапно он останавливает своего коня, манит меня пальцем. Я быстро вылетаю из седла, готовлю двустволку. Проводник показывает мне на полянку. Там среди травы видны вытянутые шеи крупных птиц. Слышно тревожное квохтанье.

— Глухарки пасутся!

Я вижу, как между деревьев крадется к полянке Евгений.

Выстрел из мелкокалиберки, напоминающий треск сучка, а затем и мой залп из двустволки нарушают тишину леса. Несколько глухарок поднимаются с земли и разлетаются в разные стороны. Две остаются на земле.

Ликует Евгений. Улыбается довольный Прокопий Алексеевич.

— Теперь у нас, робята, мяса вдоволь!

Тропа неожиданно выводит нас на болото. Странно: мы приближаемся к вершине Кваркуша, уже видна на горизонте цепочка Уральского хребта, а под ногами коней вода по колено. На загустевшей грязи видны следы от резиновых сапог. Это перед нами прошли геологи, которых мы встретили в Вае.

На наших глазах с высотой менялся облик леса. Сначала мы шли в темной высокой тайге, потом удивлялись приземистым елочкам с ветвями-бивнями, а теперь перед нами низкорослый, почти карликовый березняк. Мы вступили в зону предгорного редколесья. На полянах между березками видны каменные россыпи. Вершина Кваркуша уже близка.

И действительно, впереди над березками, как большой стог сена, показалась каменная сопка.

— Это Первый Кваркуш, — говорит Прокопий Алексеевич.

Такого названия в географии не существует. Оно придумано местными жителями.

Лес кончается, и мы выезжаем на просторные поляны, заросшие небольшими, чуть выше коня, елочками. Еще немного, и перед нами открывается широкая панорама горной страны. Тайга остается внизу, а над ней, подпирая облака, по всему горизонту тянутся вершины коренного Урала.

Разве не удивительно, что едем мы как будто по равнине. А ведь это вершина хребта, раскинувшаяся на шестьдесят

километров в длину. Кое-где эта «равнина» увенчана сопками и останцами. Но между ними светлеют гигантские поляны.

Останавливаем коней и, не слезая с седел, долго любимся открывшимся нашим глазам привольем. Несколько куполов виднеется в синеющей дали. Старик объясняет:

— Вон Круглая Горка, а там дальше — Вогульская сопка...

Оглядываемся назад. Далеко над тайгой взметнулась конусная вершина, удивительно похожая на камчатский вулкан — Ключевскую сопку.

— Что это за гора? — спрашиваю проводника.

— А это Шунды-Пендыш...

Позже я узнал, что так старик называет известную вершину Вишерского Урала — Шудья-Пемдыш.

Поднимаемся на перевал. Копнообразная сопка Первого Кваркуша остается позади. Прокопий Алексеевич увлекает нас куда-то вниз, на юго-западный склон Кваркуша. Вдали чернеют холмы, покрытые тайгой. Тропа ведет вниз, мы выезжаем на роскошный луг. Горный склон одет в густые травы по пояс человеку.

— Вот уж где лошадки наши пооткормятся! — кричит проводник.

Кони жадно хватают на ходу сочную траву. Особенно мой Сокол. Прокопий Алексеевич, оглядываясь на него, говорит:

— Вишь, как ему нравятся родные луга-то. Он ведь на них и вырос.

Большими шапками разбросан по склону можжевельник. Впереди чуть ниже видна граница тайги с острыми пиками елей. А вдали вздымаются горбы покрытых лесом гор.

— Тут недалеко избушка есть, — говорит Прокопий Алексеевич, — в ней и переночуем. Кони притомились, да и нам, наверно, пора покормиться.

Перед лесом на краю поляны показалась крыша одинокой лачуги. Высокие травы гладят лошадей по брюху. Мы проезжаем огромный луг и останавливаем коней возле избушки без окон. Рядом с ней журчит родник.

Прокопий Алексеевич слезает с коня и первым делом объясняет:

— Тут я не одно лето прожил с сенокосчиками. Готовили сено для леспромхоза.

Евгений входит в избушку и кричит оттуда:

— Да здесь живет кто-то!

Мы с Прокопием тоже заглядываем внутрь. Широкие нары устланы спальными мешками. На стене висит ружье, охотни-

чий нож, одежда. На маленьком столике разложены мешочки с крупой, солью, валяются спички, стоит одинокий огарок свечи. На полу сложена кучка всевозможных камешков.

— Тут, видать, люди надолго поселились, — говорит проводник.

— Это не наши ли знакомые геологи?

Мы решаем, что вселяться в избу без хозяев — неудобно. Развьючиваем и распрягаем лошадей, отпускаем их пастись на крепкой привязи. Разводим костер, ставим палатку возле избушки. Принимаемся ощипывать дичь, готовить ужин.

За этим и застают нас вышедшие из леса три человека. Среди них мы узнаем уже знакомого нам Владимира Викторовича Попова. Мы не удивились появлению геологов. Однако Попов, как выяснилось позже, не был уверен, что встретится с нами.

— Увидел я ваших коней и думаю: кто же это пожаловал к нам? Но никак не рассчитывал на вас.

Один из его спутников назвался Владимиром Андреевичем Шимановским. Молодой человек в очках, с окладистой бородой. Он из Пермского геологического треста, как и Попов. Третий член группы, на вид совсем юный — Николай Петров, палеонтолог из Свердловска.

Вскоре все мы сидели у пылающего костра.

Был сказочный вечер. Половина неба над нами сверкала звездами, другая была затянута тучами. На далеком небосводе вспыхивали молнии.

Когда разошлись по своим местам, из хижин тихо полилась известная шубертовская «Аве Мария» — песня-молитва, которую без слов исполнял Николай. Пел он с увлечением. Мы замерли в своей палатке — столько чувства было в песне. Да и необычно было услышать этот реквием здесь, в нагорной глуши Кваркуша... Мы не проронили ни единого слова, пока пел Николай. Так и заснули.

■

Рано утром геологи уже куда-то собираются. Надевают резиновые сапоги, брезентовые куртки.

С

РАЗВЕДЧИКАМИ

НЕДР

ные спутники — геологические молотки.

Владимир Викторович показывает нам свое походное изобретение — длинные брезентовые наколенники, которые от па-

В рюкзаки складывают запас продовольствия. Из карманов курток выглаживают их неизмен-

ха до ступней надежно предохраняют ноги от сырой высокой травы в тайге. Они укрывают голенища сапог и не дают влаге проникать в них. Нечто похожее на чулки уанчвай, применяемые мансийскими охотниками.

Владимир Шимановский вешает на плечо ружье. Надевает патронташ, заполненный патронами с пулями жакан.

— С хозяином-то тайги встречались? — спрашивает Прокопий Алексеевич.

— Бывает, — безразлично отвечает Шимановский.

— Ну и как?

— Обходит он нас. Жаканчики на всякий случай берегу.

Я с интересом смотрю на геологов. Полна суровой романтики жизнь этих неутомимых искателей: днем в пути, вечером у костра, а чуть свет — снова в поход по таежным склонам хребта.

— Не хотите ли прогуляться с нами на речку Россоху? — спрашивает Попов.

— С удовольствием! — отвечаю я. Мне не хочется упускать случая заснять геологов за работой.

Мы с Евгением раскладываем в два рюкзака кассеты с пленкой, аккумулятор и кинокамеру. Прокопий остается возле избушки стеречь лошадей.

Прямая, как стрела, грань-просека тянется от избушки в долину речки Россохи. До нее километра четыре. Вдоль грани выстроились могучие кедры. Раздаются резкие крики кедровок. Земля под деревьями заросла густым папоротником в половину роста человека. Здесь никогда не рубили леса.

Дорогой геологи показывают нам шурфы, которые они нарыли вдоль грани. В них они берут пробы.

Спускаемся все ниже и ниже. И вот уже слышен гул горного потока. Пробираемся через густой ельник и по крутому замшелому склону спускаемся к Россохе.

Перед нами глухой таежный уголок. По камням катит голубые воды бурный горный ручей. Поперек его то здесь, то там, лежат упавшие деревья. С трудом пролезаем мы через завалы и выходим к небольшому скальному обнажению.

Геологи сбрасывают рюкзаки, вооружаются молотками. Лезут на скальные выступы и, всматриваясь в породу, начинают осторожно стучать по камням.

Я снимаю их работу. Вот Владимир Викторович отколол кусок породы. Долго вертел его в руках, разглядывал, дул на него. Потом начал молотком обкалывать его. Протирал пальцем, снова всматривался. «Поколдовав» таким образом над

камнем, он клал его в рюкзак или бросал. Принимался за новый.

Геологи были так увлечены, что не замечали моей кинокамеры и, казалось, не слышали ее стрекота.

Палеонтолог Николай отдельно от других что-то долго выискивал в нижней части скалы.

— Идите с аппаратом сюда! — крикнул он.

Мы подходим, и он показывает в камне причудливую раковину — отпечаток большого моллюска, жившего в далекие, доисторические времена.

Николай с увлечением рассказывает нам, что эти раковины уникальны, они встречаются на земном шаре только в одном месте. И вдруг такие же обнаружены в Пермской области, на хребте Кваркуш!

Мы с Евгением с интересом рассматриваем отпечаток. Я крупным планом снимаю его. Но мы все-таки не понимаем, почему Николай придает особое значение этому признаку далекой жизни.

К нам подходит Владимир Викторович Попов и начинает объяснять:

— Присутствие этих раковин наводит на мысль, что в недрах Кваркуша могут встретиться особо ценные и редкие минералы.

После работы у скалы геологи продвигаются вверх по речке, к следующему обнажению. Завалы и отвесные каменные стенки берегов заставляют нас переходить Россоху вброд. Бурный поток норовит сбить с ног, но мы, опираясь кто на палки, кто на рукоятки геологических молотков, переходим речку по несколько раз.

Россоха — это один из небольших притоков речки Пели. Он берет свое начало в центре плато Кваркуш. Протекает в глубоком залесенном логу, как и все речки, которые рождаются на Кваркуше: Цепел, Молмыс, Ошмыс.

Труднопроходимая тайга, состоящая в основном из высоких островерхих елей, поднимается по Россохе громадным языком чуть ли не к высокогорной равнине хребта. По ней и выходит лесное зверье на горные поляны, на свежий ветерок. К лугам, чтобы отдохнуть от надоедливой гнуса и покормиться, по береговой тайге идут лоси. По пятам за ними осторожно пробираются медведи. Следы «хозяина тайги» можно встретить всюду по берегам Россохи. А рядом видны отпечатки копыт. Два таежных всегда враждующих исполина шли здесь одной дорогой.

В русле речки иногда встречаются небольшие, но глубокие ямы. Нет-нет да и мелькнет в них тень быстрой рыбины. Это хариус, красавец уральских горных ручьев. Здесь вода холодная и чистая, как хрусталь. В них-то и спасается хариус от летнего зноя, нагревающего реки в низовьях: теплая вода для него — гибель.

Но как может он подниматься так высоко в горы? Хариус, по словам местных жителей, когда устремляется в верховья рек, на своем пути преодолевает самые трудные препятствия: пороги, мелководье, завалы. Причем подобные путешествия совершают не мелкие, а самые крупные хариусы. Я удивился, когда узнал, что именно на склонах Кваркуша геологи добывают рыбин весом до полутора килограммов и даже больше.

Дело в том, что мелкий хариус не в силах преодолеть каменные преграды, а крупному, сильному — это не составляет большого труда. Очевидцы рассказывают, что по ночам можно наблюдать ход хариуса в верховья рек. Подобно лососю, хариус с ходу перепрыгивает через надводные камни, змеей быстро-быстро скользит по струе водопада. Не удастся первая попытка, он повторяет ее, пока не осилит преграду.

На одной из береговых скал мы прощаемся с геологами: они остаются работать до позднего часа, а нам необходимо продвигаться дальше по Кваркушу. Нас ждут знаменитые Цепелские поляны, на которых сейчас пасутся стада Верх-Язьвинского колхоза. Там мы, очевидно, увидимся с учителем Барковским, который вот уже несколько лет подряд со своими учениками гоняет на высокогорные луга колхозных телят. Нам необходимо заснять стадо, пока его не угнали с хребта. Кроме того, нам нужно побывать еще и у оленеводов.

С запада на хребет надвигалась стена облаков. Лесные склоны заполнялись легким туманом.

Исчезла даль, пропало ощущение, что мы находимся на возвышенности. Вокруг нас слабо угадывались лишь силуэты отдельных деревьев. Поляна с избушкой как будто повисла в воздухе.

И мы ушли по тропе в эту молочную пелену, в которой на двадцать метров уже ничего не было видно. С неба — ни капли,

— Ну, что, робя-бет надвигалась стена облаков. Лесные склоны заполнялись легким туманом. — Ну, что, робя-бет надвигалась стена облаков. Лесные склоны заполнялись легким туманом. — Ну, что, робя-бет надвигалась стена облаков. Лесные склоны заполнялись легким туманом.

СОПКЕ

Пока мы собра-

но наши штормовые костюмы скоро покрылись мелким водяным бисером. Еще немного — и влага стала ощущаться под одеждой.

Старик ехал впереди, мы послушно следовали за ним. Сколько часов прошло, я не помню, но наконец туман, сначала светлый, стал темнеть, по времени наступали сумерки. Мы ехали по вершине Кваркуша вслепую, лишь угадывая под копытами коней тропу.

Въехали в густой низкорослый лес. Туман становился плотнее, неприятней. Воздух наполнялся влагой. Стало холодно.

Прокопий Алексеевич слез с коня.

— Однако, парни, так можно и заблудиться. Пора на привал.

Мы развели лошадей по лесной поляне, крепко привязали их на длинные веревки к деревьям.

Неприятно было ставить палатку на сырой траве. На наших глазах крыша покрывалась моросью: проведешь пальцем по брезенту — на нем остается темная мокрая полоса.

Развели костер. Он быстро разгорелся, над пламенем протянулись три пары рук.

— Вот теперь жить можно, — повеселел проводник. — Сейчас я за водичкой на болотце сбегая, чайком горяченьким погреемся.

Костер и горячий чай... Что еще может спасти путешественников от холода в сырую погоду! Согревшись, мы крепко уснули в спальных мешках.

Утро было солнечным, теплым. И куда девалась сырость, так угнетавшая нас накануне вечером! С веселым настроением мы продолжаем путь по вершине Кваркуша.

Вскоре лес кончился и перед нами открылась чудесная панорама хребта. Впереди маячил высокий купол Вогульской сопки. Чуть левее ее протянулась удивительно похожая на длинный ящик возвышенность с плоской вершиной.

— Вот она, Гроб-гора, — сказал Прокопий Алексеевич.

Я с удивлением смотрел на это странное творение природы.

— Гроб?..

— Да, так и зовут ее гора Гроб.

Перед этой возвышенностью разлилось небольшое озерцо. С него в воздух взвилась стая уток. Это уже было по-настоящему удивительно: на вершине хребта — и вдруг озеро с утками.

Тропа у озера раздваивается вправо и влево. Прокопий Алексеевич останавливает коня и спрашивает:

— Куда поедет: на Цепелские поляны или к Вогульской сопке?

— А куда ближе?

— К вогулам.

— Давайте заедем сначала к ним.

Мне не терпелось увидеть оленьи стада, которые пригоняют оленеводы-манси из-за Урала.

Тропа ведет нас влево, в сторону Гроба. Всю дорогу я приглядываюсь к этой горе. Странно. Как будто на вершине Кваркуша кто-то специально сделал высокую длинную насыпь и сверху тщательно утрамбовал ее. Если и не похожа она буквально на гроб, то на гигантскую могилу — это уж наверняка.

Еще немного — и за склоном показалась крыша избы. Это становище оленеводов.

Но не так-то просто подъехать к нему: большое болото вперемежку с каменистыми россыпями преграждало нам путь. Оказывается, в этом месте со склона Вогульской сопки стекает множество мелких ручейков. Они-то и заболотили почву.

Объехать болото никак нельзя. На россыпях наши кони шли очень неохотно: острые камни больно кололи им ноги.

Евгений хлестал хворостинкой свою кобылу Милку, направляя ее то на болото, то на россыпи. Лошадь долго упрямылась и все-таки выбрала путь через болото. Но, по-видимому, зыбкая почва пришлась ей не по душе, как не понравился и седок, хлеставший ее. Она потопталась на одном месте, потом высоко взбрыкнула задом, и Евгений полетел через ее голову на землю. Он быстро вскочил на ноги, весь мокрый. А кобыла стояла смирно, как будто ничего и не случилось.

За болотом потянулись заросли крупнолистного низкорослого ивняка с густой сетью тропинок, вытопанных копытами животных. В стороне послышался лай собак.

Вскоре под крутым склоном Вогульской сопки показался одинокий дом, вокруг которого расположилось большое оленье стадо. С неистовым лаем в нашу сторону бросилась стая собак.

— А ну! Отвяжитесь, черти! — прикрикнул на них Прокопий.

Собаки как будто и впрямь послушались проводника и умчались обратно к избе.

Мы въехали в самую гущу оленьего стада. Животные, вытаращив глаза, пугливо озирались на лошадей. Поодаль стояло несколько нарт с запряженными оленями. Одни, понуро опустив голову, казалось, дремали. Другие лежали возле нарт.

Несколько человек, среди которых была женщина, раздвигали тушу оленя.

— Здорово, Санчик! — приветствовал кого-то Прокопий Алексеевич с коня.

— О! Саловаров!.. — крикнул один из оленеводов.

Все прекратили работу. Мы привязали коней к нартам. У Прокопия Алексеевича с оленеводами завязался оживленный разговор.

Я с любопытством разглядывал становище. На длинных круглых палках — хореях, которыми погоняют в пути оленей, сушилось разрезанное на узкие ленты мясо. Тут же стояла бочка, доверху наполненная пересыпанными солью кусками оленины.

Обращал на себя внимание парень, сидящий с мольбертом в стороне, — он рисовал группу оленей на фоне избы. Как мы узнали позже, это был художник-любитель из Перми Иван Осипов. Парня прельстили живописные пейзажи Кваркуша, быт оленеводов, и он уже неделю живет с ними.

До подножья Вогульской сопки было рукой подать. Это высшая точка Кваркуша — 1065 метров над уровнем моря. Она начинается крутым склоном, состоящим из хаотических каменных россыпей. Из них к избушке вытекает несколько ручьев с чистой и холодной водой.

Неплохое место выбрали оленеводы для своей высокогорной летней базы! Здесь ежегодно летом пасут колхозные стада три молодых оленевода: манси Никита Бахтияров с женой Акулиной и коми-зырянин Саша Хозяинов.

— Ты, Прокопий Алексеевич, опять сено косить собрался?

— Нет, мужики, киносьемщиков к вам привел.

Все с интересом посмотрели на нас, оглядели наши вьюки.

— Давай, Сашок, принаряжайся как следует! А ты, Акулина, надевай платье поярче. Мои ребята сейчас заснимут вас. Шутка ли, в кино показывать станут.

Саша Хозяинов и Никита Бахтияров немного смутились. Акулина незаметным движением поправила платок на голове, оглядела себя, а минуту погодя ушла в избу, очевидно, переодеваться.

— Мясо-то куда готовите? — спросил старик.

— Геологам, — показал Саша на двух парней, на которых мы вначале не обратили внимания.

Я не хотел терять солнечного дня. Приготовив кинокамеру, начал снимать становище. Заснял, как оленеводы, орудуя острыми ножами, раздвигали куски оленины. Художника за

этюдом. Отдыхающих оленей и мирно спящих в тени под нартами собак.

Ко мне подошел один из геологов.

— Вам надо обязательно заснять речку Жигалан. Там такие водопады! На всем Урале я ничего красивее не видел.

— Где это? — заинтересовался я.

— Да тут, совсем рядом — в шести километрах.

Он вынул из планшета карту и показал мне речку Жигалан, стекающую с хребта в долину Улса. Почти совсем рядом с избушкой оленеводов.

Я советуюсь с Прокопием Алексеевичем.

— Если мы сходим на Жигалан, не опоздаем к стаду на Цепелские поляны?

— А шут его знает...

К нам подошли Саша Хозяинов и Никита Бахтияров.

— Телят еще не скоро погонят с Кваркуша. Через неделю, однако, — говорит Хозяинов.

Это заявление подбодрило меня.

— На Жигалан хоть сейчас можно сходить, — сказал Никита.

— В какую сторону надо идти? — спросил я.

— Туда, — показал Бахтияров на восток, за Вогульскую сопку.

Я взглянул в противоположную сторону — вечернее солнце склонялось к горизонту. Это значит: склон Кваркуша, по которому стекает Жигалан, сейчас находится в тени.

— Сегодня уже поздно.

— Тогда завтра с утра махнем!

Вечер коротали в дружном кругу оленеводов с геологами. Угощались вареной олениной. Оленеводы ели с ножа, по-северному. Прикусив зубами кусок мяса, отрезали его ножом у самых губ. Лезвие ножа мелькало почти у кончика носа. Попробовали так есть и мы с Евгением.

Потом пили чай, курили, долго беседовали.

Мне не давал покоя вопрос: почему оленеводы гоняют свой стада из-за Урала в Пермскую область? Что, у них на своей территории пастбищ нет?

На это Никита Бахтияров ответил просто:

— Отец мой, дед и прадед — все пасли оленей на Кваркуше. Я и не знаю, кто из них начал первый.

А мне невольно подумалось: почему соседи из Свердловской области могут пользоваться оленьими пастбищами, а мы, хозяева своего края, не думаем о развитии выгодной отрасли

животноводства? Природа совсем даром предлагает нам высокогорные кормовые базы: на, бери, человек! А соседи оказались предприимчивее нас.

Северный олень, пожалуй, самое выгодное среди животных, которых приручило человечество. Он кормит человека, одевает, обувает, перевозит грузы, а взамен не требует ничего. Пищу себе зимой и летом находит сам. Не надо заботиться о заготовке сена, не нужно строить и хлева, как для коров. Шерсть надежно оберегает оленя от самой лютой стужи. Всю жизнь эти животные проводят под открытым небом. Преспокойно могут лежать на снегу при шестидесятиградусном морозе.

Без помощи северного оленя трудно проникнуть в самые недоступные уголки тайги. Таежный вездеход, корабль тайги и тундры — как называют оленя за его исключительную проходимость по болотистым и горнотаежным местам. Где не пройдет лошадь, там всегда пройдет северный олень. А вместе с ним пройдет и человек.

И вот для разведения такого полезного животного на Западном Урале есть все условия. Ведь мох ягель, которым обычно кормится олень, в северных районах Пермской области растет не только на Кваркуше, Тулыме, Чувале, но и в районе Ныроба, Бондюга, Чердыни, в Вишерских лесах.

Утром мы про-		— Это что же,
снулись в спальнях	ВОДОПАДЫ	робята, как проби-
мешках поеживаясь.		рает? Видать, уж
По-старчески крях-	ЖИГАЛАНА	осень подкрады-
тел Прокопий.		вается...

Выглянули из палатки. Небо над Вогульской сопкой полыхало ослепительным заревом. Гигантская клинообразная тень горы, закрывая избушку и поляны перед нею, лежала на плато. По северному склону сопки ползли низкие пушистые облака.

Первая мысль: заснять восход солнца.

— Евгений, готовь штатив: поползем на сопку!

Через пять минут мы уже карабкаемся по каменистым глыбам. Торопимся, не прозевать бы!

Евгений по-молодецки поднимается в гору напрямик. Знаю я эту пруть: выдохнется скоро. Я стараюсь идти зигзагами, как меня учили когда-то в горах Кавказа. Останавливаясь, отдыхаю. Евгений заметно сбавляет темп, оглядывается.

— Побереги! — кричу я ему, хлопая по левой стороне груди.

Солнечное зарево над горой постепенно тускнеет. Оглядываюсь: исчезла и тень от сопки на плато.

Еще усилие — и мы выходим на седловину. Перед нами открывается необозримый облачный океан. Гор не видно. Внизу, под нами, влево и вправо вздымаются замысловатые купола из облаков.словно вся долина речки Улс объята густым клубящимся дымом.

Наша кинокамера наготове. И пока нет солнца — оно потонуло в облаках над хребтом — мы снимаем причудливую панораму.

Постепенно в облачной гуще внизу стали проявляться контуры зазубренной вершины. Из долины, заполненной облаками, поднималось острогорбое чудовище, словно просыпался от вековой спячки древний ящер.

— Смотрите, что это там! — сказал Евгений.

Облака обнажили восточный склон Вогульской сопки, и в россыпях мы увидели большую снежную поляну. На ее поверхности шевелилось большое темное пятно. Я разглядел на снегу стадо животных. Знакомая картина!

— Да это олени! Родную стихию нашли.

Но вот над хребтом обозначился диск солнца. Сквозь клубящуюся белую стену блеснули лучи. Они то вырывались в разрывы облаков замысловатым веером, то вдруг пропадали.

— Нельзя идти к водопадам в такую муть, — сказал Евгений.

Лавина облаков тянулась с севера. Там уже робко проглядывали голубые пятна на небе и крохотными черными остриями обнажался Уральский хребет.

— Пронесет скоро, — ответил я.

Мы заторопились вниз, к избушке. Нас уже ждали. Прокопий Алексеевич успел подготовить лошадей, разогрел на завтрак вареную оленину. Собирались и Никита с Акулиной. Оказалось, что Прокопий договорился с ними. Сам же старик идти с нами не собирался.

— Видал я этот Жигалан. Теперь посмотрите вы. Да не задерживайтесь долго: к вечеру надо бы на Цепел поспеть.

Акулина вышла из избы принаряженная, в цветастом мансийском платье. Никита повесил на плечо ружье. Мы рассаживаемся на коней и трогаем. Никита едет первым, за ним я, потом Акулина, Евгений — последним. Рядом с нами две собаки.

Никита направляется вдоль плато к приметно темнеющим вдали каменным глыбам. Обернувшись ко мне, он спрашивает:

— Знаменитые Три камня хотите посмотреть? Это по пути.

Я киваю головой и смотрю в сторону. На ровном, как аэродром, плато стоят прямоугольные камни. Издали они выглядели небольшими, но по мере приближения к ним вырастали на наших глазах... Я заснял своих спутников возле камней. Всадники на лошадях рядом с ними выглядели крохотными.

Это три гигантских, высотой с трехэтажный дом, камня, разделенных между собой узкими расщелинами. Вероятно, когда-то они лежали целой глыбой, но с веками неумолимый процесс выветривания расколол ее на три части.

От трех камней Никита ведет нас в сторону долины Улса. Долго едем по обширному горному лугу с низкорослой, но густой травой. Луг постепенно спускается к лесу. Справа от нас начинается крутой лог. Там шумит горный поток.

— Жигалан! — кричит Никита.

За логом крутой скалистый склон переходит в небольшую куполообразную гору.

— Что за гора? — спрашиваю.

— Сабрикойт, — отвечает Никита. — Зарод по-зырянски.

Все чаще попадаетесь стелющийся можжевельник, потянулись заросли низкорослого ельника. Въезжаем в лес.

— Дальше нельзя, скоро будет крутой обрыв, — говорит Никита.

Мы выбираем поляну с высокой сочной травой, привязываем коней. Берем рюкзаки с аппаратурой и спускаемся по крутому склону в тайгу. Вековые ели закрывают небо. Под ногами густой мох. Уйма черники.

— Тут я медведя недавно видел, — спокойно объявляет Никита.

— Что, если мы увидим его? — спрашивает Евгений.

— А для чего я взял вот это? — показывает Никита на ружье.

Несмотря на шуточный разговор, я насторожен, внимательно приглядываюсь к упавшим деревьям с вывороченными корнями: не сидит ли там притаившийся «хозяин»?

Тайга круто уходит вниз. Там слышен гул горного потока. Еще немного, и мы выходим на берег речки, стремительной и шумной.

— Вот и Жигалан, — говорит Акулина, все время молчавшая до этого.

Сжатый узким каменным руслом, поток бешено бросается из стороны в сторону, пенится и клокочет между камней. Речка с обоих берегов стиснута стенами леса. Этот зеленый коридор образован великанами — кедрами и высокими елями.

— А где водопады?

— Там, — показывает Акулина вдоль по речке.

Белый пенящийся поток несется куда-то вниз. Тайга впереди круто спускается в долину Улса.

— Там много водопадов. Одни маленькие, а есть такие, что вода метров с пятнадцати падает, — добавляет Никита.

Теперь мы уже идем по мшистым берегам Жигалана. Пролезаем под упавшими деревьями, продираемся сквозь густые заросли. По пути не забываем и полакомиться черникой. Ее так много, что даже подошвы наших сапог в давленных ягодах.

Все ниже увлекает нас речка. И вдруг, разрезав каменное тело горы, обрушивается в пропасть. Мы останавливаемся на отвесном обрыве. Под нами зигзагообразный каньон, прорытый в камнях бешено бегущей водой. Стремительный поток мечется от одной стенки к другой: ударяется в каменную преграду справа, с брызгами отлетает от нее к левой. И так, просверливая на своем пути каменный склон Кваркуша, крутясь, несется в долину Улса.

Над тесниной плотной стеной высятся деревья: кедры, ели, пихты. Некоторые из них склонились над пропастью и вот-вот упадут в кипящую воду. Кое-где Жигалан завален почерневшими стволами. Мертвые корни деревьев причудливо разместились в разные стороны свои щупальца.

Спускаемся ниже и выходим к тому месту, где широкая струя падает метров с десяти в чашу, выдолбленную водой. В каменном блюде — бешеный круговорот. Каждая глыба облизана водой, гладко обточена.

— Это еще не большой водопад, — говорит Никита. — Там ниже есть побольше.

Кругом царство сурового камня и дикого леса, наполненное шумом падающей воды. Целым каскадом водопадов спускается Жигалан с хребта. Кто бы мог подумать, что эта необыкновенная красота скрыта в глухой тайге на склоне Кваркуша! Геолог, посоветовавший мне увидеть водопады Жигалана, был прав: и я такого никогда еще не видел на Урале.

Из долины Улса раздаются ружейные выстрелы. Никита прислушивается.

— Геологи рябчиков промышляют. Их лагерь недалеко.

Мне вдоволь хватило работы и здесь, у водопада. Возможно, на Жигалане есть они еще и мощнее, внушительнее, но я решил ограничиться этим. К тому же и солнце удачно освещало теснину с водопадом. А уйдет оно в сторону — каменный коридор погрузится в тень и прекратится сверканье водяных брызг.

Мы еще прошли вдоль шумного русла Жигалана, сняли много живописных пейзажей. Запас пленки в кассетах быстро иссяк. Можно и возвращаться.

Подниматься на плато от Жигалана куда труднее. Никита с Акулиной идут впереди нас, но не по той дороге, по которой мы спускались, а напрямик. Я знаю манси. Не раз путешествовал с ними. И всегда удивлялся их исключительной способности ориентироваться в тайге. Вот и сейчас Никита с Акулиной вывели нас точно к той поляне, где паслись на привязи кони.

Наш обратный путь пролегал теперь ближе к Вогульской сопке. На ее восточном склоне белеет огромное снежное поле. Мы с Евгением видели его утром сверху.

Показывая на снег, Никита говорит:

— Никогда не стает этот снежок. Олешки наши всегда отдыхают на нем. Посмотришь — нет их на Кваркуше, значит, лежат на снегу, за сопкой.

— А что они делают там? — спрашивает Евгений.

— Отдыхают. Днем-то жарко им в своей шкуре, да и комарики одолевают. Вот на снегу-то они и спасаются от жары и комаров. И нам всегда легко находить их.

Мы обогнули склон сопки. Впереди крохотным квадратиком показалась избушка.

Прокопий Алексеевич ждал нас с объемистым котелком вареной оленины, как было условлено.

— Ну, ребята, посмотрели на Жигалан? Теперь в путь.

После обеда и короткого перекура мы прощаемся с оленеводами. Акулина дарит на дорогу объ-	емистый пучок засушенной оленины. Никита и Санчик Хозяинов приглашают нас:
НА ЦЕПЕЛСКИЕ ПОЛЯНЫ	

— Приезжайте на следующий год. На медведя сходим вместе. Заснимете.

Крепкие рукопожатия — и мы садимся на коней.

Путь от избушки идет по ровному плато, постепенно спу-

скающемуся к верховьям речки Россохи, уже знакомой нам в своей таежной части. Без труда переходим ее вброд и снова выбираемся на широкие луговины, поросшие густой травой.

Вогульская сопка постепенно удалялась от нас. Теперь она предстала перед нами во всей своей красоте и мощи. Маленькой точкой прилепилась к ее подножью изба оленеводов. Прощай, пристанище простых и добрых людей! Возможно, мы еще вернемся когда-нибудь сюда.

Долго мы едем по ровному, без единого камешка полю. Вот где устроить бы посадочную площадку для самолетов! Я говорю об этом Прокопию Алексеевичу. Он отвечает:

— А ведь было время, когда мы тут сено косили, прилетал, тожно, к нам самолет. Один даже поломался: в ямку, видно, угодил.

Опытным глазом старого авиатора — в течение шести лет я служил штурманом военного самолета — оглядываю ровное плато Кваркуша, как будто самой природой предназначенное для посадочной площадки. Да, здесь был бы неплохой аэродром для легких самолетов.

Постепенно плато наклоняется. Стали встречаться сырые низины. Я присматриваюсь к земле. Что это? Она густо усыпана желтыми точками.

Прокопий Алексеевич останавливает коня и спрашивает:

— Морошки не хотите?

Евгений отвечает:

— Как же! После оленинки свежий компот — неплохо будет!

Мы слезаем с коней и набрасываемся на переспелую бледно-оранжевую ягоду. Морошка здесь, на Кваркуше! На высоте тысячи метров над уровнем моря — это удивительно!

Темнеет впереди тайга — мы спускаемся на западный склон хребта. Опять под нами стелется можжевельник. Начались низкорослые елочки и кривые березки.

На вершине Кваркуша трава была мелкой, теперь становится выше, коням почти по колено. Еще немного, и мы спускаемся к долине речки Цепел. Окружающие долину горы густо одеты лесами. Они не похожи на ту тайгу, какую мы видели на Россохе: здесь больше березняка. На склонах среди леса видны обширные лысины полей.

Солнце уже низко над горами. Прокопий Алексеевич останавливает нас перед спуском к большой лесной луговине.

— Вот и пришли на Цепелские поляны. Телята еще па-сутся.

На широкой поляне чернеет многочисленное стадо. Вокруг верхом на конях разъезжают пастухи.

Мы оглядываем лесные опушки, поляны. Кругом травы, травы, густые, сочные. Какое богатство! Какая щедрость природы!

Прокопий Алексеевич показывает на стадо и говорит:

— Ну что это — четыреста, пятьсот телят... Сюда согнать бы стада со всех колхозов — вот откормилась бы скотинка! А то ведь зря пропадает добро.

Мы подъезжаем к пастухам. Неожиданно наш проводник кричит:

— Здорово, Антон!

— Здорово, Прокопий, — отвечает ему пожилой пастух.

Опять встретились старые приятели. Я с удивлением узнаю, что многим пастухам всего по тринадцать-четырнадцать лет. И только один из них почтенного возраста. Антон Яковлевич Собянин — наставник и старший товарищ всей этой молодой ватаги.

— Ты опять здесь со своим сопливым войском, — говорит Прокопий Алексеевич, оглядывая ребят.

— Ну не скажи! Ребята службу несут исправно. Ты посмотри на них, какие орлы!

Веснушчатый парень улыбается — все зубы на виду. Он в шапке-ушанке, в засаленной телогрейке и, кажется, давно не умывался...

— Ишь ты, какой конопатый. Кто эго тебя так разрисовал? — шутит Прокопий Алексеевич.

Ребята смеются.

— Это воспитанники Барковского. Знаешь нашего учителя? — говорит Антон Яковлевич.

— Как же не знать!

При упоминании этой фамилии я насторожился.

— А Барковский с вами?

— Он нынче не поехал в горы. Что-то прихворнул малость, — ответил Собянин.

Досадно: так мне хотелось увидеть этого человека.

— Когда домой? — спросил Прокопий Алексеевич.

— Думаем завтра отправиться.

— Вот ведь как вовремя успели к вам! Торопились за-стать.

— Это зачем?

— Так ведь на кино хотят заснять вас мои мужики, — показал на нас Прокопий.

В глазах у ребят вспыхивает интерес. Сниматься в кино!

Антон Собянин глянул на небо, на закатное солнце.

— Однако пора гнать телят в загон.

— Разве им плохо тут ночевать? — спросил я.

— Ну нет, паря. Оставь на ночь телят в лесу — медведь живо пронюхает это дело.

Повернувшись к ребятам, старый пастух скомандовал:

— Серега, Петька, Николка! Айда!

Ребята верхом на конях окружили стадо. Замычали недовольные телята. На ходу стали без разбора хватать высокие травы.

Мы поехали за стадом. Между деревьев скоро мелькнули выгоревшие крыши длинного сарая и трех домиков. Это хутор Цепелские поляны — летнее жилище пастухов.

Рядом в лесу протянулась высокая изгородь. Телят стали загонять в узкий проход. В загоне они проведут ночь. А рано утром их погонят с Кваркуша.

Один дом хутора занимала бригада пастухов, другой — геологическая партия. В третьем была баня. Между строениями стояла большая палатка, в ней жили конегоны, которые развозили продукты по геологическим отрядам в тайге.

Прокопий устроился на ночлег в избе с пастухами. Мы с Евгением ушли в палатку к конегонам.

Всю ночь гремел гром, лил дождь. Утро было мрачное. Все вокруг заволочено тучами. Ливень не переставал и днем.

Назначенная на этот день съемка была отменена. Пастухи не выгоняли телят из загона, пережидали ливень. Мы сидели с ними в избе.

— Вот ведь поэтому и родится здесь травушка, что воды много, — начал разговор наш мудрец Прокопий Алексеевич.

— И тепла здесь больше, чем у Вогульской сопки. Там северный ветер лютует, а на Цепелских полянах дождик всегда тепленький, солнышко лучше пригревает, — поддакивает ему Антон Яковлевич.

«Это верно, — думаю я. — Цепелские поляны, расположенные на юго-западном склоне Кваркуша, Уральский хребет защищает от холодных северных ветров. Здесь всегда больше солнца».

— Доходное это дело — луга Кваркуша, — говорит Антон Собянин. — Вы только подумайте: молодняк здесь прибавляет в весе почти на килограмм за сутки!

— А добра-то сколько пропадает! — снова вторит Прокопий. — Лучших пастбищ за всю жизнь я не видывал.

— Вот только развернуть бы пошире выпас на эти луга!

— Так ведь сколь уже раз принимались за дело и бросали, — с обидой на кого-то говорит Прокопий.

Мы внимательно слушаем разговор стариков.

— Кто же первый узнал про эти луга? — спросил я.

Антон Яковлевич хотел что-то сказать, но Прокопий опередил его.

— Так опять же, говорят, французы про это дело смекнули.

— Да, вроде бы рассказывают так, — добавил Собянин.

— Когда в Кутиме был у них завод, так они для лошадей на Кваркуше траву косили, ставили стога, а зимой сено возили в Кутим.

— В тридцатом и тридцать пятом, — говорит Антон Яковлевич, — леспромхозы пробовали здесь заготавливать сено. Отступились: трудным показалось это дело.

Я продолжал допытываться:

— Вы-то ведь гоняете стада на выпас уже не один год, как я слышал. Не Барковский ли начал это?

Антон Яковлевич налил из чайника кружку крепкого холодного чая, выпил и продолжал:

— Этим делом мы одному человеку обязаны — Тимофею Паршакову. Есть такой в нашем колхозе... Он лет восемь назад первый пригнал сюда небольшое стадо телят — голов семьдесят — и пропас его до осени. А как вернулся в Верх-Язьву — всех удивил: за лето телята так выросли, так в весе прибавили, что такого никогда не бывало... И началось. Колхозы объединились, стали общими силами гонять сюда стада. Только с людьми было плохо: не хватало пастухов. Вот тут-то и помог учитель Серафим Амвросиевич Барковский со своими учениками.

Дождь понемногу утихал. Антон Яковлевич отворил дверь, посмотрел на небо.

— Пожалуй, пора гнать телят. Наверно, проголодались.

Постепенно дождевой туман уходил с Кваркуша. Сквозь пелену на небе уже проглядывало солнце. Над горами грудились кучевые облака.

Ребята заторопились седлать коней. Раскрыли загон. Телята с мычаньем ринулись на луга. Они как будто чувствовали, что их скоро отсюда угонят.

Съемка длилась недолго. Пастухи торопятся. Путь им предстоит длинный и трудный. Прощаемся с ними.

— До будущего лета! — говорит Собянин.

Прокопий Алексеевич отвечает:

— Прощай, Антон! Я, наверно, сюда уж больше не приду. Натаскался за свою жизнь по этим горам.

— Э-э... Не зарекайся, Прокопий!

— Ну, будь здоров, старина! Счастливой вам дороги! До свидания, ребята!

Еще один прощальный кадр. В небе мощные кучевые облака. А под ними темные фигурки всадников, погоняющих стадо. Оно медленно удаляется от нас.

Мы тоже покинули хутор Цепелские поляны. С Кваркуша ушли той же дорогой, какой поднимались на хребет. Переночевали в избушке над Россохой, где встречались с геологами. Там их уже не было: ушли в другое место.

Пустынно выглядело высокогорное пристанище. Тучные переросшие травы подле него уже по-осеннему склонились к земле, так и не увидев ни рогатых едоков, ни косы. Увядало, гнило зеленое богатство альпийских лугов.

Спустились с Кваркуша в Двадцатку. Там нас уже ждал Володя Кодолов — наш будущий проводник. Парень сдержал свое слово.

Жаль мне было расставаться с забавным стариком Прокопием Алексеевичем. С удовольствием походил бы я с ним еще по Уралу. Но... торопится старик домой. В путешествиях люди легко сходятся и легко расстаются.

Он чинно-важно протянул руку на прощанье, поблагодарил за щедрый расчет и пожелал счастливого путешествия через Урал.

— Был бы я помоложе, парни, побродил бы с вами.

Он надел свой старый залатанный рюкзак на плечи и уехал, передав нас молодому проводнику — Володе Кодолову.

Через день мы уже были в захудалом селе Кутиме — бывшем горном гнезде французских заводчиков. Там обследовали и засняли заброшенный железный рудник, осмотрели остатки развалин завода.

Все в прошлом у этого села. Молчаливые хмурые леса окружают его со всех сторон. И хранят они тайну многих человеческих трагедий, некогда разыгравшихся здесь. Заглохший уголок Урала... Зарастает, уходит навеки старина и ждет новых песен. Они уже раздаются в геологических лагерях, разбросанных по Кутимской тайге.

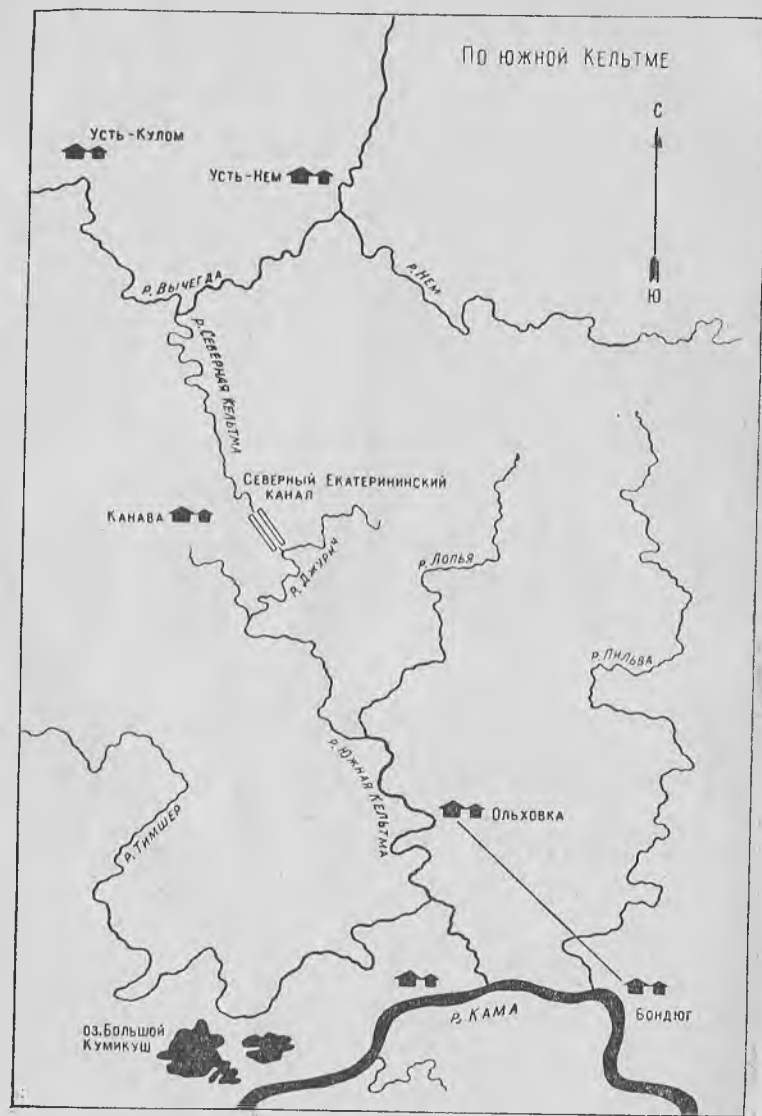
Мы уезжаем верхом на конях дальше к Уральскому хребту. Часто оглядываемся, прощаемся с полюбившимся нам Кваркушем. Уходим в глубь тайги, чтобы, перевалив Каменный пояс, попасть на берега далекой Северной Сосьвы.

Я люблю северный лес за строгую красоту его девственных линий, за бархатную зелень красавиц-пихт, за торжественную тишину, которая всегда царит в нем.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

ПО ЮЖНОЙ КЕЛЬТМЕ

На стыке Пермской области и Коми АССР находится бывший до недавнего времени забытым Екатерининский канал. Вырыт он был лопатами еще в далекие времена русских царей. Начат при Екатерине II, поэтому и назван Екатерининским. Он соединял две таежные реки — Северную Кельтму и Южную Кельтму через небольшой приток последней — Джурич. Одна река течет на север — в Вычегду, другая на юг — в Каму. Теперь воды в канале, по рассказам бывалых людей, почти нет. Но через этот старый канал в будущем должна пройти водная грасса, соединяющая Каму с Вычегдой и Печорой, и северные реки отдадут часть своей воды Каспийскому морю. Вот здесь-то и хотелось мне побывать с кинокамерой.

В ГЛУБЬ ЛЕСОВ

Всю зиму и значительную часть весны я был занят монтажом четырех фильмов, снятых в долгом четырехмесячном путешествии 1963 года: «Вишера алмазная», «На альпийских лугах Урала», «На гору каменных идолов» и «В лесах Северной Сосьвы».

Лето 1964 года я провел на съемках фильма «По горной Чусовой», проплыв по известной реке-красавице уже в третий раз. И вот в сентябре снова путешествие. Наконец-то можно было отправляться в северные леса на Южную Кельтму, Джурич и старинный канал.

У меня опять новый, совершенно незнакомый мне помощник — Саша. Все как-то не хватает времени заранее подобрать товарища для похода. С кем отправляюсь в путешествие, я обычно узнавал за два-три дня до отъезда. Знакомиться приходилось уже в пути.

Так же получилось и с Сашей. Я увидел парня с очень юным лицом. Маленькие глазки смотрели уж очень равнодушно. Я удивился, когда узнал, что ему двадцать три года: можно было бы свободно сбросить лет шесть. Узенькие брючки, стильная куртка, коротко, по-модному стрижены волосы — все это выглядело стереотипно, как на многих парнях.

- Удить рыбу умеешь?
- Да как вам сказать... Почти не психодивось, — ответил он, картавя и неясно выговаривая букву «л».
- Охотиться можешь?
- Никогда не пробовал.
- Управлять лодкой, ездить верхом на коне?..

В ответ — отрицательное покачивание головой. То же самое и на многие другие мои вопросы.

В заключение я сказал своему спутнику:

— Будет трудно. Не бойшься?

— Нет.

Этим ответом я остался доволен, хотя Сашу нельзя было назвать подходящим помощником в экспедиции. Но иного выхода у меня не было.

Мы вылетели в Ныроб, оттуда направились в село Бондюг, вблизи которого в Каму впадает река Южная Кельтма. Но начать лодочное путешествие из Бондюга нам помешали заторы сплавляемой древесины, перегородившие устье Кельтмы. Пришлось переехать в Ольховку, находящуюся в среднем течении реки.

Здесь долго подыскивали для нас моториста. Многие отказывались от участия в киноэкспедиции, говорили, что в верховья Южной Кельтмы осенью попасть трудно, а по Джуричу подняться на лодке к Екатерининскому каналу совсем невозможно.

Дело приняло серьезный оборот: нам нужно спешить, а ехать с нами никто не соглашался. Наконец, начальник лесоучастка договорился с одним из мотористов — Владимиром Ковалевским.

В назначенный час мы стали грузить аппаратуру на маленькую лодчонку, которую пригнал Ковалевский. При виде наших грузов он ахнул:

— Так здесь же полтонны! А вы говорили, сто килограммов!

— Не беспокойся: уместится, — успокаивал я.

— Не знаю, ребята, не знаю...

Погрузили снаряжение, уселись сами и поплыли. Лодка глубоко осела, вода едва не захлестывала через борт. Володя, с опаской оглядываясь, завел мотор.

Вдруг я заметил, что нос лодки постепенно погружается, прямо на наши грузы хлещет вода. Спальные мешки всплыли. Еще секунда — и аппаратура с пленкой будет на дне.

— Выключай мотор! — крикнул я.

— Не шевелись! — еще громче закричал Володя. Он веслом осторожно подогнал лодку к берегу. Мы быстро выкинули все наши грузы. Тюки оказались мокрыми, но вода не успела попасть в аппарат и подмочить пленку.

Взяли новую лодку, длинную, вместительную.

— Еще тонну можем загрузить!

— На этой шаланде едва ли мы поднимемся в верховья Кельтмы, а о Джуриче и не мечтайте! — ответил Володя.

Несмотря на большие размеры, лодка оказалась легкой. Маленький мотор ЗИФ-5 быстро погнал ее против течения. Поселок скрылся за поворотом реки.

Южная Кельтма — типичная лесная река. Берега ее временами так сближались, что можно было с лодки достать их шестом. А то вдруг она раздавалась широким и длинным плесом. Но ненадолго. За поворотом обязательно был заросший травой мелкий перекат.

Небо, затянутое с утра облаками, все больше хмурилось. Стало накрапывать. Сначала дождь был крупный, оставлял на воде пузыри, затем перешел в мелкий и частый.

Мы долго плыли под дождем. Штормовые костюмы намокли, струйки воды побежали за ворот.

Саша не выдержал:

— Приставай к берегу!

Приткнулись к заросшему черемухой зеленому мысу. Ягоды аппетитными гроздьями свисали с каждого куста. Но было не до них: дождь разошелся не на шутку. Мы укрылись под развесистыми пихтами.

— Посмотрите-ка, — сказал моторист, — мы здесь не первые.

Мягкая кора одной из пихт высоко над землей была исполосована глубокими бороздами — пять полос с одной стороны, пять с другой.

— Как говорят у нас, это медведь показывает свой рост. Вот, мол, я какой! Берегитесь! — объяснил Володя. — С таким лучше не встречаться в тайге.

Переждали дождь. Засняли медвежьи знаки и поплыли дальше.

По берегам часто встречались мощные кедры. Мы вглядывались в верхушки, надеясь увидеть шишки. Но их не было. Редко-редко попадались одна, две...

— Кедровки потрудились, — сказал Володя. — Нынче небывалый налет этой птицы, отбила все шишки. Заготовители жалуются.

Вскоре мы подплыли к устью речки Лопьи. Она вытекает из лесных глубин Немской возвышенности. Вода в этой речке чистая, прозрачная, как в Вишере.

— Каждый отпуск провожу на ней, — рассказывает Володя. — Поднимаюсь на лодке километров на семьдесят. Там в больших омутах рыбачу. Без бочки рыбы не возвращаюсь. На всю зиму обеспечен малосольными тайменями и хариусами. Рыбка — что надо!

Мы плывем уже несколько часов. Река замысловато петляет. Лесные картины одна лучше другой проходят перед нами. Моя кинокамера работает без устали.

Близится вечер.

— Вы что, решили морить себя голодом? — кричит Володя сквозь гул мотора.

— Выбирай место для лагеря! — отвечаю я.

— Хорошо! Возле омутка. Чтобы порыбачить можно было.

Останавливаемся у зеленого бугра — мыса с одинокой развесистой елочкой. Кругом заросли черной смородины. Ягод — тьма!

Несмотря на моросящий дождь, я взял ружье и пошел в тайгу. Может, встретится боровая дичь: мясо на ужин будет не лишним. Саша остался у костра. Володя с удочкой примостился возле омута.

Вернулся я часа через два, мокрый, с пустыми руками.

В лагере была все та же картина. Саша сидел на спальном мешке перед костром, Володя удил невдалеке рыбу. Все снаряжение и аппаратура оставались в лодке и мокли под дождем.

— Что же ты, Саша, свой мешок выбросил на берег, а мой мочит! Тяжело, что ли, было оба вынести?

Саша неожиданно вспыхнул:

— Я, в конце концов, не нянька вам! Я это дело видел в-в ...гробу в-в ...белых тапочках! — заикаясь и картавя, закончил он.

Ничего подобного мне еще не приходилось слышать от помощника и товарища по путешествию. Но я сдержался и только сказал:

— Ты нарушаешь законы товарищества. В тайге за это бьют. Понятно тебе?

— Непонятно, — огрызнулся он.

— Ты же согласился помогать мне во всем. Так мы договорились с тобой перед отъездом?

— Я ассистент, а не нянька!

— Дорогой мой, ты только начинающий осветитель, и тебе трудно сразу стать ассистентом кинооператора. Ты не умеешь перематывать пленку, заряжать кассеты, разбираться в оптике. Все это я взял на себя. Следовательно, ты должен быть просто хорошим помощником.

Саша, насупившись, молчал.

— Ну, давай договоримся так: если тебе тяжело путешествовать, по возвращении в Ныроб ты мне скажешь свое по-

следнее слово. Я запрошу из Перми другого помощника. Согласен?

Саша продолжал отмалчиваться: очевидно, понял, что перехватил.

На другой день он проснулся первым, развел костер, стал греметь посудой. Со мной был предупредителен, оказывал всяческое внимание. Я усмехался про себя и уже не сердился на него. Даже подумал: возможно, это дождливая погода так подействовала вчера на парня.

Накануне слышавший наш разговор Володя, и промолчавший тогда, сегодня заявил Саше:

— Вчера ты был неправ. Мне было стыдно слушать. На месте твоего начальника я оставил бы тебя здесь, под елочкой!

— Володя, не набрасывайся на парня, — сказал я.

Но он не унимался:

— Теперь-то ты что-нибудь понял?

— Хочешь жить — умей вестись! — выпалил Саша.

Мы с Володей от души расхохотались.

Итак, настоящее знакомство состоялось.

Что же еще выкинет мой молодой спутник?

Монотонно стрекочет мотор. Я, как прежде, сидел в носу лодки, смотрел вперед и временами прикладывался к визирю киноаппарата.

Речка беспрестанно петляла, каждый раз открывая перед нами новые пейзажи. Из прибрежной травы часто взлетали застигнутые врасплох утки. Моторист хватался за ружье — и вслед птицам раздавался выстрел. Но утки улетали невредимыми. Это злило Володю.

— Что мы за таежники, если не добудем пару птиц на варево! Вот подождите: озерко будет скоро.

Меня эти заботы не трогали. Я не выпускал из рук кинокамеру.

Лодка быстро летела по узкому коридору. Но вот мотор зачихал, Володя выключил его, причалил к берегу.

— Что с мотором? — спросил Саша.

— Есть просит. Подождите минут двадцать, схожу на озеро. Дай-ка ружье.

Я передаю ему свою двустволку с патронами. Володя уходит в лес вдоль маленького ручья. Мы с Сашей остаемся. Пошел бы и я вместе с Володей, но сейчас не до охоты. Яркое солнце — самое время снимать. А полет дождя — и надолго остановит нашу работу.

Берега Южной Кельтмы заросли дикой непроходимой тайгой. Над самой рекой склонились замшелые стволы елей и пихт. Иные из них давно уже упали в воду, но все-таки продолжают расти и тянутся своей изогнутой вершиной в небо.

На многих прибрежных деревьях на двухметровой высоте видны полосы засохшего ила. Это след весеннего половодья. Так сильно река выходит из берегов и затопляет лесные пространства вокруг.

Мы снимаем глухой таежный уголок.

Вдалеке раздается выстрел, другой. Потом еще два, почти одновременно.

А вот на берегу появляется и сам Володя. На поясе у него болтаются четыре чирка.

Саша с любопытством рассматривает уток.

— А почему они такие маленькие? Утята, что ли? Тут и есть-то нечего.

Довольные, усаживаемся в лодку. Опять стрекочет мотор.

Странная речка Южная Кельтма. То она так заросла травой, что мы едва находим узенькую канавку, где можно продвигаться лишь на шестах, то на крутом повороте неожиданно раздвинется большим омутом, в котором, кажется, и дна не достанешь.

Вокруг таких ям расставлены рогульки для удилиц. Сюда по воскресным дням за сорок-пятьдесят километров поднимаются любители-рыболовы из Ольховки.

Мелкая, немногочисленная, а рыбы вдоволь. Я завожу с Володей разговор на эту тему. Он машет рукой:

— Сороги, окуней да щук — здесь навалом! Да разве это рыба? Вот харюз, таймень — это да!

Впереди, на правом берегу зазеленела поляна. На ней стог сена. Около двое ворошат граблями скошенную траву.

Володя причаливает лодку.

— Здорово, Максим!

— Ты куда это, Володька, собрался?

— Да вот везу товарищей на канал.

— Ну, по Джуричу теперь не пробьетесь: воды мало, завалы страшные... Да у тебя мотор низко сидит. Поднять надо.

Володя послушался — прибил к корме лодки доску, чтобы выше укрепить на ней мотор.

Совет Максима пришелся как нельзя кстати. Чуть мы отплыли от косцов, река совсем обмелела и сузилась.

Толстые осины, какие редко увидишь в наших пригородных лесах, почти вплотную подступали к воде.

Снова впереди луг. У берега стоят лодки. Белеют палатки. Невдалеке от них большая тренога из бревен.

— Геологи землю бурят, — говорит Володя. — Причалим?

— Давай...

Колыхнулась палатка, вышли двое.

— Здравствуйте.

Смотрим друг на друга с любопытством. Знакомимся. Это отряд геологов, который исследует грунт на трассе будущего канала.

О канале и заводим разговор. Начальник отряда сообщает нам довольно интересную новость:

— Канал строиться здесь, вероятно, не будет.

— Это почему же? — удивился я.

— Нам сообщили, что предложен новый вариант — прямой, к востоку от этих мест. Он более выгодный.

— Не по Чусовскому ли озеру на Колву?

— Возможно. Но нам приказано продолжать работу. Эта трасса так же наполнится водой и, очевидно, как-то будет использована. Правда, грунт здесь довольно непрочный — болотистый.

— Чем же вызвано изменение проекта? — спросил я.

— Не берусь утверждать, но мне кажется, что здесь, в болотистой низине, по которой протекают Южная Кельтма, Джурич и Северная Кельтма, трудно удержать воду. Весной она разливается по тайге так, что даже не найдешь истинное русло реки. Чтобы удержать воду, надо по берегам, очевидно, расставить каменные стенки. Это слишком дорогое сооружение.

Сообщение вначале огорчило меня. Мы же снимаем фильм о трассе будущего канала, а его здесь не будет! Но потом я подумал: новость эта ничего не меняет. Во всех случаях есть смысл снять фильм о старинном пути с Урала в Белое море.

Мы простились с геологами и отправились дальше... Еще несколько километров — и Володя запросился на берег.

— Целый день плывем. Не пора ли палатку ставить?

Впереди замечаю группу густых пихт. Показываю ее Володе. Он одобрительно кивает головой.

На новой стоянке вдоволь сушняка для костра. Вода рядом. Под пихтами сухо. В стороне луг. Черемухи над речкой усыпаны спелыми ягодами. В кустах — черная смородина.

Уже пылает костер, быстро разведенный Володей. Саша берет убитых уток.

— Что с ними делать? — спрашивает он моториста.

— Как что? Теревить.

— А я не умею.

— Может, ты и есть не умеешь?

Саша улыбается. Дескать, кто этого не умеет.

— Закон тайги знаешь? — спрашивает Володя.

— Какой?

— Я стрелял, а ты готовить будешь.

Пришлось показать Саше, как теревить и потрошить дичь, как опалить ее над костром.

За едой Саша снова насмешил нас. Первым схватил самый большой кусок мяса. Ел он торопливо, громко причмокивая.

— Санька, миску не проглоти! — пошутил Володя. А за чаем сказал:

— Между прочим, когда находишься в артели, если ты моложе всех, не хватай лучший кусок — предложи его старшему. Таков закон тайги!

Саша удивленно смотрел на нас: что, мол, это еще за такой закон?

— Ну ладно, пойдем-ка лучше порыбачим, — добродушно предложил Володя. — А то ведь, наверно, за всю жизнь и рыбки не поймал.

Я сидел у костра и делал записи в своем дневнике.

Над лесом опускалось солнце. Был тот час в природе, когда все погружается в необыкновенный покой, рождающий в человеке раздумье.

Иногда у охотников и рыболовов, туристов и прочих любителей странствий спрашивают: чего вы млеете у вечернего костра, вздыхаете среди лунной ночи в лесу, ахаете перед утренними зорями в тайге, словно нет для вас ничего милее на свете? На такой вопрос ответить поначалу очень трудно и в то же время — очень просто. Да не может человек без всего этого — и все тут. Как же жить без природы, если все мы вышли из нее.

Мои размышления прервал радостный крик Саши:

— Поймал!

В последних лучах солнца на его удочке сверкала серебром крохотная рыбешка. Он радовался, как ребенок, что-то говорил Володе, показывая свою добычу... Рыбаки вернулись к костру с полным котелком сороги.

— Это мелочь, — пренебрежительно сказал Володя. — Из нее только навар хороший, а есть нечего — одни кости! Для ухи парочку бы крупных рыб надо.

У нас была небольшая крупноячеистая сетка. В инспекции рыбоохраны нам разрешили пользоваться ею в том случае, если у нас кончатся продукты. О ней мы Володе раньше ничего не говорили.

— Так что же вы молчали! Всего ведь тройку окуней надо или пару шук. Какое же это браконьерство?

Саша проворно достал сетку из мешка, подал мотористу.

— Вот теперь порядок! Поставим на ночь, — удовлетворенно сказал Володя.

Долго в темноте ставили сеть и в ожидании богатого улова отправились на ночлег.

Рано утром меня разбудил Володя:

К УСТЬЮ

крупная рыба.

— Что-то происходит с нашей сеткой. Видать, попала

ДЖУРИЧА

Мы с Сашей вылезли из спальных мешков, вышли на берег. Один из коль-

ев сети у противоположного берега, что называется, ходил ходуном. Мы забрались в лодку и стали осторожно подплывать к нему.

Сеть резко дернулась, большая тень метнулась в сторону и ушла в глубину. Колышек неподвижно замер.

Подняли сеть. В ней зияла огромная дыра, в которую могла бы пройти наша лодка. В дальнем конце белело несколько небольших щучек.

— Кто бы это мог быть? — призадумался Володя.

— Щука?

— Дыра-то больно большая... Я думаю, уж не бобер ли это запутался?

— Здесь бобры водятся? — удивился Саша, глаза его сразу стали большими.

— Навалом, — коротко ответил моторист.

Мне было известно, что в лесах Южной Кельтмы в древности бобров водилось множество. Лет сто назад их совершенно истребили. Но затем из Воронежского заповедника была завезена партия зверьков. Бобры прижились, их колонии можно встретить по речкам Джурич, Лопье, Пильве. Рыбаки и охотники часто видят их. Зверь этот заповедный, охота на него строго запрещена.

Хорошо бы заснять бобров.

— Да вот поплывем дальше, может быть, увидим, — пообещал Володя.

Мы уплываем от стоянки уверенные, что в нашу сетку попала не рыба, а бобер.

Я держу наготове кинокамеру с телеобъективом. Узкое русло реки снова раздается вширь, на пути опять глубокая круглая яма.

— Последний омут! — говорит Володя. — Скоро Джурич.

Я замечаю на берегу белые, как будто кем-то обтесанные бревешки. Все они почти одинакового размера, около метра длины, тщательно очищенные от коры.

— Кто это набросал в воду дров?

— Это бобры, — отвечает Володя, — то ли плотину строить собираются, то ли корм припасают.

— Вот здорово! Мастера! — восхищается Саша.

— Да вон полюбуйтесь на их дорожку, — показывает моторист на тропку в траве, ведущую от воды в береговые заросли.

Это непременно надо заснять. Делаю знак Володе. Он причаливает лодку.

Грязная тропа тянется среди высокой травы и скоро выводит к осиновой рощице. Несколько поваленных деревьев преграждают путь.

Углубляемся дальше в осинник и видим, что многие деревья у основания почти наполовину перегрызены. Другие уже повалены, лишь торчат белые обструганные зубами бобров пеньки.

Как я хотел увидеть самих острозубых заготовителей! Но кругом было все тихо, ничто не выдавало присутствия бобров. Очевидно, они затаились где-то, потревоженные нашим вторжением.

К вечеру мы отправились дальше. Лес отодвинулся от берегов, теперь мы плыли в болотистой низине, заросшей ивняком.

Еще несколько поворотов — и река раздвоилась.

— Вот и Джурич, — оповестил нас Володя. — Посмотрите: какая в нем вода прозрачная, а в Кельтме — как чай! Джурич течет из глухих лесов, а Кельтма из торфяных болот.

Мы расположились на невысоком бугре — развилке двух речек. Это, видимо, стоянка рыбаков. Вокруг много кольев для просушки сетей.

— Это зыряне из деревни Канава иногда тут рыбачат, — объяснил Володя. — Им разрешено сетями пользоваться...

Утром мы были разбужены внезапным появлением людей. По Джуричу спускались на трех байдарках какие-то путеше-

В лесах Южной Кельтмы.

Справа показалось устье Джурича.

Короткий отдых и снова — в путь.

Проталкиваемся по Джуричу.

Старинный Северо-Екатерининский канал.

ственники. Они стремительно выплыли из травянистых зарослей Джурича и, увидев нас, причалили к мысу. На груди у каждого висел фотоаппарат. Это оказались корреспонденты из «Комсомольской правды». Они пробирались с Печоры по рекам Северной Мылве, Вычегде, Северной Кельтме, Екатерининскому каналу и Джуричу на Каму.

Оглядев нашу лодку, один из корреспондентов удивился:

— На такой шаланде думаете по Джуричу? И не пытайтесь! Там столько завалов! Мы на байдарках два дня пробираемся.

Корреспонденты ненадолго задержались возле нас: они очень спешили. Расспросили, как добраться до Перми, и вскоре их байдарки скрылись за поворотом реки.

Нас огорчило нерадостное сообщение, но мы все-таки решили подняться по Джуричу, насколько это возможно.

— Была не была! — махнул рукой Володя и завел мотор.

И вот мы уже плывем по узкому коридору из высокой травы, в котором едва умещается лодка. На первых же метрах мотор заглох: винт запутался в длинных водорослях.

— Нельзя на моторе плыть, — качает головой Володя, но, освободив винт, снова заводит двигатель.

Так повторяется несколько раз. Наконец Володя берет шест, мы следуем его примеру и медленно продвигаемся навстречу течению.

Небольшие, но глубокие ямки позволяют завести мотор. Но ненадолго! Снова мель, трава и очень тесное русло. По берегам тянутся бобровые тропинки. Всюду видны погрызенные деревья.

Проталкиваемся на шестах дальше. Нашей лодке здесь тесновато: если поставить ее поперек речки, то корма упрется в один берег, нос — в другой. Володя хмурится.

— Не пройти нам, — качает он головой.

Не знаю, сколько километров мы проплыли — определить расстояние по петляющей реке трудно, но Джурич неожиданно стал глубоким. Впереди показалась черная пихтовая тайга. Володя завел мотор, но на первом же повороте реки его пришлось выключить: два толстых дерева, упавшие в воду, преградили нам путь.

Вышли на берег, с километр шли по нему. Везде одно и то же: деревья то с одного, то с другого берега упали в воду, образовав сплошные завалы. Ясно, что на нашей тяжелой лодке пробиваться к каналу бесполезно. Что делать? Канал нужно заснять обязательно.

— Надо поступить, наверно, так, — предлагаю я, — вернуться в Ныроб, нанять самолет и слетать в деревню Канаву.

— Дело ясное, мужики, — говорит Володя, — надо возвращаться.

С трудом развернув лодку, мы уплываем от завалов вниз по Джуричу. Удивительно быстро проносимся по тому пути, который преодолевали с таким трудом.

Снова близится вечер. Впереди знакомый омут, у которого мы снимали следы бобров.

Я кричу мотористу:

— Раз такое дело, приставай к берегу, выследим бобров.

Это предложение принимается единодушно. Володя выбирает для лагеря место на опушке леса, подступившего вплотную к реке. Трава вокруг измята звериными тропами.

Мы убрались отсюда только через два дня: пережидали дождь. Кинокамера все это время была наготове. Но бобры так и не показались.

Еще один день ушел на обратный путь по Южной Кельтме, и мы вернулись в Ольховку.

Чтобы совершить воздушный рейс в деревню Канаву, нам пришлось из Ольховки пробираться в

НА
ЕКАТЕРИНИН-
СКОМ КАНАЛЕ

Чердын, оттуда в Ныроб. Наконец в нашем распоряжении маленький самолет ЯК-12.

Пилотирует его Игорь Волков.

Под крылом самолета промелькнуло маленькое селение — Ксенофентово.

— Последнее человеческое жилье! — кричит Игорь. — Теперь полетим над медвежьей глухоманью.

И потянулись необъятные леса. Сквозь кроны деревьев кое-где блестели кривые прожилки — ручьи и речки. Чем дальше, тем чернее становилась тайга.

Глухие леса в верховьях Пильвы сменились такими же непроходимыми чащами по Лопье. Редко-редко мелькнет поляна у крохотного омута. Не сюда ли добирается Володя Ковалевский за тайменями?

Я заглядываю вниз. Впереди огромное коричневое болото. На нем темные бугры, одетые мохнатой шапкой ельников.

— Лосиные острова, — показывает пилот. — Попробуй доберись к ним по трясине! А лоси запросто выходят и спасаются там от зверья.

Наш самолет стрекочет над этим лесным безлюдьем. Болото снова сменяется темнохвойной тайгой.

— Вот он, ваш Джурич, — говорит Игорь.

Я разглядываю наш неудавшийся путь. Сплошные завалы. Упавшие с обоих берегов деревья образовали частые мосты. А те, что крест-накрест наклонились над рекою, сцепились кронами, повисли низко над водой. Попробуй проплыви тут на большой груженной лодке!

И вдруг внизу — неожиданное зрелище. Тайгу прорезает прямая, как стрела, просека с блестящей нитью едва заметного ручья. Рассекая леса, она уходит на север и теряется там в сизой дымке.

— Прилетели! Канал! — кричит Игорь и направляет машину вдоль просеки.

Странно видеть среди тайги это творение человека. Настоящий канал в безлюдной глухомани! Только нет в нем воды. Берега заросли травой. Кое-где расставлены копны сена, говорящие о близости жилья. Я прицеливаюсь кинокамерой, через форточку снимаю узкую ленту канала.

Пилот сбавляет газ, идет на снижение.

— Деревня Канав! —

Мы проносимся над крышами старинных домов и садимся невдалеке на зеленый луг. Нас никто не встречает. Только две женщины в национальных одеждах коми — длинных платьях, перехваченных под самой грудью, — оторвались от дела и с любопытством разглядывали нас.

— Дам вам полтора часа для съемки, — говорит пилот, — в Ныроб надо вернуться до наступления темноты.

Складываем кинокамеру с пленкой в рюкзак и вместе с Игорем направляемся в деревню. Все здесь говорит о том, что это очень отдаленный край Коми АССР. Дома выглядят такими, какими они были, наверно, еще при царице Екатерине.

Навстречу нам спешат двое молодых людей в ковбойках, обросшие бородами. Очевидно, геологи.

— Вы не за экспедицией прилетели? — торопливо спрашивает один из них.

Они очень разочарованы:

— Ох, как надоело сидеть в этой дыре! Со дня на день ждем самолета.

Ребята из Ленинграда. Работали все лето в экспедиции, исследующей трассу канала. Истосковались по домам.

Узнав о цели нашего прилета, молодые бородачи ведут нас на край деревни, к тому месту, где Екатерининский канал сое-

диняется с руслом Северной Кельтмы. Речка эта маленькая, можно перейти вброд. Из канала в нее втекает заболоченный и заросший травой крохотный ручеек. Видны остатки сгнивших деревянных шлюзов. Все в прошлом у этого канала, долго строившегося и очень мало служившего людям.

Еще в 1721 году начальник Усольских заводов капитан В. Н. Татищев доносил президенту государственной берг-коллегии графу Я. В. Брюсу, что от пленных шведских офицеров, живущих в Соликамске, слышал он: между Северной и Южной Кельтмами есть проход, по которому весной свободно проплывают суда. Если этот проход очистить, то он будет пригодным для плавания в течение всего лета.

Но это сообщение не привело ни к каким результатам.

11 ноября 1724 года управляющий Уральскими горными заводами В. И. Геннин доносил Петру Великому:

«Уведомился я, что может учинен быть без нужды путь водою от Северного до Каспийского моря».

Царь не успел прочесть этого доклада: 28 января 1725 года он скончался. Доклад был оставлен без внимания.

В 1785 году завязалась деятельная переписка между Екатериной II и генерал-губернатором Ярославским и Вологодским Мальгуновым, который настаивал на сооружении канала между Северной и Южной Кельтмами. 26 февраля 1786 года императрица повелела начать работы по устройству канала. Но с началом Турецкой войны в 1788 году строительство прекратилось. Возобновилось оно в царствование Александра I в 1803 году, а в 1809 снова было заброшено.

Только в 1816 году принялись за окончание канала и закончили его в 1822. С начала работ прошло 36 лет!

От Северо-Екатерининского канала ожидали больших выгод. Он должен был соединить Прикамье и Поволжье с Северной Двиной и Архангельском, бассейн Каспийского моря — с бассейном Белого. Но надежды не оправдались, и в 1838 году канал был закрыт.

Мы идем вдоль канала по береговому бугру, заросшему травой. Кругом унылое однообразие. Тем не менее я снимаю как можно больше кадров.

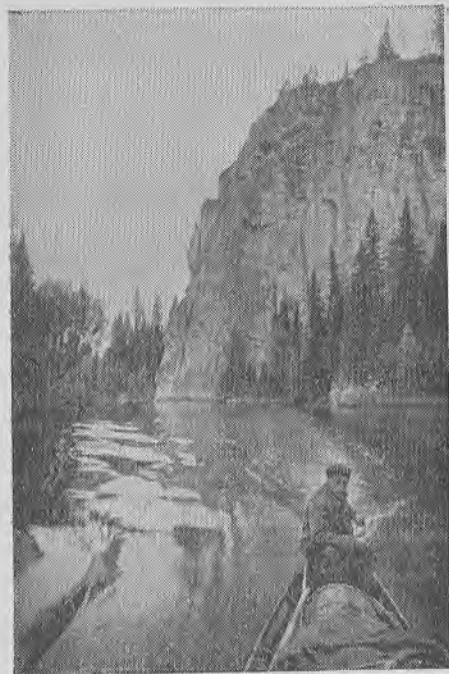
Пилот, взглянув на часы, спрашивает:

— Ну как, кинооператоры? Не полететь ли нам обратно?

— Да, пожалуй.

Возвращаемся к своему ЯКу. Прощаемся с геологами.

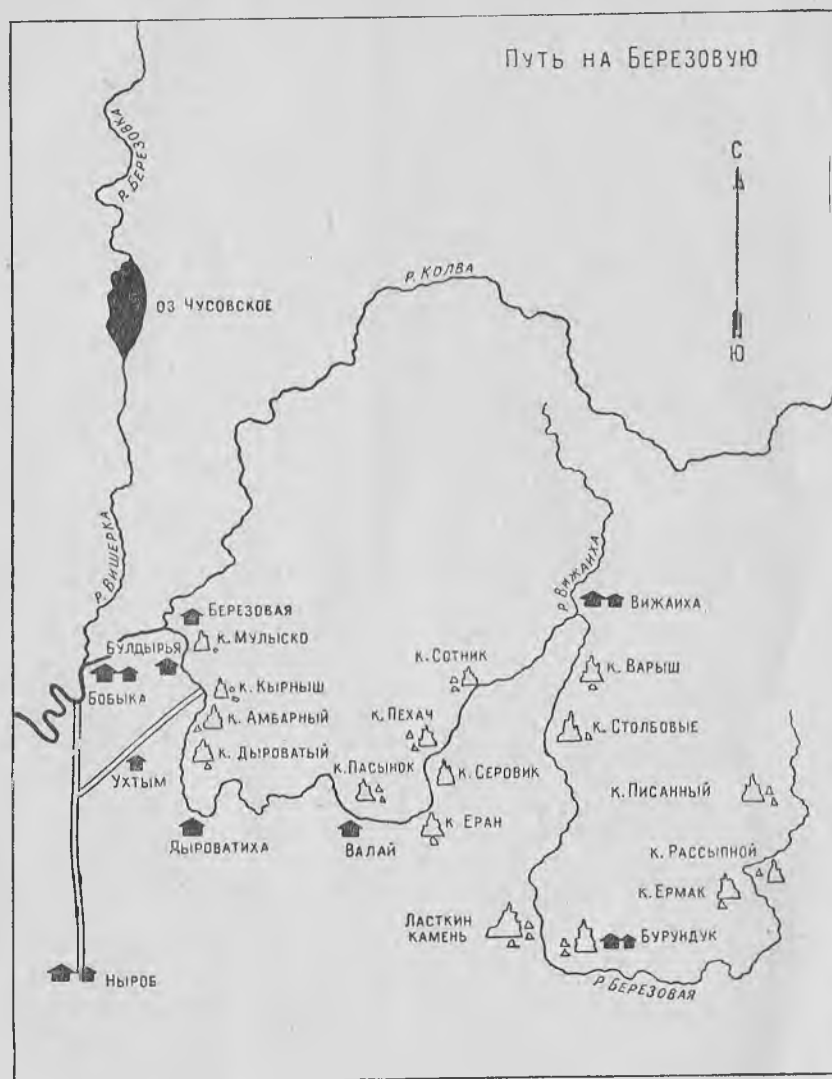
Взревел мотор. Небольшая пробежка по лугу — и мы снова парим над тайгой.

Так хорошо осенью в тайге, что и передать трудно! Лес будто горит весь: тут и красная, и желтая, и оранжевая краски, куда ни глянешь — ягодные кусты от спелых кистей гнутся, а воздух такой легкий да пахучий, что человек будто молодеет от него.

Н. Устинович

В КАНЬОНАХ РЕКИ БЕРЕЗОВОЙ

Много в стране рек и речушек с названием Березовая, но эта малоизвестная уральская красавица, о которой пойдет речь, вне всякого сравнения со всеми из них. Я много о ней слышал, но прочитать об этой реке нигде не удалось. Книг о ней нет, только две краткие заметки в местных газетах да единственная брошюра Б. В. Милорадовича «Очерк геологического строения бассейна реки Березовой», написанной в 1936 году.

Мне очень хотелось попасть на берега реки-чудесницы, как называл ее один из авторов газетной заметки, и сделать о ней фильм.

Еще на Вишере я слышал от рыбаков:

НА РЕКУ-ЧУДЕСНИЦУ

— На Березовой хариус кишмя кишит. А скалы там — похлеще вишерских! Горная река эта стекает с западных склонов Уральского хребта в северо-восточном углу Пермской области и впадает в Колву. В этом районе есть еще одна река — Березовка, которая несет свои воды в озеро Чусовское.

Закончив путешествие по Южной Кельтме и побывав на Екатерининском канале, мы решили сразу отправиться на Березовую. Леса всюду похлеще осенними красками, но листва еще крепко держалась на деревьях. Стояли погожие солнечные дни.

И вот автомобиль мчит нас по дороге от Нырба сначала на Ухтым, потом к устью речки Коркас при впадении ее в Березовую.

Последние семнадцать-двадцать километров мы лихо неслись по лежневке — деревянной дороге, выложенной на болотистых местах. На большой скорости подъехали к берегу, заваленному высокими штабелями бревен.

Вечернее солнце золотило и без того звонкие осенние леса по берегам реки. Чистая, как слеза, вода, красные гроздья рябин, склоненных над нею, обрывистый утес вдали. Не знаю, как все это воспринял мой помощник Саша. Меня же Березовая сразу ошеломила. Здесь все было не так, как на обжитых уже Вишере и Чусовой, глуше, суровее.

В устье Коркаса нас ждала моторная лодка, чтобы отвезти в ближайший населенный пункт — Дыроватиху. Об этом мы договорились в Ухтыме.

Вместе с нами на автомашине приехало много школьников. Всех их тоже забрали лодки, заранее приплывшие сюда за ними.

На далеком утесе угасал последний луч солнца. С реки по-тянуло осенним холодком. Лодки, ревя моторами, уплывали вверх по Березовой. На берегу осталась одна девочка в легком осеннем пальто. Прислонившись к дереву, она громко всхли-пывала.

— В чем дело? Тебя оставили?

— Папка не приехал за мной.

— Куда тебе плыть? — с акцентом спросил наш моторист.

— До Валая.

— Не оставлять же девочку одну на берегу, — сказал я мотористу, с которым еще не успел познакомиться. Только сейчас я разглядел его. Это был высокий, худощавый человек лет сорока.

— Садись в лодку, — бросил он девочке.

Мы погрузили аппаратуру, уселись сами и усадили обра-дованную девочку. На плечи ей я набросил ватник.

Утерев слезы, она улыбнулась. Моторная лодка тронулась. Мы понеслись вверх по реке, любуясь береговым камнем, ко-торый, как сказал моторист, называется Амбарным.

— Ты где учишься? — спросил я девочку.

— В Ныробе.

— Зачем домой едешь?

— На выходной.

— А обратно когда?

— Завтра вечером.

— Ты отчаянная! Ведь очень тяжело ездить домой за столь-ко километров! Почему не остаешься на выходной в Ныробе?

— Да... Мне там скучно, — ответила девочка.

— А если б не было нашей лодки, ты так бы и осталась на берегу одна!

— Папка обещал прислать за мной лодку.

Я спросил моториста, сколько километров от Усть-Коркаса до Валая.

— Пятьдесят, — ответил он и, показав пальцем на девочку, добавил:

— Замучали нас ребята: каждый суббота вези туда, каж-дый воскресенье вези обратно.

Вскоре наступили сумерки. Над лесом показался серпик луны. Почти в темноте мы подплыли к поселку Дыроватиха, расположенному против отвесных скал, которые нельзя уже было разглядеть.

Дыроватиха — небольшой, но приятный на вид поселок в нижнем течении Березовой. Он раскинулся на крутой излучи-

не. Вдоль берега тянутся два ряда стандартных двухквартир-ных домов.

Напротив поселка на другом берегу возвышается изрезан-ный на тонкие утесы камень Дыроватый. Он из самых живо-писных на реке Березовой.

Киноаппаратом мы привлекли внимание детворы. Вокруг нас столпились мальчишки и девочки. Они помогли нам пере-браться на другой берег, к самому отвесному утесу со щелью. Забраться на его вершину можно только по узкой теснине. Здесь трудно даже взрослому человеку. Но наши спутники, как муравьи, поползли вверх. Вскоре и мы забрались на утес. Отсюда долго любовались скрывающейся среди лесов рекой, панорамой далеких гор.

Наш первый съемочный день на Березовой закончился ус-пешно. Мы засняли поселок и скалы камня Дыроватого. Окон-чательно познакомимся и с нашим мотористом. Его зовут Вольдемар Швенк. Он давно уже живет на берегах Березовой, осел в этих местах основательно. Только говорить хорошо по-русски так и не научился.

Мы стали звать его запросто — Володей. Он должен сво-зить нас до последнего обозначенного на карте пункта в вер-ховьях Березовой — Бурундука, потом спуститься до устья и по Колве доставить в Ныроб.

На другой день — обычная для нас ра-бота: погрузились в лодку и отправились вверх по реке. Стоял высоких лесистых берегов. Мы врезались в эту молочную пе-лену, сквозь которую едва проглядывало солнце, окруженное огромным расплывчатым ореолом.

К КАМНЮ

ЕРАНУ

густой туман. Он клубился под луча-ми утреннего солн-ца, медленно подни-маясь по склонам

По крутым берегам тянулись совершенно желтые леса. Бе-резы, березы, березы... Они заглядывали прямо в реку и тихо роняли в прозрачную воду свои листья.

Мы плыли словно в золотых каньонах. Не поэтому ли ре-ка и называется Березовой...

На левом берегу показались две заброшенные избы. Наш моторист сказал:

— Долганиха.

Здесь когда-то была деревня, а теперь стоят две пустые избы. Уныло выглядят дома, в которых уже не живут люди.

Самый большой из них еще цел, может приютить рыбаков или сенокосчиков. Другой совсем развалился.

Но вот впереди забелели новенькие домики большого поселка. Через реку перемахнул массивный деревянный мост. На берегу громоздятся высокие штабеля древесины.

— Валай, — объявил Володя.

Вспомнилась наша маленькая попутчица. За ней все-таки пришла лодка в Дыроватиху. Там, на коммутаторе, я видел, как она, заливаясь слезами, кричала в трубку:

— Папка, ну когда же приедешь за мной! Я домой хочу!

В Валае мы запасаемся продуктами и отплываем дальше. Нам то и дело попадаются рыбаки. Они медленно ходят по берегу, держась за длинную леску, на конце которой по воде плывет странное сооружение.

Я поворачиваюсь к Володе, спрашиваю:

— Что это?

— Кораблик. Катюшей зовут здесь, — отвечает он и поднимает из-под своих ног такую же снасть.

— Харюз ловить будем.

Кораблик — это два поплавка: один круглый и заостренный с обоих концов, как веретено, другой — вертикально поставленная и закругленная снизу досочка. Все это соединено двумя дугообразными проволочками. К поплавку-веретену прикреплена жилка с множеством искусственных мушек-крючков. Жилка крепится так, чтобы кораблик стоял к течению под некоторым углом: он действует по принципу воздушного змея.

Вода в Березовой очень прозрачная. Просматривается каждый камешек. Чистые струи переливаются, скручиваются, и от этого солнечные зайчики играют на каменистом дне.

Дорогу нам преграждает мель. Володя вылезает в воду, мы — за ним, тащим лодку на буксире. Березовая обмелела здесь почти на полкилометра. Часто раздается над рекой наше «Раз, два — взяли!» Наконец мель позади.

Ревет мотор. Мчимся дальше. Из-за поворота реки показывается огромная стена берегового камня, заросшего на вершине густым лесом. Заметив наши восхищенные взгляды, Швенк кричит:

— Это Еран-камень!

Такого исполина я еще не видел ни на одной реке. Перед нами уже не просто скала, а как будто стена древнего замка, неприступной крепости. Река перед каменным гигантом сузилась, стала маленькой, мелкой. Напротив отвесной стены под темными елями раскинулся зеленый лужок.

Пока светит солнце, я снимаю камень. Саша ставит палатку. Володя развел костер и отошел с корабликом к реке наловить хариусов к ужину. Иногда мы подходим к нему, наблюдаем за рыбалкой. В прозрачной воде видны неподвижно стоящие на быстрине хариусы. Заметно, как медленно шевелят они своими высокими спинными плавниками. Искусственные мушки проплывают прямо над их головами — хариусы хоть бы шелохнулись.

Все старания Володи оказались напрасными.

— Завтра поймает! — утешает он сам себя.

Чистим картошку, раскрываем банки с мясной тушенкой. Незаменимая еда в походах.

Вечереет. Последние лучи солнца окрашивают Еран в оранжевый цвет. Над водой под камнем раздается эхо чьих-то голосов. Кто-то приближается к нам с верховий. Из-за мыса выплывают две лодки. В них — четверо. В одной из лодок бугром сложена сеть. По-видимому, рыбаки. Заметили наш костер, направились к берегу.

— Швенк! Ты что тут делаешь? — раздается с лодки.

— Еран караулю, — отшучивается он.

Рыбаки вышли на берег. Мы поздоровались. Все они из поселка Булдырья, расположенного в низовьях Березовой. Их целая бригада. Подрядились заготовить рыбу для местного потребсоюза.

На костре уже кипит чайник. Предлагаем рыбакам разделить с нами ужин.

— Еды не надо, а вот от чайку не откажемся: промокли мы от этой проклятой рыбалки, — говорит один из них.

Швенк заглянул в лодки.

— А где же рыба?

— Дело плохо, — отвечает старший из рыбаков. — Весь харюз в вершине скопился, а здесь его мало.

Увидев наш кораблик, рыбак помоложе спросил:

— На уху-то хоть наловили?

— Ни одной рыбки, — ответил Саша.

— Так что же это, мужики? — обратился молодой рыбак к своим: — Разве можно так встречать гостей? Давайте-ка закинем здесь на удачу!

В сумерках двое рыбаков отплыли в лодке и стали сбрасывать в воду сеть. Когда она раскинулась по реке, наискось перегородив ее, от берега отчалила другая лодка. Сеть начали медленно тянуть.

— О! Да гости-то наши счастливые!

Вместе с сетью из воды показывались трепещущиеся рыбины. Один из рыбаков доставал их и бросал на берег, к ногам Саши.

— Лови, парень!

Было выброшено более двух десятков.

Наше варево из картошки и тушенки было выложено в миски. Очищенная рыба заполнила кастрюлю почти до краев.

Минут через пятнадцать кастрюлю торжественно сняли с костра. Рыбаки зачерпнули по кружке наваристого бульона, предложив остальное нам.

— Попробуйте березовского хариуса.

— На Вишере тоже хвалят эту рыбу, — говорю я.

— Э, нет! Наш хариус лучше. У нас он на вкус другой — слаще.

Не ужин, а священнодействие происходило у вечернего костра. Особенно восхищался Саша.

— Какая рыбка! Впервые пробую хариуса!

— Молодец, парень! Оценил! — посмеивались рыбаки.

Разговор прервался неожиданным уханьем филина. Все притихли.

— Хозяин Ерана проснулся, — сказал старый рыбак.

Филин еще раз издал свое «фубу» и слетел с кедра, стоящего на вершине Ерана. На фоне звездного неба над нами пронесся темный силуэт большой птицы.

— Почему камень называется Ераном? — спросил я у рыбаков.

Ответил старик:

— В старину вогулов так называли — еранами. Вогул, еран — значит дикий. Еран — дикий, глухой камень.

— Это, пожалуй, так, — подтвердил молодой.

Над лесом по вершине Ерана небо озарилось тусклым зеленоватым светом. Постепенно, словно крадучись, из-за деревьев выплыла луна. На реке заиграла световая дорожка. По звездному небу снова промелькнула черная тень ночной птицы.

— Ну что, мужики, — сказал старый рыбак, — поплывем к своему шалашу.

И они уплыли в таинственную тишь мрачного каньона. Черная стена камня ограждала реку с одной стороны, с другой высился плотный часток темной хвойной тайги. Над уснувшими лесами висела луна.

Бывали вы когда-нибудь в ночной тайге при луне?

Как жаль, что многие не видели удивительной красоты ночного леса. При луне тайга полна таинственности. Причуд-

ливые очертания деревьев, пни с вывороченными корнями, похожие на фантастические чудовища...

Сколько лунных ночей я провел в лесу! И ни одну из них нельзя сравнить с другой. То выглянет тоненький серпик из-за зубчатой кромки и повиснет над ней. Как в сказке! То багровым диском луна крадучись выглянет из-за деревьев, настораживая и пугая всех, кто в это время ночует в лесу. То словно новеньким серебряным рублем взметнется она в небо и разбрасает над тайгой холодные лучи.

Жутко в полуночной тайге при луне. И в то же время непередаваемо прекрасно...

Утренний туман долго скрывал реку. Бледным силуэтом проступал сквозь него Еран. Природа была в том состоянии, когда по реке не проплывешь — опасно, и по тайге не пойдешь — заблудишься. Но вот туман за клубился, пополз по каменистым расщелинам, стал подниматься и поплыл над тайгой, облизывая макушки деревьев.

— Готовь аппарат, Саша! Полезем на Еран.

Для обследования мы намечаем среднюю часть камня, как самую живописную и привлекательную.

Немного погодя Володя перевозит нас на другой берег. Мы с Сашей углубляемся в тайгу, поднимаемся по крутому склону, чтобы найти пещеры, о которых вечером слышали от рыбаков.

После съемки Дивьей пещеры на Колве я стал понимать, до чего нелегко труд спелеологов. Особенно в поисках неизвестных подземелий. Здесь, на Еране, это особенно трудно. Склоны его заросли глубоким мхом. Он слабо держится на каменных выступах — ноги скользят, срываются.

Цепляясь за кусты и стволы деревьев, мы поднимаемся к вершине. Выходим на небольшие площадки, покрытые ковром белого ажурного мха. Это ягель, корм северных оленей. Здесь он удивительно высокий, мясистый.

Когда мы с Сашей поднялись на вершину Ерана, выглянуло солнце. Под нами открылись необозримые леса. Прорезая их, река круто изгибается перед скалой и уходит вдаль.

Мы сидим на мягком моховом ковре и любимся лесными далями.

— А где же тут пещеры?

— Искать надо, Сашок. Сейчас в расщелинах, под обрывами посмотрим.

Мы спускаемся вниз, заглядываем под каждый обрыв.

— Вон там какие-то дыры! — кричит Саша.

Перед небольшой мшистой площадкой тянется невысокая белая стена, в ней зияют чернотой три отверстия. Надо обязательно их исследовать.

— Дайте фонарик.

Саша влезает в первую дыру и надолго пропадает в ней. Через некоторое время он появляется в третьем отверстии и с удивлением сообщает:

— Да тут люди, наверно, жили!

Я повторяю его путь. Невысокий грот уводит меня в глубь горы, затем круто, под прямым углом, поворачивает вправо. Иду по тесному низкому тоннелю. На полпути, справа, светится маленькое окно. Еще дальше тоннель выводит меня в просторную келью. Обрамленная правильным круглым сводом, она выходит наружу.

В конце кельи ровный пол, стены, как будто выложенные кирпичом. Потолок слегка закопчен. Не стоянка ли древнего человека? Может быть, и впрямь здесь когда-то жили люди? Ведь ничего удивительного в этом нет.

Пробираемся вдоль камня дальше: возможно, обнаружим еще что-нибудь. В густом лесу под утесами сумрачно, прохладно. Ноги проваливаются во мху, под ним — каменные россыпи со щелями, в которых не мудрено заклинить сапог. Ходить надо осторожно.

Приближаемся к отвесному утесу, заслоненному темной хвоей кедров.

— Опять пещера! Да какая громадная!

Но Саша ошибся: в скале — гигантская ниша, высотой с двухэтажный дом. Возможно, со временем из нее образуется грот. Углубление незначительное, но поражает другая деталь — высоко над нашими головами висит громадная арочная глыба. Страшно стоять под этим многотонным навесом. Вдруг он сорвется.

Мы изрядно устали, плутая по крутому склону. Решили закончить наши поиски. Для детальных спелеологических изысканий на Еране нужно потратить не один день.

Вскоре мы были в своем лагере. Моториста и на этот раз постигла неудача — ни одной рыбки.

— Будем ночевать или поплывем дальше? — спросил он меня.

— Надо плыть.

Сказать по правде, не хотелось покидать это замечательное место — камень Еран. Как потом я убедился, лучше его нет на всей Березовой.

Впереди слева в КАМЕННЫХ чивает вправо и те-
опять виднеется ка- ЛАБИРИНТАХ рется в тесном кань-
менная стена. Это оне, образованном
Пасынок. Река от ПЕХАЧА высоким лесом на
него круто пово- одном берегу и от-
весной скалой на другом.

На ближнем откосе виден отдельно торчащий палец — Пасынок. Он, собственно, и дал название всему камню. По-видимому, стоит он здесь уже не одно столетие и не думает рушиться вниз.

Дальше, с правого от нас берега, гигантским выступом вдается в реку заросший темными лишаями камень Серовик. Перед ним река затянута зарослями лопушника — значит, там мелко. Мотор уже задевает дно. Володя выключает его и берет в руки шест.

Следующий камень на левом по нашему ходу берегу не похож на все предыдущие. Он весь состоит из слоистых, выступающих под углом к реке утесов. На обрывах примостились островерхие елочки.

— Это что за скалы? — спрашивает Саша.

— Пехач!

Странное название. Но камень мне нравится своим необычным строением. Вероятно, пейзажи оттуда интересные.

Причаливаем к берегу. Высматриваем, где бы нам легче подняться на вершину. Вон там, по осыпи у последних скал, кажется, лучше всего.

Саша карабкается первым и кричит сверху:

— Тут каких-то красных ягод полно!

Я подхожу. Вся осыпь заросла низкорослыми кустиками красной смородины. Как можно пройти мимо этой скатерти-самобранки!

И вот мы уже наверху. Густой захламленный лес тянется по вершине камня. Выходим к самой мощной скале. Она совсем отвесно обрывается к реке. Над пропастью под тяжестью гроздьев склонилась молодая рябина.

Под нами крутая излучина речного плеса. Если с Ерана открывались необъятные темнохвойные леса, то с Пехача мы увидели берега, заросшие березняком в золотом уборе. Как жаль, что мы снимаем эти чудные осенние пейзажи не на цветную пленку, а на черно-белую!

Пробираемся по лесу дальше в надежде попасть на следующий утес.

— Смотрите, какие ворота! — кричит Саша.

В гуще березняка просматривается странное сооружение — каменный остов ворот. Саша карабкается к арке и останавливается в проеме. По сравнению с его фигурой каменные ворота сразу становятся колоссальными.

За аркой мы с Сашей замечаем какой-то странный провал, глухую котловину среди скал. Спускаемся по расщелинам вниз и останавливаемся на секунду пораженные: на нас снизу уставился пустыми глазницами огромный череп — так выглядят два пещерных входа в скале.

— Не зря полезли сюда! — говорю я Саше с восторгом.

— Даже страшно тут!

Мы с опаской спускаемся к зияющим чернотой дырам: вдруг потревожим отдыхающего в пещерах медведя?

— Выходи, Топтыгин! — шутливо кричит Саша.

Из подземелья никто не появляется. Только где-то вблизи тревожно просвистел рябчик.

«Два глаза» оказались входом в небольшой грот. Надежное укрытие от дождя. Внутри сравнительно сухо, в каменных лунках на полу даже есть чистейшая грунтовая вода.

Видимо, в Пехахе есть и другие интересные гроты, пещеры. Но Володе мы обещали вернуться скоро. Да на первый раз достаточно и того, что засняли.

Сверху мы видим, что наш моторист развел костер, копитесь возле него. Спускаемся и застаем такую картину: над огнем висит чайник, а возле расставлены нанизанные на палочки хариусы.

— Рыбацкий шашлык! — с гордостью говорит Володя.

Такая забота порадовала нас: лазая по скалам, проголодались мы изрядно.

Минут через двадцать мы снова в пути. Впереди, перед лодкой, танцуют хариусы — то и дело выпрыгивают из воды и хватают насекомых в воздухе.

Впереди снова скала, маленькая, замшелая. Вершина увенчана выступом, напоминающим голову какого-то чудовища. Река бурлит перед камнем.

— Сотник, — показывает на скалу Володя, — тут, пережат большой.

Под скалой стоит лодка. Возле приподнятого над водой мотора возится рыбак. Завидев нас, он машет рукой.

— Здорово, Швенк! Выручай! Все шпонки измолотил. Никак не могу одолеть Сотника!

Знакомая история.

Туманное утро на Березовой.

Гигантская пища в камне Еран.

Расщелина в камне Дыроватом.

Далеко внизу разбежались домики лесного поселка.

Каменная арка на вершине камня Пехач.

Бурундук — одинокая изба в верховьях Березовой.

— Что, очень коварный пережат? — спрашиваю я рыбака.

— Он, холера, недаром называется Сотником! С первого разу редко кто проплывет его. А прозвали его так, знаете, почему? В старину, говорят, один из мужиков девяносто девять раз пытался с шестом переплыть этот пережат. И только на сотый раз одолел. С тех пор и зовут его — Сотник!

У рыбака мотор маломощный — ЗИФ-5, и с нашей «Москвой» его не сравнить. Володя делится с рыбаком запасом шпона, и мы отплываем.

— Глубоко мотор не держи! — кричит нам обрадованный рыбак.

Река от скалы становится узкой. Вся вода устремляется в тесную горловину. И вот уже встречные волны стучат о днище лодки. Бешеные струи норовят захлестнуть ее.

Мотор наш ревет на всю округу. Володя придерживает его, чтобы винт не задел дно. Рыбак с интересом наблюдает за нашим поединком с Сотником. Ему предстоит это сделать следом за нами.

Еще немного усилий — и мы выплываем на тихий плес. Картина резко меняется: река как будто стоит, в зеркало ее вод смотрится увядающая природа.

Я очень люблю плыть по реке осенью. Комаров уже нет. В природе наступает приятное затишье. В эту пору прибрежные леса гостеприимно встречают путешественников. Грибы, ягоды, дичь...

А сколько чарующих картин открывается взору, когда плывешь по затихшей осенней реке! С каждым поворотом меняются пейзажи: то взметнутся в небо темно-зеленые кедры, то вынырнет из-за мыса золотая березовая роща, то вдруг на берегу запылают черемухи. Нигде, кроме севера, я не видел, чтобы листва приобретала такие яркие цвета.

На Березовой очень мало бывает туристов. Хорошо, если за лето проплывут на плотах две группы. Местные жители рассказывают, что иногда не видят туристов по несколько лет.

Выше Сотника скал по реке нет, за исключением одного камня — Кырныша с двумя небольшими гротами у самой воды. Перед камнем глубокий омут, по уверениям рыбаков — обиталище тайменей.

И тянутся потом бесконечные лесистые увалы, таежная глушь до самой деревни Вижаихи — последнего населенного пункта на Березовой.

Туда мы добрались под вечер.

Вижайха — маленькая деревенька, раскинувшая свои домишки на высоком правом берегу. К ВЕРХОВЬЯМ Когда-то это был большой поселок. Но теперь почти все разъехались. Остались только старожилы — потомки давних обитателей северо-уральских лесов.

Молодежь уезжает на учебу и сюда уже больше не возвращается. Старики постепенно умирают. И далекий таежный уголок на Березовой остается как бы всеми забытый. Однако хозяйка дома, Антонида Григорьевна Ходырева, у которой мы остановились на ночлег, уверенно заявила:

— Скоро мы заживем! Говорят, леспромхоз из Дыроватиhi сюда переведут.

Выше Вижайхи по реке уже нет населенных пунктов. Там край рыбаков, охотников да сенокосчиков, которые находят приют в одинокой избе. Место это называется Бурундук. Нам туда и нужно добраться.

Хозяйка дома оказалась бойкой, бывалой женщиной.

— Сколько раз я с мужиками ездила на сенокос в эти места! Там теперь одни медведи живут.

Этот разговор заинтересовал Сашу.

— И вам приходилось видеть мишку?

— Как же! По берегам он часто бродит. Увидите сами!

Рассказы о медведях всегда действуют. Стоит только одному начать рассказывать о встрече с таежным зверем, как все с исключительным вниманием прислушиваются к истории, в которой трудно отличить вранье от правды.

На другой день под влиянием вечернего разговора о медведях я заранее приготовил кинокамеру с телеобъективом и положил ее перед собой в носу лодки. Заснять «хозяина» в естественной обстановке — моя давняя мечта.

— Внимательно следите за берегами, — говорю я.

Березовая выше Вижайхи протекает среди невысоких лесистых холмов, отступивших от реки на значительное расстояние. И поэтому берега ее на этом участке низкие, малоинтересные. Десять километров тянется унылое однообразие.

Но вот на берегу слева неожиданно вырастает скала.

— Это Варыш, — оповещает моторист.

Громким эхом разносится гул мотора под отвесной скалой. Задрав головы, мы оглядываем камень.

Дальше тянется ряд невысоких утесов. Иные из них отодвинулись от берега и смотрят на реку сверху, из-за макушек

леса. Березовая становится узкой, теснят ее катящиеся глыбы с одной стороны и лес — с другой. Деревья низко наклонились над самой водой.

На секунду я оглядываюсь назад: как там мои спутники? И в этот момент Саша кричит:

— Во! Во! Кто это плывет?

С молниеносной реакцией я хватаю кинокамеру и навожу на темное пятно, пересекающее реку. Стрелка выскочила из аппарата. И только в визире камеры я узнаю поднятую над водой морду лоса.

Считанные секунды — и лось стремительно ныряет на берег и скрывается в кустах. Выключаю кинокамеру. Облегченный выдох.

— Засняли? — нетерпеливо спрашивает Саша.

Я проверяю диафрагму, наводку на фокус. Все вышло правильно. В кассете теперь находится один кадр.

— Заснял.

Русло реки круто повернуло вправо. Мы обогнули заросший ивняком.

Вздрыгнула лодка. Я оглянулся назад. Визире выскочила за ружьем и молча показывает пальцем вперед. Смотрю туда.

— Лошадь с жеребенком, — говорит Саша.

В первый момент мне тоже показалось, что в кустах у самой воды стоит упитанная кобыла с жеребенком.

— Какая лошадь! Лосиха... — выдохнул моторист.

Оба животных, оттопырив свои большие уши, любопытством наблюдают за нашей лодкой. Расстояние между ними большое. Нужно применить более мощную оптику.

Судорожно меняю один объектив на другой. Не вышло, назло, трясущиеся руки плохо справляются с малым Зоннором-300.

Но вот все, кажется, готово: объектив укреплен, включен аккумулятор. Пробую аппарат — работает. Проверяю диафрагму, припадаю глазом к визиру. Лосиха в прежней позе.

Навожу на фокус. В это время лосиха отворачивается от нас, стала щипать листву. Потом наклонила голову и пошла. Лосенок же стоял как вкопанный и смотрел на нас. Он был своего «артиста», только что переплывшего реку, и был мокрым.

Включаю аппарат. Жужжащий звук, очень громкий для зверей. Лосиха резко подняла голову и с ошарашенным видом посмотрела на нас. Потом медленно пошла от воды и скрылась в кустах. Лосенок

нок постоял немного и поспешил за матерью. Зеленая листва скрыла от нас лосиное семейство.

Подплываем ближе. Замечаем в кустах темные фигуры зверей, следящих за нами. Нос лодки глухо стукнулся о галечный берег. От этого звука лосей словно ветром сдуло.

— Вот это да! Полтонны мяса! — говорит Володя.

— К черту мясо! — радостно кричу я и хлопаю ладонью по кассете. — Вот он где, замечательный трофей!

Мы проплыли еще ряд небольших скал, и река надолго отошла от них в низину, из которой не видно ни холмов, ни гор. Унылые берега оживлялись только радостными красками осеннего березняка.

Но вот кончилось речное однообразие. На Березовой стали часто чередоваться мели с плесами. Одна у нас теперь забота — прибегаем к помощи шеста или вылезаем за борт и приемом «раз, два — взяли!» протаскиваем лодку через перекаты.

За ними ожидают нас тихие и глубокие плесы. С одного берега к ним, как правило, спускается крутая лесистая гора, под ней глубокий черный омут. У другого берега — мель с густой зарослью водяных трав, низкая луговина с черемухой и березняком.

В одном из таких плесов Володя резко сбавил обороты мотора. Я инстинктивно потянулся за кинокамерой и оглянулся. Моторист поспешно заряжал ружье. Смотрю вперед — никого не вижу.

— Кто? — спрашиваю.

Володя молча показывает пальцем вперед, не выпуская ружья. Я снова вглядываюсь. Далеко впереди замечаю в зарослях прибрежной травы темное копошащееся пятно.

Швент почему-то обеспокоен. Движения у него поспешные и нервные. Он совсем выключил мотор и, не говоря ни слова, причалил к берегу. Я вопросительно наблюдаю за ним.

Подойдя ко мне, он взволнованным шепотом говорит:

— Наверно, там медведь.

— Медведь! Где? — громко кричит Саша.

— Тихо! Не шуметь!

Начинает часто колотиться сердце. Я достаю из рюкзака бинокль и шепчу своим спутникам:

— Давайте сначала посмотрим.

Забираемся на бугор, с которого хорошо видна та часть реки, где Володей замечен медведь. На вершину выползаем на животе. Осторожно выглядываем. Темное пятно продолжа-

ет копошиться в траве у самой воды. Расстояние большое, трудно определить, что там за зверь. Для медведя кажется мал. Может быть, россомаха?

Приглядываюсь в бинокль и ясно вижу: в траве по мелководью бродит медвежонок и что-то старательно выискивает.

— Посмотри-ка, Володя, — передаю я бинокль.

— А-а... Маленький медведь. Матка рядом может быть.

— Дайте, дайте мне посмотреть! — шепчет Саша.

Моторист тихо говорит:

— Я не хотел бы подходить близко: медведица — это о-о! — и он качает головой.

— Ближе подходить не надо, — отвечаю я и прошу помощника: — Саша, быстро сбегай за камерой и телеобъективом 500.

Пока он ходит за аппаратом, мы с Володей наблюдаем за медвежонком.

Приполз с кинокамерой запыхавшийся Саша. Быстро вставил в аппарат длинную трубу — телеобъектив 500. Без промедления прицеливаюсь, навожу на фокус и снимаю.

Телеоптика, как сильный бинокль, приблизила медвежонка. Изображение четкое, видно, чем он занят. Сначала он срывал стебли трав и, мотая головой, старательно жевал их. Потом, увидев в воде мальков, стал гоняться за ними, смешно хлопая лапами. От каждого удара поднимался фонтан брызг.

Разогнав мальков, медвежонок снова принялся жевать траву. Тем временем успокоившиеся рыбки, очевидно, опять подплыли близко. Он заметил их, и все началось сначала. Отчаянные прыжки по воде, удары лапой, брызги...

Вдруг медвежонок встал на задние лапы и, повернувшись к кустам, замер на несколько секунд. Потом припустил со всех ног и скрылся в зарослях. Колыхнулись ветви ивняка там, где пробежал зверь.

Володя оторвался от бинокля:

— Матка позвала. Наверно, почуяли нас.

На этот раз мы были особенно начеку. Помимо готовой к съемке кинокамеры, передо мной в лодке лежала двустволка, заряженная пулями «жакан». Володя также зарядил пулей свое ружье и положил его рядом с собой.

Но наши опасения были напрасными: мы проплыли большое расстояние и никого не заметили.

Вдали показалась зеленая горка. Река основательно покрутила нас, прежде чем мы приблизились к ней. На склоне ее у самой воды замечаем слоистое каменное обнажение.

Моторист кричит:

— Это Бурундук!

— Ну и камешек, — разочарованно говорит Саша. — Стоило из-за него сюда забираться!

В слоях невзрачного камня заметны темные полосы. Володя показывает на них.

— Бурундук такой же спина имеет.

За камнем виден крутой пригорок, среди редкого леса тянется вверх тропинка и выводит на высокий голый холм, на котором стоят два строения.

Причаливаем. Идем вверх по тропе.

Широкое таежное раздолье открывается перед нами. Видна длинная возвышенность — Березовский камень. А река, сделав перед бугром крутую излучину, исчезает в лесном океане.

Дома пустые. Один из них сгнил — крыша обрушилась, стоят только трухлявые стены. Другой дом сравнительно цел, годен для жилья. В нем только что были люди: на полу разбросано сено, на столе стоит керосиновая лампа, банка с солью, валяются огарки свечей, спички.

Место Бурундук, получившее название от камня, теперь заброшено. Только, как говорит Володя, здесь ежегодно летом живет партия сенокосчиков с Вишеры, из поселка Ваи. Они приезжают сюда верхом на лошадях по тропе, проложенной через Березовский камень.

В тридцатых годах здесь был поселок. Последний жилец этого поселения, одинокий старик, года два назад перебрался в Ныроб. И Бурундук перестал существовать. Только остался на устаревших картах.

Мне здесь очень нравится. Пожалуй, это самое лучшее место на Березовой после Ерана.

Едва мы успели поужинать, стемнело. Из туч вышла луна. В воздухе наступило какое-то странное затишье. Я стоял на холме перед домом. Кругом только звездное небо с луной и темный лес без конца и края...

Утром Володя, как всегда, встал первым, сходил на улицу.

— Мороз был...

— Да пора уж.

Я выглянул в окно. Стоял густой туман. Трава и кусты белели от инея. Березовая дарит нам на прощанье свои первые осенние заморозки.

Я буквально вылетел из избы с киноаппаратом, зная, что иней в любую минуту может исчезнуть.

На кустах, на ветвях деревьев, на травинках — белые шнурки паутины. Особенно привлекла мое внимание замысловато окутанная вершина маленькой елочки на склоне холма. Словно под Новый год нарядили ее пушистыми серебряными нитями.

Вскоре туман рассеялся, выглянуло солнце и на глазах растопило иней. Паутинки, стебли трав и листья покрылись мелкими каплями росы.

Но и это сверканье прожило недолго. Подул ветерок и осыпал его: земля поглотила осенние слезы.

Снимаю заключительный для будущего фильма кадр — зеленые увалы с позолотой и без конца лес, лес, лес...

Мы прощаемся с Березовой. Прощаемся с лесами сурового уральского севера, скрывающими эту реку-чудесницу.

С легкой грустью мы к вечеру покидаем Бурундук. Уплываем вниз по Березовой.

Оглавление

От автора	5
В гротах Дивьей пещеры	9
Вишера алмазная	37
На альпийских лугах Урала	81
По Южной Кельтме	109
В каньонах реки Березовой	125

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАПЛАТИН

В ОБЪЕКТИВЕ — УРАЛЬСКИЙ СЕВЕР

Редактор Г. Н. Солодников
Художественный редактор М. В. Тарасова
Технический редактор Т. В. Дольская
Корректоры Е. П. Божанова, И. Л. Пархомовская

Подписано к печати 5/XI 1965 г.

Формат бум. 60×84¹/₁₆ 9 п. л. + вклейки 1,375 п. л.

Б. л. 4,5. Уч.-изд. 9,567 л. + 1,419 л. вклейки.

ЛБ02712 Тираж 10 000 экз. Цена 40 коп.

2-я книжная типография управления по печати.
г. Пермь, Коммунистическая, 57. Зак. 1536.